

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михайломъ Каѣеновскимъ.

Ч А С Т Ъ LXIII.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1812.

Печаташь дозволяется съ шѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Апрѣля 25 дня, 1812 года. По назначенію Цензурнаго Комитета, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ *Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 9. МАЙ 1819.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НѢ КалліопѢ (*):

Благодѣянію МузѢ.

Сойди съ небесъ жвала героевъ,
Сойди Царица МузѢ, трубу свою прими,
Безсмертнымъ гласомъ пѣснь высокую греми,
Или при звукѢ лирныхъ спроевъ;
Иль съ арфой Феба золотой! —

*

Не внемлешь? — иль я мечтаю? —
О прелесть! о восторгъ, чарующій пѣвцовъ!
Уже блуждаю въ мгла божественныхъ лѣсовъ,
Журчаніе ключей внимаю
И сладкой шопотъ вѣтерка.

*

Отъ Дѣвъ Парнасса вся благая.
Могу ли я забыть, какъ въ оптической странѣ,
Успалаго отъ игрѣ, младенца, въ сладкомъ снѣ,
Чудотворяща горлицѣ спал
Въ шѣни осыпала меня

*

(*) Сммотри Горациеву оду *Descende coelo, et set:*

Благоуханными цвѣтами
И Ахеронція, нагнувшись съ дикихъ скалъ,
Дивилася и боръ Баншинскій трепещаль,
И углубленный межъ холмами
Фарентъ (*) во ужасѣ: кто сей,

✽

Кто сей, вѣщаетъ, неврединный
Ни звѣремъ, ни змиемъ на дернѣ луговомъ,
Покрытый лаврами и миршами кругомъ? —
Сей сынъ земли непоспужимый
Не безъ призрѣнія боговъ! —

✽

Я вашъ, я вашъ, о Пiereды!
Спремлюся ли когда въ Сабински высоты,
Пренесшь ли ждешь меня, Тибураль красовы,
Иль влажныхъ Бай милы виды
Мнѣ улыбающа вдали.

✽

Я вашъ! — любитель громкимъ хоромъ,
Любитель счастливый отъ васъ святымыхъ
водъ,
Я вами огражденъ средь бранныхъ непогодъ,
Среди стихійныхъ въ безднѣ споровъ,
Подъ древомъ смертн роковымъ.

✽

Готовъ, готовъ спремиться съ вами
Босфора злобнаго въ зыбучія поля,
Пылающихъ песковъ въ безбрежныя моря, —
Землей, пучиной, небесами
Безбѣдный странникъ и пловецъ!

✽

(*) Ахеронція, Баншина, Фарентъ — названія городовъ нижней Италіи.

Увижу льдисной брегъ Британновъ,
Пришельца робкаго погибельной предѣлъ,
И племя Гелонновъ, ужасныхъ силой стрѣлъ,
И пьющихъ кровь коней Конканновъ,
И мрачный Скифскій Танаисъ! —

✽

Вы заперли врага военны;
Отъ васъ приялъ гражданъ осиротѣвшій градъ;
Лобзаютъ мащери давно желанныхъ чадъ! —
И въ вашихъ грозахъ несравненный
Почтѣтъ Цезарь послѣ бурь.

✽

Отъ васъ спасительны уроки,
Вы учите добро любить и совершать! —
Вселенна видѣла неисповую рашъ,
Тишановъ замыслы высоки,
И шоржествующій перунъ.

✽

И шопъ, которой управляетъ
Трясеніемъ земли, волненіемъ въ моряхъ
Раздоромъ въ тартаръ и громомъ въ небесахъ,
Кпо смертныхъ и боговъ смиряетъ,
Единъ единой правотой, —

✽

И шопъ воспрененалъ дружины
Земныхъ богатырей, зовущихъ небо въ бой,
Когда отъ брашнихъ рукъ, какъ листъ передъ
грозою,
Взлетѣлъ на Пиндовы вершины
Многолѣсисный Пеліонъ;

✽

Но что Тифей, что Мимасъ ярый,
Но что Порфиріонъ, мятежныхъ силъ глава,
И Ретъ, и съ корнями кидающій древа
Енцеладъ, всего удары
Трасли молніецвѣтну швердъ,

✽

Что всѣ враги боговъ, закона
Предъ опаляющимъ Минервинымъ щитомъ? —
Здѣсь ратуешь Вулканъ, облишый вкругъ ог-
немъ;

Тамъ всемогущая Юнона;
Здѣсь звонкій напрягаетъ лукъ,

Изъ неприсступныхъ свѣта сѣней,
Кропящій чистою Кастальскою росой
Власы, разлишья по раменамъ волной, —
Пророкъ и Царь родимыхъ шбней,
Благовѣспишель Аполлонъ.

Падетъ совѣта чужда сила,
Своей огромностью спираешься въ пыли;
Смиренну мудрость Богъ возносишь на земли!
Злой умыслъ самъ себѣ могила,
И проклять предъ лицемъ небесъ! —

Не тыль сей правды возвѣспишель
Спремишельный Гигесъ, спорукий изувѣръ!
Ты наглою Орионъ, наказанныхъ примѣръ,
Діаны чистой искуситель,
Сраженный дѣвственной стрѣлой.

Земля дрожитъ, реветъ, стенаетъ!
Грозами сверженныхъ пятча преслушныхъ чадъ;
Ихъ давишь, жжешь, помилъ богатый въ му-
кахъ адъ.

Огнь быспрый Епну пожираешь
И неизсякнешъ никогда!

Тисей, нежди оправдъ покоя,
И не насыпишься, во чреву пригвожденъ,
Шлющій кровь свою пернашый спражъ из-
мѣнъ! —

Трехсотны цѣли Перипоя
Тѣсняшъ безбожникамъ въ урокъ. —

Мрзльсь.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О Китайскихъ законахъ уголов- ныхъ.

Не лзя повѣришь словамъ нѣкоторыхъ людей, кои утверждаютъ, будто испощены уже всѣ извѣстїя о Китайцахъ и будто мы Европейцы знаемъ уже всѣ объ нихъ подробности, какїя только знать можно; несмотря на письма проповѣдниковъ хрїстіанской вѣры, ни на донесенїя пословъ, ниже на составленныя изъ оныхъ разныя описанїя, свѣдѣнїя наши о семъ многочисленномъ и древнемъ народѣ весьма ограничены. Мнїиїя Европейскихъ писателей были различны и даже противоположны: долго

спорили о нравахъ и обычаяхъ Китайцевъ, объ ихъ законахъ, наукахъ, ремеслахъ и религiи. Въ началѣ истекшаго столѣтiя Докторъ Боало, братъ извѣстнаго стихотворца, донесъ Академiи Сорбоннской о безбожiи Китайцевъ, и Сорбоннская Академiя, по доносу Доктора Боало, предала всѣхъ Китайцевъ проклятiю; важется было бы гораздо благоразумнѣе не осуждать людей, невыслушавъ отъ нихъ оправданiя.

Напротивъ того Французскiе философы, которые обыкновенно противурѣчили богословамъ, превозносили благочестiе Китайцевъ и святость ихъ догматовъ. Чего не написали они о Конфуцiѣ, объ ученыхъ мужахъ Китая, объ ихъ нравственности и сочиненiяхъ? Спросишь всегда и вездѣ препяществуешь судишь здраво и добираться до истины. Не будучи въ состоянiи сморгнѣть на положенiе дѣлъ своими собственными глазами, и припомъ видя, что и инѣ несогласны между собою, которые намъ описать оное вызвались, всего лучше сдѣлаемъ, когда не станемъ шоропиться выводить свои заключенiя и прежде осмотримся. На первой случай должно принять правило, по видимому, весьма справедливое: надобно умѣрять воспоргъ свой, говоря о глубочайшей древности Китайцевъ, объ ихъ искусствахъ, законодательствѣ, нра-

важѣ, многочисленности и безпредѣльныхъ знаенійхъ.

Кому не удавалось слышать, съ какимъ восторгомъ отзываются объ ихъ астрономическихъ вычисленіяхъ, объ огромной силѣ, о роскоши, о торговлѣ, о правительствѣ? Кто бы не подумалъ, положившись на слова нѣкоторыхъ пристрастныхъ писателей, что Аспрея и Минерва съ начала вѣковъ поселились въ Китаѣ? Вольперъ и Энциклопедисты торжественно возвѣстили всему свѣту, что въ одной древней Китайской летописи упомянуто о припадкѣ двухъ солнечныхъ затмѣнійхъ, и что двадцать восемь изъ нихъ повѣрены были нашими математиками въ Европѣ. Пусть такъ; однакожъ сіи столь громкогласно прославляемые познанія математическія до того ограничены, что въ 1772 году надлежало вызвать въ Пекинѣ четырехъ Нѣмецкихъ Езуитовъ для сочиненія календаря. Мнимая ученость Китайскихъ математиковъ такова, что они не могли понять механизма въ искусственной планетной системѣ, которую Лордъ Макартней поднесъ въ даръ Императору; а отецъ Горей, Езуитъ Португальскій, уверяетъ, что они сочиняютъ календари свои не иначе, какъ по выкладкамъ, сдѣланнымъ въ Европѣ. Сказываютъ даже, будто иногда случалось,

что они соспавляли годъ свой не изъ двѣнадцати, но изъ тринадцати мѣсяцовъ; ено однакожъ походитъ на выдумку. Увѣряють, что такая ошибка сдѣлана была ими въ 1670 году, и что ни одинъ изъ нихъ недогадался бы о ней, еслибъ Европейцы не показали. Правда что виноватаго математика задушили тогда же — какъ будто варварскимъ поступкомъ можно поправить и оправдать невѣжество!

Извѣстно, съ какою ревностію выхваляли просипоту законовъ и кропкіе уставы Китайскаго народа. Мы скоро увидимъ, надобно ли полагаться на сіи нелѣпыя и смѣшныя панигирики. Какой дикой народъ поступаетъ съ женщинами спель безчеловѣчно? Китайцы не только уродуютъ имъ ноги, чтобы онѣ не могли выходить изъ дому, не только продаютъ женъ своихъ; но для удовольворенія гнусной ревливости своей, или для наказанія за слабости, можетъ быть извинительныя по звѣрской жестокости мужей, подвергаютъ оныхъ мучительнѣйшимъ пышкамъ и казнямъ.

А что сказать о безчеловѣчномъ обыкновеніи уродовать, или даже и умерщвлять дѣтей своихъ? Въ помѣ ли состоятъ кропость и чувствительность, что приказываютъ повивальнымъ бабкамъ удашать ихъ въ теплой водѣ, или что бросаютъ ихъ въ

рѣну съ привязанною къ спиѣ порожнюю пыквою? Во всякой другой странѣ воли сихъ невинныхъ и несчастныхъ швореній спѣснили бы сердце и привели бы въ ужасъ природу человѣческую; въ Китаѣ слушающіе ихъ хладнокровно и безъ вниманія. Иногда бросающъ младенцевъ на улицы; ихъ подбираютъ потомъ въ большія шелеги, которыя по упрямъ ежедневно возмѣ для сего употребленія; послѣ того несчастныя жерны сїи складываются въ большихъ ямахъ, незасыпаемыхъ однако землею, для того что Магомешане приходятъ иногда искать дѣтей, и нашедши живыхъ, уносятъ съ собою. Но случается не рѣдко, что, еще до прибытія шелегъ, собаки и другія животныя пожираютъ бѣдныхъ малюшковъ, ошъ кошорыхъ остаются только нѣкоторыя члены. Есть писатели, оправдывающіе сїи безчеловѣчныя поступки примбромъ Спарпанъ, какъ будто примбрами оправдывать можно злодѣйство!

Степень, на которой находятся высшїя науки, соотвѣтствуетъ чувству чело- вѣколюбїа Китайцевъ. У нихъ нѣтъ ни одного глубокомысленнаго сочиненія о математикѣ, астрономїи, медицинѣ, физикѣ, естественной исторїи, художествахъ, земледѣлїи и проч., разумно такого сочиненія, о которомъ можно было бы спознаться

съ похвалою. Химїи вовсе имъ неизвѣстна, и вся ихъ бопаника состоитъ въ знанїи шестидесяти правъ полезныхъ и шестидесяти правъ вредныхъ. Все достоинство ученыхъ Кишайцовъ состоитъ въ умѣннѣ чинать и писать; слѣдственно они должны уступить нашимъ городскимъ и сельскимъ учипелямъ, которые въ состоянїи сдѣлать арифметическую выкладку и вымѣрять уголокъ земли съ помощію Геометрїи.

Очень выхваляли пышный обрядъ земледѣльческаго торжества, когда Императоръ своими руками вспахиваетъ ниву. Надлежало бы прибавить, что сей толико прославленный обрядъ совершается не иначе какъ только въ присутствїи придворныхъ, и что еслибъ какой нибудь поселянинъ осмѣлился возвести дерзновенные взоры на самодержавнаго земледѣльца, то заслужилъ бы можетъ быть казнь смертную.

Я готовъ согласиться, что Кишайцы всѣхъ на свѣтѣ превзошли своею чрезвычайною вѣжливостію; однакожъ не довольно ли было бы, повсирѣчавшись съ вельможею, снять шляпу и чинно поклониться, а не ложиться передъ нимъ на брюхо и не ползти по грязи? Или на примѣръ, не лучше ли было бы, когдабъ Кишайскіе ученые обрѣзывали у себя ногти, подобно нашимъ,

а не опращивали бы на рукѣ одного ногтя чрезвычайной величины, для того дабы показать презрѣніе къ механическимъ искусствамъ, и дабы всякой зналъ, что рука ученаго никогда не должна посрамлять себя работою?

Хошя Вольшеръ и взялъ изъ Китайскаго театра исторію для своей трагедіи; однакожъ это не препятствуетъ намъ называть, Китайскія зрѣлища самыми варварскими и нелѣпыми. Наши Русалки суть превосходнѣйшія произведенія драматическаго искусства передъ ихъ комедіями и трагедіями.

Я не совѣтую нашимъ щеголихамъ подписываться на полученіе Китайскаго Моднаго Журнала (если только Модной Журналъ издается въ Китаѣ) и по оному располагать понятія свои о хорошемъ вкусѣ въ нарядахъ. Кто бы повѣрилъ, что самъ Императоръ неупотребляетъ бѣлья, что вельможи никогда не перемѣняютъ и не отдають мышъ своего платья, и что вмѣсто сорочки надѣвають они легкое шелковое полукафшанье, и носятъ его до послѣдней невозможности? Разумѣется, что при такой опрятности они подвергаютъ себя доукамъ вѣрныхъ товарищей нищезны, извѣстныхъ насѣкомыхъ. Но у нихъ есть

служители, единственно занимающіеся преслѣдованіемъ сихъ безпокойныхъ неприятелей:

Зодчество ихъ находится еще въ младенствѣ; ихъ дома сушь не иное что какъ раскрашенныя спавки; пышные дворцы ихъ неимѣютъ на себѣ никакихъ признаковъ величія. Напрасно въ цѣлой Имперіи спарались бы вы найти хотя одну спашую посредственной работы; извѣстно, что картины ихъ, замѣчательныя по яркости красокъ, никуда негодятся со стороны рисовки и перспективы:

И такъ отнюдь не надлежало бы, какъ сдѣлали нѣкоторые писатели, представлять намъ Кишайцевъ народомъ мудрѣйшимъ, добродѣтельнѣйшимъ, ученѣйшимъ и совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если можно достать свѣдѣнія сколько нибудь достоверныя о Кишайцахъ, то надобно искать ихъ въ описаніяхъ Лорда Меккартнея, Джона Баррова и г-на Дегиня (de Guines), а еще болѣе въ подлинныхъ Кишайскихъ книгахъ, когда только имѣешь ихъ можно. Гиббонъ правъ, сказавши, что законы какого либо народа составляютъ полезнѣйшую часть его исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, ничто неможесть дать столь яснаго понятія о политикѣ, характерѣ, искусствахъ, образѣ

зованности, порокахъ и добродѣтеляхъ народа какъ законы его, гражданскіе или уголовные; ибо законы приноровлены бывають къ обычаямъ и учрежденіямъ, измѣняющіи вмѣстѣ съ ними и слѣдовательно дѣлаются въкошорымъ образомъ исторіею народа.

Отъ чего миссіонеры сообщаютъ намъ споль недостаточныя извѣстія о сей великой Имперіи? Какіе другіе наблюдатели, казалось бы, имѣють болѣе удобства собирать и передавать намъ извѣстія, сполько любовыщныя и важныя? Можно подумаетъ, что въ ихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ содержитсяъ все нужное; однакожъ совсѣмъ прѣотивное выходитъ. Джоржъ Томасъ Стаунтонъ справедливо замѣчаетъ, что миссіонеры сіи окружены великими препяшпствами, и что Европа щещенно ожидаетъ отъ ревности ихъ полезныхъ и драгоцѣнныхъ свѣдѣній.

Гоненіе на Езуитовъ подало поводъ къ важнымъ переменамъ дѣль въ Китаѣ. Сіи отцы приняли было такую систему въ полишикъ и религіи, которая произвела бы, можетъ быть, безчисленныя послѣдствія: Они умѣли ладить съ предразсудками, съ обычаями, съ привычками и съ суевѣріемъ Китайцевъ; они умѣли вкрадываться въ ихъ довѣренность; почему знаетъ,

что и Китай черезъ нѣсколько вѣковъ, подѣ хитрымъ ихъ влїянїемъ, не представилъ бы позорища, подобнаго Парагскому въ Америкѣ.

Мѣсто ихъ заступили миссіонеры, мѣнѣе просвѣщенные и болѣе строгіе; ихъ планъ обращенїя былъ соотвѣтственнѣе уставамъ вѣры христіанской; но излишняя суровость ихъ испугала новообращенныхъ и возбудила справедливое опасенїе въ правительствѣ. Теперь всѣ способы распространенїя въ Китаѣ вѣры христіанской совсѣмъ уничтожены. И пакъ намъ остается только опѣ путешественниковъ ожидать новыхъ извѣстій о Китайской Имперїи.

Изъ числа всѣхъ сочиненїй, по справедливости достойныхъ вниманїя нашего, особенно важны недавно изданные *Китайскіе уголовные законы* (*). Англійской переводчикъ долженъ былъ преодолѣть великія трудности; ибо Китайскіе законы, равно какъ и другїя ихъ сочиненїя сего рода, покрыты едва проницаемымъ мракомъ. Г. Стауншонъ выбралъ изъ нихъ только са-

---

(*) Сїи законы переведены съ Китайскаго на Англійской языкъ Джоржомъ Томасомъ Стауншономъ, а съ Англійскаго на Французской г-мъ Сентъ-Кроа. Французской переводъ недавно напечатанъ въ Парижѣ.

мое нужное; онъ пропускалъ разныя подробности и опущенія, и представилъ намъ только то, что наиболее достойно любопытства.

Оспроумный и насмѣшливый г. Павъ сказалъ въ философическихъ своихъ изслѣдованіяхъ о народѣ Египетскомъ, что плешь и палка суть главные пружины Кипайскаго правительства. Чипая *Та-Тсингъ-Леу-Ле* — шавъ называющіяся Кипайскіе уголовныя законы — всякой потчасъ увидишь, что Павъ недалеко опступилъ отъ истины. Всѣ дѣйствія человѣческія управляются въ Китаѣ бамбуковымъ деревомъ, и законодатель просверъ заботливостъ свою шавъ далеко, что даже почелъ неизлишнимъ опредѣлить длину, шощину и всѣ палки. Закономъ именно предписывается, чпобы упошребляемая для наказанія палка бамбуковая была длиною въ пять *ше* и пять *тсунъ*, шощиною вверху въ одинъ *тсунъ* съ половиною, а внизу въ одинъ *тсунъ* ровно, наконецъ въсомъ вверху одинъ *кинъ* съ половиною, а внизу одинъ *кинъ* ровно. *Ше* равняется одиннадцати дюймамъ съ половиною прежняго Французскаго Королевскаго фуша, а *тсунъ* составляетъ десятую часть онаго. *Кинъ* вситъ противъ одного Англійскаго фунша съ третью.

Въ Китаѣ шѣмъ хорошо, что сдѣлавши какой-нибудь проступокъ, знаешь, сколько за него надобно вытерпѣть ударовъ. Законодатель составилъ самыя вѣрныя таблицы.

Если, на примѣрѣ, придворный наблюдатель-астрономъ невѣрно замѣтилъ небесныя перемѣны, какъ по измѣненію луны, печеніе пяти планетъ и созвѣздій, запятнѣнія, метеоры, кометы; то онъ напередъ уже знаетъ, что ученый хребетъ его неминуемо вытерпѣть долженъ *шестьдесятъ* ударовъ бамбуковою палкою.

Если придворный врачъ Его Китайскаго Величества по неосторожности своей, составляя слабительное лѣкарство, опшупитъ онъ правилъ медицины; то по уголовному закону получитъ онъ *солню* ударовъ. Придворный поваръ, изготовившій блюдо вопреки наставленіямъ, принятымъ и одобреннымъ всѣми знаменитыми поварами, осуждается въ *такую же* наказанію; еслижъ онъ при томъ и неопивдывалъ кушанья, то въ добавокъ получаетъ еще *пятдесятъ* ударовъ. А какъ поваръ состоитъ подъ начальствомъ дворецкого, то и сей подвергается вытерпѣть *восемьдесятъ* ударовъ, и наказаніе почитается равнымъ, по тому что дворецкой чиномъ старше повара.

Впрочемъ неоднѣ бамбуковыя палки удерживаютъ преступниковъ. Иногда правосудіе употребляетъ въ шому колодки, оковы и роновую цеплю. Удавка и опсѣченіе головы назначаются за важныя преступленія, какъ на примѣръ смерпоубійство, неповиновеніе начальству, нарушеніе присяги въ вѣрности, колдовство и проч. Надобно знашь, что Китайцы вѣрятъ колдовству, и что правительство беретъ строгія мѣры противъ волшебниковъ. Но самая жесточайшая казнь опредѣляется за умыселъ противу правительства и особы Государя, за покушеніе зажечь дворецъ Императора, или испребитъ храмъ, въ которомъ поклоняются его фамиліи, или нарушитъ святыню гробовъ; въ которыхъ покоятся останки его предковъ. По свидѣтельству миссіонеровъ, казнь за сіи злодѣйства состоитъ въ разсѣченіи шѣла на десять тысячъ частей. Исполнитель воленъ продлить и увеличить муки преступника. На каждомъ ножѣ написано, какая часть шѣла должна быть имъ опрѣзана, и какъ употреблять его должно при исполненіи казни. Объ этомъ однакожь ничего не упомянуто въ книгѣ уголовныхъ законовъ, пошому что случай сей есть чрезвычайный и примѣры онаго бываютъ весьма рѣдко: Императоръ обыкновенно уменьшаетъ наказаніе, и приказываетъ отсѣкать голову. Прелюбодѣйство

наказываеиъ смерщю, если часпной чело-
вѣкѣ посягнулѣ на оскорбленіе чеспи слу-
жащаго чиновника; но между проспыми
людьми виновашый получаешѣ только сто
ударовѣ.

Когда нарушилъ закона принадле-
жнѣ нѣ высшему классу людей, или за-
служиваешѣ нѣкоторое снисхожденіе Госу-
даря; въ такомѣ случаѣ дозволяется ему
опшкупнѣсь деньгами отѣ палочныхѣ уда-
ровѣ, и на сей конецѣ сочинена вѣрная и
подробная таблица о количествѣ пени.
Можно даже избавнѣсь отѣ висѣлицы, за-
плашнѣвши 2500 унщій серебра, или 2000,
или же 1200, смотря по степени достоин-
ства.

Замѣшнѣ должно, что вѣ книгѣ Ки-
шайскихѣ уголовныхѣ законовѣ не соблюде-
но никакого порядка; просшупки прощнѣ
благочнннн, нарушеніе обыкновенныхѣ при-
личій и важныя прешшупленія иногда вѣ
одной главѣ разбросаны. Совсѣмѣ невидно
шого благоразумнаго раздѣленія, шой смѣлн-
ливосши, шого порядка, какія находнѣмѣ вѣ
сочнненннхѣ о мудромѣ законодашельствѣ.
Но разсмащрнвая разныя часпн сей книги,
можно прнобрѣсѣ досташшочное свѣдѣннѣ о
нравахѣ Кншайцевѣ, обѣ ихѣ шорговлѣ, о
сосщрнннн земледѣлнн вѣ ихѣ опечествѣ,

объ ихъ наукахъ и о силахъ военныхъ; однимъ словомъ; важная книга сія доспойна занимашъ мѣсто во всякой библіотекѣ, въ которой собираются и хранятся драгоценнѣйшіе памятники исторіи о народахъ. Т.

(Изъ *Merc. de France.*)

III. К Р И Т И К А.

Отвѣтъ на замѣчанія о Новгородскихъ граматахъ.

(Окончаніе.)

Съ 14й страницы продолжаются замѣчанія ваши на мое извѣщеніе вшорой граматы. Вы начинаете общаніемъ *тща- тельно вникать въ знаменованіе каждаго слова*, охотнѣе нежели *мѣста темныя и съ пераго взгляда невразумительныя слагать на лица*. Намѣреніе ваше есть весьма похвальное; ибо оно согласно со здоровымъ разумомъ человѣческимъ. Но причина, которая заспавила васъ на то рѣшишься, кажется довольно

спранию. По вашему мнѣнію писецъ упомянутой граматы долженъ быть *нелогрѣшительнымъ*, попому что онъ есть человекъ служащій, и что сочиненіе имъ переписываемое есть дѣло государственное. Къ сожалѣнію, могу я доказать вамъ противное *a priori* общими доводами; могу доказать вамъ грубыми ошибками, какихъ множество находится въ рукописяхъ вѣковъ среднихъ, и дѣло сіе довольно извѣстно всякому, кто только знаетъ хотя начала дипломатики. (Я самъ имѣю одну Папскую буллу тринадцатаго столѣтія; въ ней поставлено *damnis* вмѣсто *damnis*.) А чтобы Русскія рукописи тогдашняго времени опличались исправностію отъ Южно-Европейскихъ, тому повѣришь нѣтъ ниже малѣйшей причины. Доказываю *a posteriori* самую грамоту, о которой идетъ дѣло; ибо въ ней очень ясно видны *грубыя* ошибки. Объ нихъ я упоминалъ уже въ прежнихъ своихъ замѣчаніяхъ, и для того почитаю излишнимъ пространнѣе изъясняться какъ о дѣлѣ очевидномъ. Одно только вамъ замѣчу: упоминаемое въ грамотѣ слово *на зень что*, какъбы вы ни толковали его, можетъ быть останется навсегда неизъяснимымъ, и въ такомъ случаѣ оно служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ невѣжества и небрежности того, кто писалъ грамоту.

Въ словахъ вашихъ (страни. 116): *это не будетъ страннымъ казаться*, по видимому скрывается упрекъ за то, что я какъ будто бы изъяснилъ удивленіе свое вразсужденіи опличной власти Новгородскаго Архіепископа. Я всячески старался найти причину сей укоризны въ своемъ сочиненіи, и однакожъ не нашелъ ниже намека, по которому догадываться было бы можно объ удивленіи. Да и надобно ли дивиться случаю обыкновенному? Впрочемъ достойно особливаго примѣчанія общоупотребленіе, до сихъ поръ, какъ я думаю, недовольно изъясненное, что Архіепископъ Новгородскій при духовной власти своей имѣлъ еще и свѣтскую. Вразсужденіи сего у меня заключались два вопроса: 1. *Какъ далеко проспиралась свѣтская власть Архіепископа*, и 2. *Какимъ образомъ она мало по малу возникла и утвердилась въ Новгородѣ?* Ваши слова: „Изъ Россійской Исторіи видимъ, что духовныя особы не рѣдко вступались въ дѣла гражданскія“ совсѣмъ ничего не изъясняютъ. А сверхъ того всякому читателю мыслящему понятно, какъ мало заключать можно о власти Новгородскаго Архіепископа по дѣйствіямъ другихъ Архіереевъ, управлявшихъ своими епархіями въ Княжествахъ Русскихъ.

На страницѣ 117 вы сообщаете намъ замѣчаніе о Тысяцкомъ Машинѣ. Оно имѣло бы достоинство, если бы вы прежде меня предложили свое изъясненіе моей граммы. Но теперь оно есть уже бесполезное и излишнее; ибо я написалъ оное въ своемъ мѣстѣ (*).

То же могу сказать и о замѣчаніи вашемъ вразсужденія словъ *исмя* и *доконцаль*. Нимало неудивительно, если такія слова мнѣ, какъ человеку иностранному, кажутся трудными и темными. Чтожъ касается до природнаго Россіянина, то едва ли нужно для него и упоминать объ оныхъ — не говорю уже, что это опять излишнее повтореніе.

По моему слово *права* значитъ *справедливость*; вы изъясняете его словомъ *истина*; чему отдавать преимущество оставляю на рѣшеніе читателей, искусныхъ въ языкѣ. Впрочемъ *истина* и *справедливость*, по существу дѣла, кажутся, одно и то же.

Изъясненіе слова *творить*, которое значитъ у васъ *товарить*, есть изъясненіе весьма остроумное. Жаль только, что

(*) См. Вѣст. Евр. 1811. No 24 стр. 293. Шл.

оно вовсе неосновательное и прошивное правиломъ словопроизводства. Коренное слово *творить*, по есть *дѣлать*, производить, *schaffen*, *machen*, *hervorbringen*, *create*, *fabricare*, *producere*, заключаетъ въ себѣ самое простое понятіе, какое только можешь родиться въ головѣ младенческивающаго человека. Отъ него происходитъ уже *товаръ* (*eine Waare, ein Product*). Сіе понятіе ошвлеченіе прежняго; следовательно *товаръ* должно производить отъ *творить*, а не на оборотъ. Далѣе: *сдѣлать что нибудь посредствомъ силы и достать себѣ что нибудь посредствомъ мѣны или купли* суть понятія весьма близкія между собою. Скажу въ доказательство, что на Нѣмецкомъ языкѣ глаголъ *schaffen* при маловажныхъ измѣненіяхъ представляетъ оба упомянутыя понятія. Говорятъ, на примѣръ: *Gott hat die Welt erschaffen* (Богъ сотворилъ міръ) и — *ich habe mir dies Buch angeschafft d. i. gekauft* (я досталъ себѣ ешу книгу, и. е. купилъ). По сему легко можно себѣ представить, какимъ образомъ въ старину глаголъ Русской *творить* могъ значить и *дѣлать* и *покупать*. Вы производите слово *творить* отъ *товара*; у васъ оно отдѣлено отъ кореннаго значенія *дѣлать* и даже представлено сокращеннымъ изъ слова *товарить*: такое производство не можетъ быть одобрено.

изслѣдователемъ языка. Сверхъ того, что должно сказать, о значеніи приобрѣщенія посредствомъ *обоюдной мѣны*, которое преимущественно приписывается въ оному слову, и на которое не лзя найти ниже опдмеленявѣйшей причины?

Объ неизвѣстности значенія слова *назень что* не можеть быть никакого сомнѣнія. Спрашивается только, имѣеть ли какое нибудь *знаменованіе* слово *зень*, или оно есть по небрежности писца испорченное. Еслибъ я, какъ иностранецъ, могъ положиться на справедливость своего мнѣнія, то сказалъ бы рѣшительно, что упомянутое слово вовсе не заключаетъ въ себѣ *никакого смысла*. Спасься можеть, что есть *сложныя* старинныя Русскія слова, коихъ значеніе теперь оспается неизвѣстнымъ; однакожъ нѣтъ ни одного слова *односложнаго*, слѣдственно кореннаго, которое было бы невразумительно. Если бы мнѣ, опять какъ иностранцу же, позволено было предложить догадку свою, единственно къ *языку* относящуюся; то *слустилъ на зень что* я располковалъ бы не иначе какъ словами *слустими за ничто*, и сказалъ бы, что сіе мѣсто испорчено писцомъ-невѣждою. Мы и теперь ежедневно видимъ подобныя ошибки въ письмѣ людей просныхъ, невоспитанныхъ и едва научившихся грамотѣ.

На страницѣ 119, касательно содержания впрочемъ граммы, пишете вы, что „по разсмотрѣніи частныхъ обстоятельствъ ходъ всего дѣла представляется для васъ весьма понятнымъ и что вы не находите двоясмыслія въ граммѣ.“ Признаюсь вамъ, что для меня слова сіи кажутся невразумительными, и что онѣ, если только я правильно шолкую ихъ, для меня очень странны. *Вовсе не принадлежиль* сюда *ходъ дѣла*, которой по мнѣнію вашему будшо бы непонятенъ. Сверхъ того намъ неизвѣстны подробности упоминаемаго вами *хода дѣла*, и мы можемъ только *вообще* выводиль объ ономъ свои догадки, хотя впрочемъ догадки сіи съ перваго взгляда представляются сами собою. *Темное* мѣсто граммы состоить въ трехъ словахъ: *какъ ми и наци*; онѣ посланы для соопвѣтственности предвидущему *іесмя*, и изъ нихъ явствуетъ, что кромѣ Новгорода говорится еще о какой то другой области, имѣющей участіе въ спорѣ. Вотъ и весь *ходъ дѣла*, какой только открывается въ словахъ упомянутыхъ; однакожъ онымъ ходомъ самыя слова ни мало необъясняются. Теперь спрашиваю: 1. Какъ надобно *раздѣляль* знаками *прелинанія* сіи чешыре слова, которые относительно къ предвидушимъ кажутся невразумительными? и 2. Къ кому отно-

сипь должно словцо *и наши*? Здѣсь опять рѣчь идетъ объ *изъясненіи словъ*, а оппюдь не объ *ходѣ дѣла*. Я не поставилъ никакого раздѣленія между словами *какъ мы и наши*, и разумѣлъ подъ *мы* Новгородское правительство, а подъ *наши* Новгородскихъ купцовъ, которые лишились своихъ товаровъ. И такъ мнѣ ничего болѣе не оспалось какъ предвѣдущее *іесмя* или почестъ совсѣмъ за излишнее, ничего не значущее, и *доконцалъ* оппнести къ союзникамъ; или же, буде *іесмя* въ надлежащемъ своемъ мѣстѣ поставлено, предположивъ, что оно оппносится къ Новгородцамъ и союзникамъ ихъ *вмѣстѣ*, но что въ словахъ *мы и наши* рѣчь клонится *только* къ Новгородцамъ; и я изъ приведенныхъ словъ могъ понять о *ходѣ дѣла*, не болѣе какъ что Новгородцы *одни* еще прежде начали вести переговоры, и что теперь *вмѣстѣ* съ союзниками своими окончили оныя (*).

Впрочемъ я предполагалъ весьма събыточнымъ дѣломъ, что несвѣдущій писецъ, поставившій въ грамматикѣ другія слова излишнія и неисправныя, могъ написать и *іесмя* безъ всякой надобности.

(*) О томъ см. Вѣст. Евр. 1811. No. 24. стр. 278 и слѣд. Шх.

Вы напрошивъ пого спавите препина-
нiе за впорымъ словомъ *какъ мы, и наши*,
и сiе послѣднее относите къ союзникамъ
Новгорода.

И такъ *ходъ дѣла* въ сущности
остаея пошъ же; только способъ вашъ
выводить оной изъ вышеупомянутыхъ словъ
сб моимъ несходенъ.

Смѣшное былобы сб моей спороны
приязанiе, когда бы я захотѣлъ оспо-
ришь васъ въ извясненiи нѣкопорыхъ словъ
Русскихъ, по значенiю своему и положе-
нiю, какъ я уже и признался, для меня
несовсѣмъ вразумительныхъ — оспоришь
васъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ не-
приобрѣтенныя знанiя дають рѣши-
тельной приговоръ свой, но единствен-
но природное чувство. И такъ я со всею
охотою готовъ признаюсь, что предла-
гаемое вами раздѣленiе словъ можетъ быть
справедливѣе, нежели мое. Но дозволюше
мнѣ сдѣлать слѣдующее замѣчанiе:

Вы упрекаете меня, что обвиняю
писца въ нерадивости и невѣжествѣ, и что
темношу смысла въ грамахъ ему приписы-
ваю, между тѣмъ какъ по мнѣнiю вашему
слова написаны правильно и смыслъ ясенъ.
Положимъ, что ешо правда; я думаю однакожъ,

что и моя вина невелика. Писецъ на многихъ мѣстахъ сдѣлалъ очевидныя ошибки. Одно мѣсто *совсѣмъ невразумительно* въ граматѣ, и въ епомѣ по всей вѣроятности виноватъ онъ же. При такихъ обстоятельствахъ очень просипительно человека, сдѣлавшаго нѣсколько явныхъ ошибокъ, подозревать еще и въ такой ошибкѣ, которой можетъ быть онъ совсѣмъ не сдѣлалъ.

Но я спрашиваю однакожъ, почто ли правда, что въ словахъ *какъ мы и наши* писецъ нимало не запемнилъ смысла? Рѣшеніе сего вопроса предоставляю природнымъ Россіянамъ. А между тѣмъ скажу свое мнѣніе, что, еслибъ и принялъ извѣщеніе ваше, едва ли можно обойтись безъ частицы *А* (*какъ мы и наши*). Всякому извѣстно, какъ часто слово сѣе воспрѣчается въ старинномъ Русскомъ языкѣ при такихъ случаяхъ, когда мы болѣе уже его не употребляемъ. Въ доказательство ссылаюсь на великое множество примѣровъ въ Неспорѣ, ссылаюсь и на самую грамату, въ которой писецъ нашъ довольно щедро разсыпалъ частицы *да, и*. Не смотря на то, упомянушаго слова не доспаемъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ему бытъ надлежало бы, для опроверженія невразумительности. Положимъ, что мое замѣчаніе справедливо; въ такомъ случаѣ и темному чепырехъ очень важ-

ныхъ словъ въ граматѣ относитъ должно къ вину писца. Для объясненія темнаго мѣста сего я предполагалъ одно слово *излишнимъ* въ граматѣ; а вы напропиво того догадываетесь, что одного слова *недостаесть*. Какое изъясненіе правильнѣе, мнѣ неизвѣстно; однакожъ *небрежность* писца для обоихъ служитъ основаніемъ.

Теперь еще нѣсколько словъ о *ходѣ дѣла*. Я уже выше замѣнилъ, что *ходъ дѣла* вообще открываеши изъ словъ граматны, а отнюдь не смыслъ оныхъ словъ объясняется *ходомъ дѣла*; замѣнилъ также, что по *главному содержанію* ходъ дѣла весьма ясенъ и не подлежащъ сомнѣнію. Но все, что вы о *постороннихъ обстоятельствахъ* въ *ходѣ* сего дѣла, также о *Новгородскомъ посольствѣ въ Любекъ* и о *предварительной граматѣ* предполагаете, совсѣмъ не у мѣста; все сіе основано не на *событіи*, а есть единственно *плодъ вообразительной силы*; сверхъ же того еще предположенія ваши довольно далеки и отъ *правдоподобія*. Они, говорю, не у мѣста и бесполезны; ибо отправляли сперва Новгородцы по сему дѣлу пословъ своихъ въ Любекъ, или не отправляли, въ томъ *нѣтъ никакой нужды*, для уразумѣнія граматны. Далѣе: предположенія ваши не основаны на *событіи*; ибо хотя и со-

гласимся, чему иначе и бышь не лзя, что они возникающъ изъ вашего *словолжова-нiя*; однакожъ въ *сихъ словахъ* нѣтъ ничего шюкого, что хотя издали оправдывало бы ваши предположенiя. Они не только *выдумань произвольно*, да еще и *невѣрояльнь* въ высочайшей степени; ибо у Саршорiя нигдѣ не упоминается о *Новгородскомъ посольствѣ*, отправленномъ въ Любекъ. Очень вѣрояно, что не было шому ни одного примѣра, или же если были, то чрезвычайно *рѣдко*, а здравой разумъ говоритъ намъ, что на случаи *необыкновеннь* ссылашся не должно, когда подробности *въ ходѣ каюго либо происшествiя* опредѣляющся по выкладкамъ *силъ воображенiя*. Обыкновенно бывало, что Новгородцы, когда имѣли причину жаловашся на Ганзу, объявляли о шомъ въ Нѣмецкомъ дворѣ и спокойно дожидались прибышiя въ Новгородъ Гаизейскаго посольства. О подобныхъ собышiяхъ находимъ множество показанiй въ Нѣмецкихъ льшюписяхъ. Отношенiя между Новгородомъ и Ганзою были почти шаквы, какiя, въ новѣйшiя времена видимъ между Англичанами и многими полуобразованными народами Азiи, копорые хотя и принимаютъ у себя Англiйское посольство, но сами никогда не отправляютъ. Наконецъ, что касается до упоминаемой вами *предварительной граматъ*, то и

это сказано безъ всякаго основанія. Въ спарину не такъ много занимались письмоводствомъ какъ нынѣ. Да и къ чему бы служила эта *предварительная грамата*? Очень вѣроятно и съ дѣломъ сообразно, что со стороны жителей Любека за опнышые повары сдѣлано какое-нибудь удовлетвореніе, и въ такомъ случаѣ моя грамата служила къ подтвержденію возстановленнаго согласія.

На страницѣ 221 въ имени Посадника Юрья находите вы причину опредѣлишь время, къ которому относится грамата; но сія причина неосновательна. Въ лѣтописяхъ Новгорода, сколько мнѣ извѣстно, упоминается о перемѣнѣ главныхъ правительствующихъ особъ не со всею точностію; а по тому имя Посадника Юрья хотя бы и въ послѣдній разъ упомянуто было подъ 1380 годомъ, то нимало еще не слѣдуетъ, будто послѣ того года не было уже Посадника, имѣвшаго такое же имя, Юрій могъ бытъ и въ *четвертый разъ* посадникомъ, или же могъ бытъ выбранъ въ посадники *другой* какой нибудь Юрій, о которомъ нечего было бы внести въ лѣтописи и котораго имя по сей причинѣ могло бытъ неупомянуто.

На страницахъ 222 и 223 спараетесь вы доказать, что упоминаемыхъ въ гра-

машѣ разбойниковъ можно почиташь и за другихъ, а не за Братъевъ свѣспныхъ припасовъ ; ето такая истина, о кошорой никто не сомнѣвается и о кошорой я самъ упомянулъ въ своемъ изъясненіи. А приводимой вами случай, что въ Русскихъ лѣтописяхъ о Братъяхъ свѣспныхъ припасовъ упоминается подѣ именемъ *разбойниковъ*, могъ бы служишь къ подѣтвержденію моего же собственнаго мнѣнія , по есть что въ граммашѣ подѣ именемъ разбойниковъ должно разумѣшь Братъевъ свѣспныхъ припасовъ. Что же касается до другаго мѣста, найденнаго въ одной лѣтописи г - мѣ Тимковскимъ, и кошорое приводите вы, какъ рѣшительное въ семъ дѣлѣ , дабы показашь, что между 1384 и 1391 годами непрерывно продолжалась вражда между Новгородомъ и Ганзою , что слѣдственно моя граммаша написана не *въ сіи годы* и не *въ последнее время правленія Архіепископа Алексѣя* , и что подѣ упоминаемыми въ ней разбойниками можно разумѣшь Братъевъ свѣспныхъ припасовъ ; по я хотя и признаю важность онаго мѣста , однакожъ за нужное почитаю прибавишь, что имѣ не всѣ сомнѣнія уничтожаются. Ибо во первыхъ мѣсто сіе *испорчено* ; доказательствомъ тому служатъ ошибки въ языкѣ (*горючннго берега*) и пропускъ частицы *не* ; а во вторыхъ ему очевидно *противурѣчитъ*

событіе, которое относитъ Сарпторій (II. 452) къ 1388 году и которое утверждается *протоколомъ Ганзеалическихъ сношеній*. Именно около 1388 года сдѣланы послановленія о *Новгородской торговлѣ* въ пользу многихъ городовъ Прусскихъ, и каному по Гинцу. учиненъ выговоръ за въ которой пошупокъ его касательно торговли Новгородской. То и другое показываетъ, что въ 1388 году торговля между Новгородомъ и Любекомъ процвѣтала. По вашему же собственному мнѣнію, къ протоколу надобно имѣть полную довѣренность, ибо онъ есть *государственное дѣло*, и сочинитель протокола есть *человекъ служащій, а не обыкновенный уединяющійся переписчикъ*. Если же вы захотите поддержать честь лѣтописи, и пославленные здѣсь и въ другихъ мѣстахъ показанія годовъ (въ которыхъ могутъ быть такія же ошибки какъ и въ словахъ) признавъ *достоверными*; то прибавите новое доказательство въ пользу моего мнѣнія, что *хронологія среднихъ вѣковъ чрезвычайно запутана*, и чрезъ то получаютъ новую важность прежнія мои слова, что подвъ разбойниками въ грамотѣ упоминаются Братья свѣстныхъ припасовъ. Какъ бы то ни было, безпристрастный чинатель согласится, что приведенные вами доказательства нимаго не распространяютъ свѣта надъ

темною, предмета сего въ моей грамотѣ, и что по видимому онъ всегда будетъ для насъ темнымъ.

Названіе *Гоцкаго берега* васъ удивляетъ; а мнѣ оно вовсе не кажется страннымъ. У Нѣмцовъ *Готландъ* (островъ) употребляется вмѣсто находящагося на немъ города *Висби*. Островъ сей, равно какъ *южная Швеція* и противулежащая оной *Ютландія*, названіе свое имѣетъ отъ *Готловъ*. Конечно по ближайшему переводу *Готландъ* на Русскомъ языкѣ значитъ *Готскую землю*; однакожъ переимену *земли на берегъ* можно извѣстнѣе двумя способами. Русское слово *берегъ* имѣетъ близкое сродство съ Нѣмецкимъ *Berg*; сомнѣваясь въ томъ нельзя по причинѣ замѣчаемаго сходства между множествомъ словъ Нѣмецкихъ и Славянскихъ. Можетъ быть въ старину *берегъ* имѣлъ точно тоже значеніе, какое имѣетъ и *Berg*. Предположивши сіе, легко увидимъ причину, для чего *Готландъ* переведено *Гоцкій берегъ*; ибо въ семъ случаѣ послѣднія слова значатъ *Готскій островъ*. Понятіе объ *горѣ* очень близко къ понятію объ *островѣ*. Нолт на Шведскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ дѣйствительно значитъ *островъ* (*Insel*); но Русское *холмъ*, и близкое къ нему по родству Латинское слово *collis* имѣютъ особенное

знаменованіе (Hügel). Можно еще предло-
жить другое исполкованіе. Согласимся, что
берегъ не имѣетъ инаго значенія кромѣ
нынѣ всѣмъ извѣснаго (Ufer). Русскіе мо-
реходцы, которые въ старину рѣдко проби-
рались во внутренность острова, можетъ
быть въ древнѣйшія времена издали смот-
рѣли на оной, не приближаясь къ приспа-
нямъ, представляли въ умѣ своемъ только
берегъ, и подѣ симъ понятіемъ разумѣли
цѣлую землю. Точно такимъ образомъ раз-
ныя части Африки нынѣ называются *бе-*
регами. Говорятъ, на примѣрѣ, о Гвиней
Золотой берегъ, *Берегъ невольниковъ*,
вмѣсто *Золотая земля*, *Земля невольни-*
ковъ и ш. д.

Проспранныя замѣчанія ваши на спра-
вкахъ 227 и 228 о надписяхъ печатей
совсѣмъ излишни. Сіи надписи можно весь-
ма легко прочитывать на выгравированной ко-
піи всякому, кто только умѣетъ разби-
рать Русскую азбуку. Вразсужденіи же
ссылки вашей на свидѣтельство г на Круга
нужно прибавить еще нѣкоторое изъясне-
ніе. Упоминаемые въ книгѣ его (Zur Münz-
kunde Russlands s. 162 und 163) розенобе-
ли едва ли не каждому Нѣмцу извѣстны.
Они, какъ старинныя монеты, хранятся
во многихъ домахъ Нѣмецкихъ, и даже у
такихъ людей, которые не собираютъ мундъ

кабинетовъ. Они и мнѣ извѣстны, хотя я, числосердечно признаюсь, не знающъ въ нумизматикѣ и не имѣю потребныхъ для того способностей къ мѣлочнымъ наблюденіямъ (*). Можно однакожъ имѣшь свѣдѣніе о нобеляхъ, вовсе недумая о корабленникахъ Новгородскихъ. Вы увѣряете, ссылаясь на свидѣтельство г-на Круга, что нобели и корабленники есть одно и то же. Это несправедливо. Никто не можетъ утверждать того, чего самъ дословно не знаетъ. Г. Кругъ предлагаетъ только свою догадку. И въ самомъ дѣлѣ обстоятельстве, что на нобеляхъ находились изображеніе корабля, есть слабое доказательство для удостовѣренія, будто корабленники Новгородскіе были не иное что какъ нобели. Извѣстны оставшіеся отъ того же времени Римскіе двойные червонцы съ изображеніемъ корабля и съ надписью: *navis aeternae salutis*; извѣстны еще и другіе, подобныя первымъ, съ надписью *Alma Roma. Sanctus Petrus*. И такъ можно бы и сіи монеты почестъ за корабленники, равно какъ розенобели. Къ тому же, мы еще не знаемъ

(*) Многіе нобели изображены въ одномъ старинномъ Фландрскомъ реестрѣ о монетахъ. Antwerpen 1575. 12. смотри 6 листъ. Есть также изображеніе нобеля въ книгѣ: *Johannis Seldeni mare clausum, sive de dominio maris*. Londini 1636. 8. pag. 436. *Шл.*

достоверно, собственные ли деньги были в Новгородѣ корабленники, или чужестранные. Г. Кругъ уверяетъ, будто розенобели преимущественно назывались еще Schiffnobel (отъ Schiff, корабль); мнѣ неизвѣстно, на какомъ доказательствѣ основано сѣе увѣреніе, да и самому г-ну Кругу негодно было упомянуть объ ономъ, хотя впрочемъ г. Кругъ вѣ иныхъ случаяхъ бываетъ весьма щедръ на свидѣтельство, почерпаемая изъ чужеземныхъ имѣ авторовъ. По сей по причинѣ я осмѣливаюсь почестъ епо за *ученую выдумку*, служащую къ тому только, чтобы предложенной гипотезѣ придасть какъ можно болѣе вѣроятности. Но хотя бы впрочемъ розенобели никогда не назывались шифробелями; я однакожъ признаюсь охотно, что мнѣнїе г-на Круга достойно примѣчанїя, и что *можетъ статься* корабленники были не свои собственные деньги вѣ Новгородѣ, а назывались *можетъ быть* симъ именемъ чужестранные розенобели. Вы почищаете епо за доказанную истину. Я непонимаю однакожъ, по чему вы сей недостоверный случай приводите за доказательство, что *на печатахъ* при моей грампѣ изображенъ *дѣйствительно корабль*; ибо какое отношеніе *между кораблемъ на Англійской монетѣ* и между *гербомъ Новгорода*? Напротивъ того если допустить вышеупомянутое предположеніе, то надобно уже опъ

вергнушь мысль объ изображеніи корабля, подкрѣпляемую названіемъ корабленниковъ.

Въ противность предложенному отъ меня мнѣнію вразсужденіи первой моей граматы, не естъ ли она *одиъ изъ древнѣйшихъ писъменныхъ памятниковъ Россійскаго языка*, на страницѣ 231 высылаетесь на упоминаемую въ Письмѣ А. Н. Олевина къ Графу А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмушараканскомъ рукописную книгу 1046 года, и на другую вамъ извѣстную рукопись, относящуюся будтобы къ 1152 году. Касательно послѣдней вы увѣряете, что сами ее видѣли и что *не сомнѣвается объ ея олдальной древности*. Признаюсь, я незнаю, въ правду ли вы ещо говорите, или щольно шутите. Дозвольте мнѣ предложить слѣдующія общія замѣчанія. Естъ два способа удостовѣриться въ древности рукописи. Во первыхъ — *годъ*, ежели оный назначенъ, или ежели о немъ извѣ содержанія историческаго узнать можно, и когда о точности въ показаніи года и вообще о древности рукописи никакихъ основательныхъ возраженій прошивуположить не можно. Повторяю: *когда неможно прошивуположить никакихъ основательныхъ возраженій о древности рукописи*. Таковы сущь рукописи, сохра-

нающіяся въ *архивахъ* подъ надзоромъ самаго правительсва, въ поддѣлываніи коихъ *немогло быть надобности*, да и поддѣлывашель немогъ бы имѣть *потребныхъ къ тому свидѣній*. Сюдажъ относятся каменные памятники и выкапываемыя изъ земли монеты. Какъ скоро оказывается хотя отдаленнѣйшая причина сомнѣвашся въ поддѣланіи, то *одно только* простое показаніе года *ни мало не служитъ* къ достоверности памятника. Въ самомъ дѣлѣ были примѣры въ южной Европѣ, что при весьма важныхъ шажбахъ о владѣніи большими землями въ доказательство справедливости представляемы были рукописи, имѣвшія на себѣ очевидные признаки глубокой древности, печать и показаніе года; однакожъ онѣ искусными дипломатиками признаны за подложныя. Есть еще другой способъ узнавать древность рукописи, во многихъ случаяхъ гораздо *надежнѣйшій*: онъ состоитъ въ почеркѣ письма, относящемся къ извѣстному времени. Я называю сей второй способъ *надежнѣйшимъ*, ибо при возможности употребить его пошчасъ объясняется недоразумѣніе, подлогъ менѣе бываетъ опасенъ и съ перваго взгляда оказывается подлинная древность. Но дабы имѣть пользоваться, для того надобно чтобы существовала уже наука шакъ называемая дипломатика; и въ шагомъ слу-

чаѣ захотѣвшій удачно обмануть другихъ подлогомъ, долженъ самъ быть искуснымъ дипломатикомъ; дѣло не невозможное, однакожъ совсѣмъ необыкновенное.

Но *Дипломатика* (*), или — поелику здѣсь рѣчь идетъ только о части сей на-

---

(*) Гашпереръ (въ своей *Ars diplomatica*. Götting. 1765) въ § 1 опредѣляетъ дипломатику слѣдующимъ образомъ: *Scientia diplomatum intelligendorum, dijudicandorum, aliisque rebus applicandorum*. Главное слово здѣсь *dijudicandorum*; ибо дѣло состоитъ въ *сравненіи* почерка и въ *исужденіи* объ ономъ. По сему та наука, которую особо назвать можно бы *Палеографіею*, составляетъ только часть *Дипломатики*, и должна бы заключаться въ *тѣснѣйшемъ* смыслѣ. Но съ другой стороны однакожъ кругъ ея представляется весьма обширнымъ. Ибо Гашпереръ относитъ къ дипломатикѣ только публичныя записи и докуменсты (*diploma*), каковыми на примѣрѣ утверждаются *законныя* сдѣлки (ш. е. крѣпости, контракты), между тѣмъ какъ часть Дипломатики, касающаяся до сравненія и изслѣдованія *древняго почерка*, простирается можетъ не только на публичныя записи и докуменсты, но еще на мѣтописи и на всякія рукописи *Древнія*. — Сверхъ того надобно еще Дипломатику, какъ общую науку, отличать отъ дипломатики частной. Первая содержитъ въ себѣ *общія правила*, руководствующія къ уразумѣнію древнихъ письменныхъ памятни-

уки, объ узнаваніи древности почерка, не касаясь до содержанія рукописей, назову правильнѣе — *Палеографія* какимъ образомъ составляетя у народа? Безъ сомнѣнія не иначе какъ собирающъ старинныя рукописи, неподлежащія никакому сомнѣнію касательно времени и сохранившіяся въ архивахъ, также надписи на древнихъ памятникахъ, сравнивающъ ихъ одѣ съ другими, и попомъ изъ сего сравненія извлекающъ правила, по которымъ остается уже судить и заключать съ достоверностію, къ тому или другому вѣку относится рукопись, коея древность намъ неизвѣстна, и подлинная ли она или подложная.

ковъ (преимущественно государственныхъ), къ сужденію объ оныхъ и къ употребленію ихъ гдѣ должно. Вторая учить, какъ общую *Дипломатику* примѣняютъ къ древнимъ рукописямъ именно какого нибудь народа или государства. Дипломатика, на примѣръ, Гатшерерова есть *общая*; но можетъ еще быть частная дипломатика *Испаніи*, *Англіи* и п. д. Сверхъ того еще замѣчу, что *дипломатика частная* южныхъ и даже северныхъ Государствъ Европы по свойству правилъ своихъ, касательно принаровки къ употребленію, есть почти одна и та же; ибо всѣ публичные документы и лѣтописи были тамъ писаны на Латинскомъ языкѣ и одинакимъ почеркомъ. Напротивъ того *Русская дипломатика* пребуешь особенныхъ правилъ. Шл.

Но существуетъ ли такая *палеография* въ Россіи и для Россійской Исторіи? Совсѣмъ нѣтъ; или по крайней мѣрѣ ее нѣтъ, какъ собственно *науки*, — по крайней мѣрѣ публика ничего о ней не знаетъ. А судя по недоспащочному числу такихъ рукописей и памятниковъ, коихъ бы отдаленная древность не подлежала сомнѣнію, опасаться даже надобно, что и никогда не будетъ составлена такая наука, на твердыхъ правилахъ основанная. Хотя же *общія правила* Дипломатики можно было бы почерпнуть изъ лучшихъ Нѣмецкихъ и Французскихъ сочиненій о семъ предметѣ; но какую пользу получимъ отъ принаровки ихъ, когда государственные и общественыя памятники (*собственно diplomata, acta publica*), которые должны бы приняты быть за основаніе, простираются у насъ не далѣе принадлежанаго вѣка, и когда другихъ древнѣйшихъ рукописей мы почти совсѣмъ неимѣемъ?

Теперь прошу благосклоннаго читателя разсудить, что надобно думать объ увѣреніи, что *такая-то рукописная книга относилась къ такому-то году*, когда сіе увѣреніе основано *единственно на годѣ, поставленномъ въ концѣ книги?* Извѣстно, да и ежедневные опыты подтверждаютъ, какія проказы дѣла-

ются, по простотѣ или же и по злому намеренію, съ рукописями при помощи означенія года.

Наконецъ теперь уже не трудно разсудить, сколь важны оба примѣры ваши, приводимые для доказательства, что старшая моя грамата не есть *древнѣйшій лисьменный памятникъ* Русскаго языка. Во первыхъ вы ссылаетесь на *Сборникъ*, хранящійся нынѣ въ Императорскомъ Ермитажѣ, и коего древность простирается будто бы до 1046 года. Я изумился было, подумавши о своемъ заблужденіи и о томъ что просмотрѣвъ мною *столь важный древній памятникъ*. Но открываю Письмо господина Оленина и нахожу *во первыхъ*, что памятникъ сей неимѣетъ другаго признака столь отдаленной древности, кромѣ поставленнаго на немъ года, а *во вторыхъ* что и годъ сей съ перваго взгляда кажется подложнымъ, ибо послѣдніе при липиска, по увѣренію г-на Оленина, приставлены сюда отъ другой рукописи. И самъ сей признакъ древности *Сборника* весьма сомнителенъ. Если же имѣете вы другія доказательства о древности онаго памятника, на примѣръ отъ почерка письма выводимыя; то вамъ надлежало бы ихъ представить. Однакожъ и тогда мнѣнїе ваше оставалось бы только *предположеніемъ*. Я

признаюсь впрочемъ, что мнѣ сія рукопись по чертамъ буквъ (*) кажется гораздо ближайшею къ настоящему времени. (Она едва ли не четырнадцатаго вѣка.) Но какъ я вовсе не выдаю себя знапокомъ въ Русской палеографіи; по и не хочу мнѣнія своего предлагать за неоспоримую истину.

Вторая упоминаемая вами рукопись есть *Евангеліе*, писанное, какъ вы утверждаете, 1152 года. По такому же праву могли бы вы сослаться на Евангеліе Княжны Анны, привезенное изъ Парижа г-мъ Дубровскимъ. О вашемъ Евангеліи въ публикѣ ничего еще не извѣстно. Я объ немъ равнобрно не знаю же. Время покажемъ ваши доказательства, и мы тогда увидимъ, *подлинно ли сія рукопись имѣетъ ту древность, которую вы ей приписываете.*

Съ *большію* основательностію могли бы вы сослаться еще на монету Ярослава,

---

(*) Почеркъ письма въ ней совершенно отличенъ отъ надписи на камнѣ Тмушараканскомъ, хотя оба памятника *должны бы* принадлежать къ одному вѣку. Почеркъ сей, если только я не ошибаюсь, очень сходенъ со многими граматами Новгородскими, въ здѣшнемъ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ хранящимися. *Ш.л.*

принадлежащую Его Сіяшельству Графу Алексію Ивановичу Мусину - Пушкину , и на монету Святослава , принадлежащую господину заслуженному Профессору О. Г. Баузе — ибо онѣ суть по крайней мѣрѣ *общественные* памяшники, на копорыхъ очевидны признаки *глубокой* древности и въ копорыхъ не могло бытъ подлога — если бы только на нихъ , подобно какъ на Тмушараканскомъ камнѣ, находилась надпись, по копорой можно было бы *точно и безошибочно* узнать время ихъ древности.

Послѣ всего сказаннаго дозволюще мнѣ, касательно древности моей граматы, повторить слова свои, какъ не подлежащія опроверженію : „Еслибъ удалось намъ доказать, что грамата относится ко времени столь отдаленному (1107 г.); то сей подлинникъ нашъ по древности своей имѣлъ бы первое мѣсто послѣ Тмушараканскаго камня въ числѣ письменныхъ памяшниковъ Русскихъ.“ Безъ всякаго сомнѣнія, грамата моя не простирается до столь отдаленнаго времени, и *не занимаетъ столько* мѣста между письменными памяшниками Россіи; однакожъ ей точно принадлежит *третье* мѣсто; ибо изъ хранящихся въ здѣшнемъ Архивѣ *одна только* грамата старше моей, и слѣдственно есть *одинъ только* древнѣйшій моего памяшникъ, ко-

его начало совершенно доказано; а не основано только на вѣроятности.

Заканчиваю письмо свое искреннею благодарностию за похвалы, вами мною приписанные, объявляя однакожъ, что я не могу ихъ принять, и что считаю нужнымъ отказать вамъ ихъ обратно. Признаюсь, что отыскавши два древние памятника Новгородской исторіи, я былъ доволенъ собою; и больше что за нихъ обязанъ и признательностию не одному только случаю, но и глубокому впечатлѣнію, сдѣланному во мною еще въ юности моей сими достопочтенными памятниками. Признаюсь съ такимъ же чистосердечіемъ, мною казалось, что я не ошибся въ показаніи главныхъ отношеній грамотъ моихъ, и что въ изъясненіямъ оныхъ присоединилъ замѣчанія; происпекающія не изъ знанія только стариннаго Русскаго языка и исторіи, но вмѣстѣ и изъ свѣдѣній объ исторіи всеобщей; хотя впрочемъ съ другой стороны я совершенно былъ увѣренъ, что мое изъясненіе можетъ имѣть нужду въ поправкахъ, а особливо въ прибавленіяхъ. Но, въ сожалѣнію, я обманулъ. Сколь ни очевидно было желаніе ваше пощадить меня, сколько ни спарались вы изъясненія мои на объ грамоты не только не унижить во мнѣниі публичны, но даже еще и возвысить;

Однако жъ изъ вашихъ замѣчаній, совершенно вопреки желанію вашему и намѣренію, ясно открываешся, какое множество *непростительныхъ* ошибокъ и пропусковъ я сдѣлалъ, и я теперь уже долженъ не только почищать мнимую заслугу свою ничтожною, но даже еще жаловаться на случай, для чего онъ открылъ объ грамоты мнѣ, а не вручилъ ихъ другому изслѣдовавшему исторіи, которой могъ бы *всѣмъ* угодить своими извѣщеніями и которой свободенъ былъ бы равно и отъ похвалъ и отъ порицаній.

Шлецеръ.

IV. С М Ъ С Ъ.

О нѣкоторыхъ обыкновеніяхъ Португальцевъ.

Въ Португалліи господствуютъ два обычая совершенно противоположныя мнѣніямъ, принятымъ въ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ. Первой называется *елтендо*; слово сіе значить почти то же что

одобрение или прелоручение въ милость.
Емленго отнимаетъ всю власть у законовъ, и препяпствуетъ имъ преслѣдовать самаго величайшаго злодѣя. Слѣдующій примѣръ можетъ дать о томъ нѣкоторое понятие. Два человека, двоюродные братья, жили въ сосѣдствѣ. Любовь сдѣлала ихъ прежде соперниками, а потомъ и непримиримыми врагами. При одномъ изъ нихъ находилась сестра; другой, Офицеръ, былъ вдовецъ и жилъ одинокимъ. Первой однажды шелъ по улицѣ вооруженный со слугами своими и однимъ негромъ, повстрѣчался съ другимъ и велѣлъ своимъ людямъ поволошить его. Офицеръ, захваченъ будучи совсѣмъ неожиданно и немогиши оборониться, хватается за усъ свой и клянется отмстить обиду. Оскорбишель почувствовалъ всю важность произнесенной клятвы и испугавшись угрозъ своего проливника, поспѣшно удалился въ Королевство Галицію. Спустя три года онъ опьянь возвратился въ свое помѣстье; думая что братья переслали уже на него сердиться; однакожъ онъ выѣзжалъ изъ дому не иначе какъ вмѣстѣ съ сестрою. Но Офицеръ очень помнилъ вышереченные побои: онъ не являлся въ поляхъ свой, и далъ торжественную присягу не брить себѣ бороды и не ходить въ церковь въ сбѣднѣ до тѣхъ поръ пока не получитъ удовлетворенія за

евою обиду. Скоро увидимъ, что разумеетъ Португалецъ подъ словами *получить удовольствіе*. Во все продолженіе трехъ лѣтъ Офицеръ шатался по окрестности въ одеждѣ пустынника. Наконецъ услышавъ о возвращеніи брата; онъ собираетъ людей своихъ; и подстерегаетъ его на улицѣ подлѣ своего дома. Однажды ввечеру, когда тотъ въшелъ домой съ сестрою, мнимой пустынникъ останавливаетъ лошадей и почтительно проситъ госпожу свою сестрицу выйти изъ комнаты; спрѣлываетъ изъ пистолета въ лобъ своего недруга, тащитъ его вонъ и поражаетъ ему сердце другимъ выстрѣломъ. Пономъ извиняется передъ госпожею въ причиненномъ ей безпокойствѣ; и съ заботливостію спрашиваетъ; куда ее проводить должно. Она проситъ отвезти себя въ ближній монастырь; въ конторѣ жила одна ея родственница; монахиня. Офицеръ исполнилъ ея желаніе, и немедленно возвратился въ полкъ свой, надѣвъ по прежнему военной мундиръ и началъ опправлять свою должность. Сіе подлое убійство сдѣлалось извѣстнымъ; Офицеръ не запирается, и всѣ споварищи одобряютъ рѣшительной его поступокъ. Полковникъ, узнавши обо всемъ подробно и собравши всѣ показанія, вознамѣрился нарядить военной судъ и подвер-

гнушь убійцу всей строгости военныхъ законовъ. Одинъ приятель обвиняемаго приходитъ въ Консулу, бывшему въ короткой связи съ Полковникомъ, и проситъ у него письменнаго вида *емленго*. Консулъ говоритъ, что въ дѣлѣ столь очевидномъ и пятьдесятъ *емленго* ни въ чему не послужатъ. „Вы знаете, г. Консулъ — возразилъ ходатай — что здѣсь даже нищему опивазать не можно, когда онъ пребываетъ себѣ *емленго*. Положимъ, будто приятель мой виноватъ дѣйствительно; но по сему, что уже онъ и имѣетъ право на покровительство сильныхъ людей, гораздо болѣе, нежели человекъ добродѣтельный, охраняемый собственною своею честностію. Когда я обѣщалъ свою защиту кому бы, то ни было, хотя бы ужаснѣйшему злодѣю; тогда нѣтъ нужды мнѣ заботиться о дурныхъ качествахъ или недостаткахъ сего человека; напрошивъ, усилія мои должны къ тому спрестись, чтобы непременно выхлопощать виновному защиту отъ строгости законовъ.“ Консулъ всячески доказывалъ, что письменной видъ останется бесполезнымъ; а ходатай просилъ и требовалъ неопуступно, чтобы дали ему оной. Всего же спрашиве, что Полковникъ принужденъ былъ остановить судебное дѣло о навазаніи убійцы, когда увѣрили его, что пресупникъ имѣетъ

мленго, подписанное однимъ изъ королей его знакомыхъ!

Другой обычай относится до поединковъ. Всякой обиженной дворянинъ можеть искасть себѣ удовлетворенія; сей способъ, опровергаемый правилами нравственности и вездѣ осуждаемый законами, въ нѣкоторыхъ странахъ Европы имѣеть своихъ защитниковъ; но въ Португалліи онъ производится въ дѣйство совсѣмъ другимъ образомъ. Почитающій себя оскорбленнымъ подсперегаетъ своего неприятеля на дорогѣ или на улицѣ, и при удобномъ случаѣ лишаетъ его жизни безъ всякаго вызова и безъ предварительнаго объявленія. „Вызывать на поединковъ,“ говорятъ Португальцы „прилично только Англичанамъ, Нѣмцамъ и прочимъ дикарямъ сѣверной Европы. Такія сраженія очень походятъ на злоумышленные убійства!“ Подкравшись проколошь кинжаломъ своего неприятеля совсѣмъ незначитъ у нихъ *злоумышленного убійства*, а просто *мщеніе*, и мщеніе дозволенное. Всего же удивительнѣе, что сіи злодѣйскія убійства осцаются безъ наказанія. Есть люди гошове во всякое время предлагашъ свои услуги за денежную плату. Каждой благомыслящій человекъ увѣренъ въ справедливости того, что было писано противъ поединковъ краснорѣчивѣйшими сочинителями въ Европѣ; но если разсудишь о различіи

между обыкновеннымъ поединкомъ и наглымъ нападеніемъ, по окажется, что первому надлежало бы отдать справедливое преимущество, когда бы нужно было избъ двухъ золъ выбрать меньшее.

Спасыя сія взята изъ *Писемъ о правительствѣ, нравахъ и обычаяхъ Португальцевъ*, сочиненныхъ однимъ Ирландскимъ Офицеромъ, переведенныхъ съ Англійскаго языка на Французскій и недавно напечатанныхъ въ Парижѣ. Сочинитель описываетъ въ нихъ такую страну, которую щедрая природа осыпала своими дарами, но въ которой земля ожидаетъ трудолюбивыхъ рукъ, жизнь и спокойствіе человека не ограждены безопасностію, искусства остаются въ небреженіи, многія выгоды общежитія неизвѣстны. Т.

Нравы въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ (*).

Можно утвердительно сказать, что нравы феодальныхъ праотцевъ Англичанъ

(*) Изъ *Духа Вѣообщей Исторіи* соч. Томсона. Въ 3 Томахъ — Сія новая книга, которую съ удовольствіемъ рекомендуемъ любителямъ полезнаго чтенія, продается въ Книжторѣ Универс. Типографіи. К.

не имбли ни малбйшей образованности, ни чистоты. Самые послыдныя пороки, заговоры и измбнническїе поступки были отличительнымъ характеромъ тогдашняго духовенства; — несправедливость, хищенїя, тиранство и величайшее распушество господствовали между дворянами; дикая свирбпность и рабскїй страхъ, два главнбйшїя свойства ума, уничиженнаго игомъ невольничества, — между просымымъ народомъ: вотъ истинное начертанїе нравовъ; бывшихъ тогда въ Европб. Нравы въ Греческой Имперїи находились, если не въ худшемъ, по крайней мбрб въ такомъ же состоянїи: ибо Греки ко всемъ вышеупомянутымъ порокамъ присоединяли ужасный фанатизмъ. Казалось, что человеколюбїе и справедливость удалились въ Багдадъ къ Магометанамъ, — единственнае уббжище, которое имъ оставалось, и гдб сїи небесныя добродбшешели сохранялись весьма долгое время. Развращенїе нравовъ было и долженствовало быть неизббжнымъ слбдствїемъ феодальной системы; воинственный духъ, повсюду господствовавшїй въ пбв времена, положилъ первое тому основанїе. Феодальные *Лорды*, будучи въ непрерывной между собою войнб, производили однб грабительства и опустошенїя: ибо симъ только средствомъ доставали они себб пропитанїе. Исторїя повбствуетъ намъ, что въ сїи ббдственные

времена разводы, хищенія, разбойничества и всѣ возможные роды распущенства и своевольничества были весьма обыкновенными происшествіями по тому болѣе, что первенствующее духовенство и дворянство подавали собою примѣръ къ такимъ безпорядкамъ. Подробное описаніе дѣлъ, которыя въ продолженіе сего періода происходили въ совѣтахъ различныхъ государствъ, могло бы показать намъ, на какой ужасной степенѣ развращенія находились тогда нравы; но довольно будетъ упомянуть здѣсь только нѣкоторыя происшествія, которыя были слѣдствіями грубости нравовъ, дабы привести въ содроганіе всякое чувствительное и человеколюбивое сердце. Во Франціи, въ царствованіе Роберта, случился однажды такой ужасной голодъ, что не только вырывали мерзвыя человеческія шкуры, для употребленія ихъ въ пищу, но наконецъ дошли до такой степени звѣрства, что люди гонялись другъ за другомъ, какъ за дикими звѣрями, и пожирали живыхъ. Одинъ мясникъ въ Торунѣ подавалъ человеческое мясо. Не далеко отъ Массоны найдено было между сѣбными припасами сорокъ восемь человеческихъ головъ, которыхъ шкурища употреблены были въ пищу (*). О ужасъ! — И въ сіи-то времена изувѣрства и

(*) Вольшеръ.

величайшаго развращенія въ Европѣ цар-
 ствовала величайшая набожность. Духовен-
 ство проповѣдывало людямъ, что грѣхи
 очищаются не покаяніемъ и добродѣтель-
 ною жизнію, но богатыми приношеніями
 въ церковь, и что пощѣ, который вне-
 сѣтъ болѣе, признавъ искренно-кающимъ
 ся. Люди, обольщенные симъ ложнымъ уче-
 ніемъ, спарались превзойти другъ друга
 въ любви къ церковному благу: одни строи-
 ли монастыри, другіе церкви; иныя предпри-
 нимали пущешесція ко святымъ мѣстамъ;
 многіе занимались единственно опысканіемъ
 мощей; ошлученіе отъ церкви казалось
 сколько же ужаснымъ наказаніемъ для про-
 свѣщеннаго, какъ и для невѣжды. . . .

*Достопамятный случай изъ дре-
 ней исторіи.*

Селевкъ Никашоръ, Царь Сирійскій,
 имѣлъ супругою своею прекрасную Спра-
 ттонику. Сынъ его отъ перваго брака и
 наслѣдникъ престола, послѣ того извѣст-
 ный подъ именемъ Антіоха Сопера, по-
 чувствовалъ въ сердцѣ своемъ законопре-
 ступную спрасъ къ мачихѣ; но онъ зналъ
 свою должность, боялся нарушить ее и ни-
 кому не открывалъ своей тайны. Внутрен-

няя скорбь истощила его силы. Уже Антіохъ лежалъ на одрѣ болѣзни. Въ то самое время находился при Дворѣ Царскомъ Еросисстрапъ, племянникъ Аристотелевъ и ученикъ Теофрастовъ. Славный врачъ сей, примѣчая угасающіе взоры юнаго Царевича, блѣдный цвѣтъ лица его, чрезвычайную слабость голоса, слезы текущія изъ очей безъ всякой причины, тотчасъ догадался, что Антіохъ страдаетъ отъ любви. Оснавалось узнать, кто былъ предметомъ столь мучительной страсти. Хитрый врачъ вознамѣрился сдѣлать опытъ и устроилъ дѣло сѣе такимъ образомъ, что въ назначенное время всѣмъ живущимъ во дворѣ царскомъ особамъ женскаго пола, одной за другою, надлежало посѣпить больнаго Царевича; при появленіи каждой женщины Еросисстрапъ прикасался рукою своею къ сердцу больнаго, какъ будто ненарочно. Антіохъ оставался спокойнымъ. Но когда приблизилась къ одру его Спрапоника, въ минуту цвѣтъ въ лицѣ больнаго перемѣнился, шло его покрылось потомъ, члены затрепетали и сердце забилось съ необыкновенною скоростію. По симъ признакамъ не трудно было угадать его тайну. Врачъ приговорно доносилъ неутѣшному родителю, что Царевичъ полюбилъ его, то есть Еросисстрапову, супругу и сею хитроспійю подаетъ случай сказать Селевву,

что онъ охотно уступилъ бы сыну даже свою Царицу, еслибъ могъ быть увѣренъ, что тѣмъ облегчитъ бремя его скорби. — Въ самомъ дѣлѣ Царь, до глубины сердца пронумый сыновнею почтительностію Антіоха, уступилъ ему Спиритонику, а по словамъ Лукіана, отдалъ еще ему въ управленіе часть Государства, и самъ удалился въ Вавилонію, гдѣ построилъ городъ Селевкію при Евфратѣ. М.

Московскія записки.

Объщавшись доставить читателямъ нашимъ свѣдѣніе о послѣднихъ пяти лекціяхъ г-на Мерзлякова, съ удовольствіемъ исполняемъ сію приятную обязанность. По предположенному плану первая половина *Курса изящныхъ наукъ* должна была заключать въ себѣ *общія начальныя основанія Словесности*, которыя служатъ приготовленіемъ къ другой половинѣ Курса, или къ части практической, гдѣ будутъ разобраны лучшія изъ древнихъ и новѣйшихъ сочиненій.

Въ 6 Ученіи Профессоръ говорилъ о свѣдѣніяхъ поэта, приобретаемыхъ изученіемъ. Поэтъ долженъ знать *свои дарованія, свое искусство, средства и матерію*, которую обрабатываетъ. Отсюда происходитъ необходимо: 1 знаніе самого себя, 2 знаніе языка, 3 знаніе правилъ словесности, 4 изученіе природы нравственной и физической и изученіе

искусствъ. — Средства или силы эстетическія суть: красота, полезное, высокое, новость, неожиданное и необыкновенное, чудесное и забавное. — Сначала показано, что есть высокое въ природѣ.

Ученіе 7. Профессоръ предложилъ о *высокомъ въ сочиненіяхъ*. Сдѣлано краткое разсмотрѣніе Лонгиновой книги о *высокомъ*. Далѣе говорено было о *высокомъ* въ древнихъ сочиненіяхъ, особливо же въ книгахъ священнаго писанія. Примѣры, представленные при семъ случаѣ, удовлетворительно показали, что простота, краткость и точность выраженій необходимы для *высокаго*. Сверхъ того, пребудетъ еще сила описаній, зависящая отъ искуснаго выбора подробностей, составляющихъ картину, отъ *мѣры и полноты* сей послѣдней. Всѣ сіи правила подкрѣплены примѣрами изъ древнихъ и новѣйшихъ Россійскихъ писателей. Пороки близкіе къ *высокому* суть *холодность и натяжка*: одна описываетъ высокій предметъ или высокое чувство слабо или смѣшнымъ образомъ; другая самой обыкновенной предметъ усиливается представити великимъ.

8 Ученіе. Предложено о *красотѣ* или о *прекрасномъ*. Прекрасное, послѣ высокаго, болѣе всего занимаетъ наше воображеніе. Чувствованіе имъ производимое легко можно отличить отъ чувствованія производимаго предметомъ высокимъ; но чрезвычайно трудно открыть въ споль величайшемъ разнообразіи и множествѣ предметовъ общее, принадлежащее всѣмъ имъ качество, посредствомъ котораго они производятъ въ насъ приятное впечат-

шлѣніе. Профессоръ представилъ нѣкоторыя рисунки, сочиненныя учеными для разрѣшенія сего вопроса; онъ говорилъ о красотахъ такъ называемыхъ *простыхъ*, какъ то: о цвѣтахъ, о фигурахъ, о движеніи, о соединеніи всѣхъ сихъ красотъ, напр. въ прекрасномъ ландшафтѣ; далѣе: о красотѣ физиономіи человѣческой, о прекрасныхъ качествахъ души или характера, о красотѣ искусства въ твореніяхъ человѣческихъ, и, — стороною, о томъ что называется красотою слога вообще.

9 *Чтеніе*. Профессоръ предложилъ объ удовольствіяхъ, производимыхъ *новостію*, *неожиданностію* и *необыкновенностію*. — Главнымъ предметомъ сего чтенія было *чудесное*, употребляемое столь часто стихотворцами въ своихъ поемахъ. Его раздѣляютъ обыкновенно на два рода: на чудесное въ природѣ и внѣ природы. То и другое подкрѣпляется непременно *правдоподобіемъ*, *вѣроятностію*: сія же основывается на понятіи или мнѣніи людей, на преданіяхъ и на размышленіи. — Представлены правила составлять чудесное такъ, чтобы оно было вѣроятно, или производило очарованіе. Правила сіи принаровлены были особливо къ поэмѣ и драмѣ, дабы означить границы, мѣру и мѣсто *чудеснаго* въ томъ и другомъ родѣ сочиненій. Предложены, гдѣ было нужно, примѣры изъ нашихъ эпическихъ и драматическихъ писателей. Чтеніе заключено краткимъ разсужденіемъ о томъ, что такое называется *забавнымъ* въ искусствахъ, и какъ оно производится.

10 *Чтеніе*. Предложена Исторія Поезій древнихъ и новыхъ народовъ; пономъ говорено

было о началѣ стихотворства, объ успѣхахъ его и ходѣ въ нашемъ опечесствѣ; кратко изложены средства къ удобнѣйшему образованію нашей словесности. Наконецъ Профессоръ заключилъ сію первую половину *Курса* изъявленіемъ своей благодарности слушателямъ и слушательницамъ; удостоившимъ чтенія его благосклоннымъ своимъ вниманіемъ.

Намъ остается пожелать, чтобы господинъ преподаватель, по обещанію своему, при наступленіи будущей зимы докончилъ и вторую половину *Курса*. Изъ сихъ лекцій можетъ составиться весьма приятная книга, которая принесетъ столькоже удовольствія читателямъ, сколько изустное преподаваніе г-на Мерзлякова нравилось слушателямъ. Такимъ образомъ составилъ и Лагарповъ *Курсъ словесности*.

Мы надѣемся сообщить читателямъ своимъ подробное историческое и художественное описаніе памятника Великой Екатерины, сооруженнаго иждивеніемъ Россійскаго Дворянства и стараніемъ господъ Спаршинъ Московскаго Благороднаго Собранія, а искусствомъ извѣстнаго художника господина Спачскаго Совѣтника Марпоса. Теперь упомянемъ только, что сей знаменитый памятникъ, представляющій изящное изъ бронзы колоссальное изображеніе Великой Екатерины, поставленъ въ залѣ Московскаго Благороднаго Собранія и торжественно открытъ 21 числа Апрѣля, въ самый день Пасхи, въ присутствіи 1500 Членовъ, приглашенныхъ для сего достопамятнаго празднества предварительными повѣстками, и при многочисленномъ стеченіи

зрителей, помѣщавшихся на хорахъ. Въ десять часовъ вечера звуки трубъ и литавръ возвѣстили, что открытіе памятника готово. Въ продолженіе игранный послѣ того, нарочно на сей случай сочиненной музыки, исполненныя благоговѣніемъ сердца нетерпѣливо ожидали радостной минутой; внезапной восторгъ объялъ ихъ, когда при опущеніи занавѣси начало появляться воздвигнутое внутри храма бронзовое изваяніе образа Екатерины Великой, — памятникъ, признательными чадами Отечества сооруженный незабвенной своей Благопослѣдницею. Въ сіе время пѣлъ хоръ съ огромнѣйшею инструментальною и роговою музыкою. Слова приличные сему случаю сочинены г-мъ Мерзляковымъ. Не возможно описать тѣхъ чувствъ, которыми исполнены были благодарные Россіяне, принимавшіе участіе въ семъ, скажемъ смѣло, *общею* празднествѣ. Всякой старался засвидѣтельствовать радость свою извѣщеніемъ усердныхъ чувствованій: тотъ приносилъ книгу своего сочиненія или своими трудами изданную, въ знакъ безпредѣльнаго благоговѣнія къ памяти безсмертной Государыни; другой воспѣваетъ стихами сіе достопамятное происшествіе и благодаренія Екатерины; третій сочиняетъ надписи къ памятнику: Въ четвертокъ былъ данъ маскарадъ для всего Дворянства и Купечества. Сіе собраніе ознаменовано также весьма прогашельнымъ событіемъ: Господа Старшины торжественно, при игрании на трубахъ и литаврахъ, поставили у подножія образа Екатерины на серебряномъ блюдѣ книгу съ именами всѣхъ пѣхъ лицъ, которыя пожертвованіями своими содѣйствовали устройству сего памятника всеобщей

благодарности и удивленія къ великой Госу- даринѣ. Члены и посѣщители веселились до 4 часовъ утра. Въ слѣдующіе дни весь домъ Благороднаго Собранія отъ 10 часовъ утра до 2 по полудни былъ открытъ для лю- дей всякаго состоянія. Въ продолженіе сихъ чешырехъ часовъ число любопытныхъ посѣщи- телей ежедневно проспиралось до 7 и 8 ты- сячъ; а въ одинъ день сочтено ихъ до 20,600 человекъ. Любопытные зрители привлекаемы были конечно не одною новостію столь достопа- мятнаго предмета; многіе изъ нихъ проливали слезы отъ избытка своего сердца, преисполнен- наго умилениемъ. Здѣсь конечно ксѣпашіи бу- депъ упомянуть, что когда Старшины забо- тились о средствѣхъ перенести такую огром- ную массу въ залу и утвердить на подножіи, и когда нѣкоторые думали было о надобности выломать полъ, чтобы пододвинувъ монументъ подыять его въ залу механическими способами, — спешійся передъ домою народъ, узнавши, о чемъ идетъ дѣло, простыми но выразительными словами изъяснилъ, сколь сильно въ немъ чув- ство благодарности къ Августѣйшей Прароди- тельницѣ вселюбезнѣйшаго нашего МОНАРХА: *жы ее, нашу Матушкѣ, на рѣчкахъ доне- сѣмъ куда угодно!* и въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько часовъ колосальная бронзовая спа- тия очутилась въ залѣ Благороднаго Собранія.

Равныя извѣстія и замѣчанія.

Дижонская Академія вшорично задала на 1812 годъ слѣдующій вопросъ: „справедливѣ ли и безпристрастнѣ въ сужденіяхъ своихъ

попомство, нежели современники? В Рижских листках (Ztng f. L. u. K.) сказано, что в отношении к искусству было бы правильнее вопрос сей предложить слѣдующимъ образомъ: на тѣхъ же ли началахъ основывается попомство в сужденіяхъ своихъ, на какихъ современники. Современникамъ часто нравится самое посредственное произведение, единственно потому что нѣкоторыя постороннія идеи, въ немъ заключающіяся, клонятся къ происшествіямъ насущаго времени; слѣдственно нравится оно не по истинному своему достоинству. Напроставъ того попомство, для котораго незанимательныя постороннія идеи, одобряешь только въ произведеніи, кои сами по себѣ изящны.

*

Не задолго передъ симъ въ Берлинѣ, а потомъ и въ Вѣнѣ, на шамоннихъ придворныхъ театрахъ показывали новой родъ зрѣлища, коимъ однакожь едва ли войдетъ въ употребленіе: — представляли на сценѣ подражаніе славнѣйшимъ картинамъ извѣстныхъ въ Европѣ художниковъ. Актёры и актрисы являющіяся въ положеніи лицъ, изображенныхъ на какой нибудь картинѣ. Явленія сіи нѣсколько разъ перемѣняются. Вопросъ: откуда происходитъ удовольствіе, доставляемое симъ новымъ зрѣлищемъ? Ежели изъ подражанія, то оно мертво безъ драматическаго дѣйствія; а разнообразіе картинъ, показываемыхъ въ одинъ вечеръ, также не можетъ сравниться съ преимуществами хорошей драмы. Пишутъ, что въ Вѣнѣ, для большаго очарованія, края театра у занавѣси украшены были на подобіе рамы. Кажется и сіе по-

себѣ не общаетъ большихъ выгодъ. Впрочемъ заочно и безъ собственнаго опыта было бы несправедливо утверждать о чемъ нибудь рѣшительно. Мы читали весьма лестные отзывы объ искусствѣ находящейся нынѣ въ С. Петербургѣ Нѣмецкой актрисы г-жи Шицъ, которая въ разныхъ городахъ показывала мимическія свои нѣмыя представленія; являлась въ видѣ Магдалины, Ніобы, Голашей и восхищала зрителей.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ банъ Титовыхъ въ Римѣ открыта древняя Христіанская церковь, построенная, какъ нѣкоторые думаютъ, еще въ прѣшемъ вѣкѣ. Достойны примѣчанія находившіяся на стѣнахъ оной изображенія святыхъ, а особливо календаръ высѣченный на камнѣ. Дни недѣли, которая тогда начиналась съ субботы, означены каждой особыми изображеніями; зодіакъ раздѣленъ на мѣсяцы, коихъ числа подлежало замѣчать палочками. Сдѣланныя для того отверстія, куда вкладываемы были сіи палочки, сохранились до нынѣ.

Гарлемское ученое общество назначило 400 червонныхъ за удовлетворительное рѣшеніе вопроса: „Какія причины способствовали спеціально продолжительному существованію Китайской Имперіи?“ Чтобы удовлетворительно отвѣчать на сей вопросъ, надлежало бы, кажется, прежде опредѣлить истинную древность Китайской Имперіи, о которой ни Греки, ни Римляне ничего неслыхивали, и которая была бы известною Европейцамъ со времени опустошительныхъ завоеваній Чи-

гисъ - Хановыхъ. Теперь мало полагаются на слова писателей осьмнадцатаго вѣка, говорившихъ съ великимъ уваженіемъ о древности и о мудрыхъ законахъ Китайскаго народа; теперь вообще нехотятъ уже слѣпо вѣрить патристическому самохвальству Китайскихъ летописцевъ и легкомыслию путешественниковъ, а требуютъ на все доводы несомнительныхъ.

✱

Славный историческій и политическій писатель Архенгольцъ недавно умеръ. Но извѣстный Журналь его, *Минерва*, издается по прежнему подъ его же именемъ въ Дрезденѣ; ибо въ Гамбургѣ запрещены многіе Нѣмецкіе журналы. Архенгольцъ долго почитался характернымъ сочинителемъ, то есть онъ писалъ по чувству своего сердца, а не по чужимъ мнѣніямъ. Изнеможеніе въ силахъ, старость, а можетъ быть еще и другія обстоятельство, наконецъ заставили его положить перо. Въ послѣдніе три или четыре года своей жизни онъ писалъ очень мало.

✱

Дюссекъ, извѣстный въ Европѣ музыкальными своими сочиненіями и превосходною игрою на клавинодахъ и жившій въ домѣ Дюка Беневенскаго, не задолго передъ симъ умеръ. Любители музыки лишились въ немъ одного изъ отличнѣйшихъ людей въ семъ родѣ. Они надѣются однакожь, что молодой Кіанкешпи, ученикъ и племянникъ Дюссека, со временемъ замѣнитъ своего учителя.

✱

По объявленію астрономовъ въ теченіе нынѣшняго года, и притомъ очень скоро, будемъ видѣть на небѣ жоня не весьма рѣдкое,

Д а

однакожь достопамятное явленіе. Мая 11 го (вбрюашно по новому спилу) планета Венера должна проходитьъ очень близко мимо Юпитера, и слѣдовательно два самыя яркія изъ свѣщающихся тѣлъ небесныхъ солнечной нашей системы будутъ находиться вмѣстѣ. Потомъ съ половины Мая до половины Іюля, и опять съ конца Августа чрезъ весь Сентябрь и почти весь же Октябрь, Венера будетъ видима простымъ глазами днемъ при ясномъ солнечномъ свѣтѣ; въ самомъ большемъ сіяніи своемъ покажется она 29 Іюня и 8 Октября. Извѣстно, что народы всѣхъ вѣковъ съ удивленіемъ взирали на сія періодическія явленія, и что астрономы весьма щцательно замѣчали ихъ въ своихъ историческихъ запискахъ.

*

На предложенные въ здѣшнемъ *Обществѣ любителей Россійской словесности* вопросы, касательно драматическаго стихотворства, г. Докторъ Меркель написалъ отвѣты на Нѣмецкомъ языкѣ и напечаталъ ихъ въ издаваемой имъ извѣстной Рижской газетѣ. „Безъ сомнѣнія читатели“ пишетъ г. Меркель „съ равнымъ моему неперпѣніемъ ожидающъ отвѣтовъ на предложенные вопросы. Между тѣмъ до получения обѣ оныхъ свѣдѣнія, пусть слѣдующій опытъ послужитъ на нихъ рѣшеніемъ. Можетъ спастся, будетъ приятно сія отвѣты сравнить съ тѣми, которые представлены будутъ упомянутому Обществу.“ Мы надѣемся имѣть случай говорить о сихъ отвѣтахъ.

*

Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ листкахъ сказано (спатья о семъ помѣщена и въ Мо-

ековскихъ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ), яко бы по дѣйствию Англичанъ двукратно предлагаемы были ошъ имени неизвѣснаго весьма значительныя денежныя суммы г-ну Ахарду, извѣстному хозяину свеклосахарнаго завода, за то чшобы онъ написалъ книгу, въ которой объявилъ бы, что свекловичный сахаръ никогда неможешъ замѣнить прорспнковаго. Г. Ахардъ великодушно ошвергъ сдѣланныя ему предложенія.

У. ПОЛИТИКА.

О состояніи Ирландскихъ Капо-ликовъ.

Въ Ирландіи, завоеванной Генрихомъ II (въ 1172 году) и составляющей нынѣ часть Великобританскаго Королевства, считается до 4,400,000 жителей, изъ коихъ болѣе двухъ прешей послѣдуютъ ученію Каполической церкви. Когда при Генрихѣ VIII введена была въ Англію и Шотландію Реформанская вѣра; тогда Ирландцы пребыли непоколебимыми послѣдователями ученія своихъ предковъ, и приверженность свою къ оному простирали даже

до того, что во время царствованія Карла I, въ 1641 году, взбундовавшись лишили жизни болѣе 200,000 Протестантовъ. Сіе ужасное происшествіе, купно со многими другими, бывшими въ царствованіе Королевы Маріи (дщери Генриха VIII), которая старалась жесточайшими мѣрами возстановить въ Англіи Каполическую церковь) напротивъ того сестра ея и наслѣдница престола Елисавета въ 1559 году изгнала изъ Королевства своего исповѣданіе Каполической вѣры и всячески способствовала къ разпространенію и ушверженію Протестантской), защита, которую несчастная Марія Стюартъ оказывала въ Шотландіи Каполикамъ, наконецъ поущенія Іакова II (въ 1687 году), паки возстановить Каполическую церковь, и помощь, подаваемая ему Каполиками въ Ирландіи, по низверженіи его съ престола, возродили такую въ господствовавшей церкви зависть противу Каполиковъ, что Актъ, изданный при Королѣ Генрихѣ VIII, по которому каждый вступающій въ новую должность обязанъ былъ давать присягу, что онъ отрицается отъ ученія Каполической церкви, приходилъ безпрестанно въ большую силу. Въ такъ называемомъ объясненіи Правъ (Bill of Rights) Королю постановлено было въ обязанность ненаруши-

мо сохранишь Протестантскую вѣру. Закономъ, изданнымъ въ 1689 году, запрещено было въ Англіи исповѣдоваць Каполическую религію; наконецъ въ царствованіе Королевы Анны (въ 1691 году) изданы были законы, которыми Ирландскіе Каполики лишены были всѣхъ гражданскихъ правъ. Въ слѣдствіе сихъ законовъ: 1) Всѣ Ирландскіе Каполики были обезоружены. 2) Имъ запрещалось покупать земли. 3) Лишены были права опназывать недвижимое имѣніе свое какому-либо одному наслѣднику. 4) Если же сынъ или дочь опредѣлился отъ Каполической вѣры, то они признаваемы были единственными наслѣдниками имѣнія, оставшагося послѣ ихъ родителей. 5) Сынъ, опредѣлившійся отъ сего вѣры, пошчасъ вступалъ во владѣніе опцовскаго имѣнія, а отецъ управлялъ онымъ вмѣсто своего сына, и пользовался только доходами съ онаго для своего пропитанія. 6) Ни одинъ Каполикъ не могъ опдать имѣніе свое на опкупъ долге, какъ на 31 годъ. 7) Священниковъ, уличенныхъ въ опправленіи богослуженія по Каполическому обряду, опредѣлено было высылать изъ Государства, а если они опять возвращаются въ оное, то предавать ихъ смертной казни. 8) Ежели кто изъ Каполиковъ имѣлъ у себя лошадь, спюющую болѣе 5 фунт.

сперл., то она у него отнималась и отдавалась донощику. 9) Ни одинъ Ирландскій Каполикъ не имѣлъ права ссужать деньгами подъ залогъ недвижимаго имѣнiя. Сiи жестокiе и частiю нравственности прошивные законы хотя уже и вышли мало по малу изъ употребленiя, однакожъ нѣкоторые изъ нихъ и по нынѣ имѣютъ свое дѣйствiе; ибо и по сiе время всѣ Ирландскiе Каполики лишены права вступать въ Государственную службу, и пошому для доспигенiя высшихъ достоинствъ и знапности они приуждены бывающъ искашь службы въ иностранныхъ государствахъ. Въ слѣдствiе сихъ законовъ Ирландцы лишены были почти всѣхъ своихъ собственныхъ земель. Кромель, во время правленiя своего Англiею, дарилъ офицерамъ своей армiи принадлежавшiя Ирландскимъ Каполикамъ земли, коими потомки сихъ офицеровъ и по нынѣ еще владѣютъ. Полагаютъ, что такимъ образомъ 19 двадцатыхъ частей земли перешли отъ Ирландiи во владѣнiе Протестантовъ. По сему неудивительно, что Ирландцы всегда склонны къ мятежамъ. Въ 1798 году произвели они всеобщее возмущенiе, которое Францiя поужалась поддерживать высадкою своихъ войскъ; но оное прекращено было по взятiи въ плѣнъ высаженнаго на берегъ не-

большаго вспомогапельнаго корпуса. Сїи обещанья побудили Англїю, уничтоживъ Ирландскїй Парламентъ, соединить его съ Британскимъ Парламентомъ. Сїе соединенїе восплѣдовало 1 Января 1801 года, и съ того времени Ирландїя имѣетъ 32 Члена въ Верхнемъ и 100 въ Нижнемъ Англїйскомъ Парламентѣ; однакожъ сїи Члены должны бытъ Протестантскаго исповѣданїя. Ирландїя платитъ двѣнадцать чашей всей суммы, потребной на государственныя издержки, принимаетъ участіе во всѣхъ новыхъ государственныхъ долгахъ, и управляется Губернаторомъ. Слѣдовательно Ирландцы, наиболѣе споспѣшествуя нынѣ, нежели прежде, къ облегченїю общаго государственнаго бремени, имѣютъ большую имѣющъ причину пользоваться теми же гражданскими правами, законы предославлены Англичанамъ и Шотландцамъ. Съ таковымъ требованїемъ они неоднократно обращались къ Законодательной власти; однако Англїйское Министертво всегда прошивилось удовлетворенїю ихъ просьбы. Ибо изданные прошивъ Ирландцевъ законы весьма тѣсно соединены съ существованїемъ Англїйской конспишудїи. По сему Лордъ Гакесбури въ 1805 году въ Верхнемъ Парламентѣ объявилъ: „Поелику въ нѣкопрыхъ узаконенїяхъ нашихъ

сказано, что Англійскій Король долженъ быть непременно Протестантскаго исповѣданія и слѣдовать ученію Англійской а не Каполической церкви; по силѣ закона должна опноситься не только къ Королю, но и ко всѣмъ государственнымъ чиновникамъ; ибо было бы весьма безразсудно сказать: мы не хотимъ имѣть Каполическаго Короля, но позволяемъ опредѣлять изъ Каполиковъ въ Министры, Совѣтники, Судьи, Намѣстники и проч.“ По такимъ-то причинамъ удовольствованіе пребываніемъ Ирландскихъ Каполиковъ и по сіе время сопряжено съ великими затрудненіями.

(С. П. В.)

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Изъ Парижа, отъ 25 Марта, н. ст. Здѣсь занимаются нынѣ новымъ устройствомъ театровъ, долженствующимъ послѣдовать какъ въ сей столицѣ, такъ и въ департаментахъ.

Отъ 28 Марта, н. ст. Съ 1 числа Сентября сего года будетъ ежедневно раздаваемо бѣднымъ во всей Франціи по два милліона порцій супа базденежно. Исчислено, что на сіе потребно будетъ вообще 22½ милліона

Франковъ. Сумма сія будетъ заимствована частію изъ остатковъ отъ сборовъ по приходамъ, частію же составится изъ займовъ и новыхъ податей.

Отъ 2 Апрѣля, н. ст. Минувшаго мѣсяца съ 30 числа Императоръ и Императрица наши имѣющъ пребываніе въ Сенъ-Клу; а Король Римскій находится еще въ Парижѣ. — Дюкъ де Плезансъ, Генераль-Губернаторъ Голландскихъ Департаментовъ, прибылъ въ здѣшнюю столицу.

Изъ Неаполя, отъ 7 Марта, н. ст. Король нашъ подарилъ здѣшнему городу библиотеку, которая по имени Его Величества будетъ называться *Библиотекою Иоахима.*

Изъ Касселя, отъ 6 Апрѣля, н. ст. Сего числа Король нашъ выѣхалъ изъ здѣшней столицы. Говорятъ, что отсушествіе Его Величества будетъ продолжительно.

Изъ Берлина, отъ 2 Апрѣля, н. ст. Король нашъ пожаловалъ Французскаго Министра иностранныхъ дѣлъ, Дюка де Бассано, Кавалеромъ ордена Чернаго Орла.

Отъ 7 Апрѣля, н. ст. Минувшаго Марта 28 числа Наслѣдный Принцъ Виртембергскій прибылъ съ свитою своею въ Лейпцигъ.

Отъ 16 Апрѣля, н. ст. Вчерашняго числа обнаружено было здѣсь Королевское повелѣніе, коимъ запрещается привозъ колониальныхъ товаровъ въ Пруссію и сухимъ путемъ. (Съв. II.)

Вѣна, отъ 14 Марта, н. ст. Содержаніе послѣдняго рескрипта, даннаго Его Величествомъ Императоромъ нашимъ Венгерскому Сейму, теперь уже извѣстно. Въ немъ между прочимъ объявлено: что Король при настоящихъ обстоятельствахъ никакъ не можетъ опмѣнить сдѣланнаго имъ пребыванія о доставленіи ему Венгерію 12 милліоновъ надличными деньгами, которыя необходимы для удовлетворенія государственныхъ нуждъ: что Его Величество, по особенному Своему благоволенію и собственному побужденію, позволяетъ Венгеріи, вмѣсто помянутой суммы поставитъ разные свѣстные припасы, о коихъ упомянуто въ 38 статьѣ Протокола засѣданій Венгерскаго Сейма, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ сравненіи съ настоящими цѣнами сихъ припасовъ выставлено было оныхъ болѣе одною четвертою долею; чтобы Венгерскіе Чины приняли на себя поручительство во 100 милліонахъ для уплаты государственныхъ долговъ; что предложенное Чинами возвышеніе цѣны на соль принадлежишь къ подалямъ, составляющимъ имущество государственной казны, и Его Величество предоставляетъ одному только Себѣ право назначать цѣну на сію по потребності, а потому статья сія и не можетъ подлежать никакому разсужденію Чиновъ. Сверхъ сего Король пребуетъ, чтобы Чины поспѣшили своими рѣшеніями, могущими послужитъ къ пользѣ Австрійской Монархіи. (С. П. В.)

Отъ 21 Марта, н. ст. Учиненное уже здѣсь запрещеніе о вывозѣ всякаго рода хлѣба за границу, нынѣ паки подтверждено.

Отъ 22 Марта, н. ст. Полки Ерцгерцога Карла, подъ начальствомъ Дейчмейстера и Біанки, равно какъ и три роты піонеровъ пойдутъ въ Галлицію. Его Величество всѣмъ Офицерамъ Австрійской арміи, по причинѣ чрезвычайно великой дороговизны, велѣлъ производить столько полупорцій говядины, сколько они получаютъ порцій хлѣба, и ежели они какую либо изъ оныхъ не желаютъ получать напурою, то предоспаваются имъ свобода требовать, вмѣсто того, деньгами по цѣнѣ.
(С. П. В.)

Отъ 28 Марта, н. ст. Въ продолженіе всей нынѣшней недѣли Ихъ Величества изволили слушать Божественную службу публично. Императоръ совершалъ нынѣ Самъ омовеніе ногъ двенадцати престарѣлымъ мужчинамъ, а Императрица столькожъ же женщинамъ; и попомъ съ помощію Ерцгерцоговъ и придворныхъ дамъ угощали ихъ за столомъ. Всѣмъ симъ старцамъ дано по обыкновенію новое плащье, а по окончаніи стола каждому по кожаному кошельку съ деньгами.

— Отъ Правительства здѣшняго въ предосторожность напоминаетъ, чтобы всѣ опасно больные, по крайней мѣрѣ послѣ пятаго посѣщенія врача, приобщаемы были уже Святыхъ Таинъ и соборованы масломъ.

— По причинѣ возникшей въ Босніи заразительной болѣзни, приняты въ Земляхъ и Бродахъ спрочайшія мѣры оснорожности.

Отъ 4 Апрѣля, н. ст. Епископъ Будвейскій, Графъ Шафгопцъ, возведенъ Императоромъ въ достоинство Архіепископа Прагскаго и Примаза Королевства Богемскаго.
(Съв. П.)

Лондонъ, отъ 12 Марта, н. ст. Лордъ Левисонъ Говеръ хотѣлъ подать Регенту прошеніе ошъ нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ людей изъ Графства Сшаффорда, но цѣлыя три недѣли тщетно домогался онъ имѣшь у Принца Регента аудіенцію; поелику ему никакъ не хотѣлось подать сего прошенія чрезъ Государственнаго Секретаря Ридера. Онъ жаловался на сіе въ Парламентъ, сказавъ: „Къ нашему преслабому и больному Королю подданные не могутъ имѣшь доступа по причинѣ Его болѣзни, а молодой Регентъ нашъ не имѣетъ съ ними никакого сношенія, не даетъ никакой аудіенціи и непринимаетъ къ себѣ ни одного просителя!“ — Вчера Лордъ Сидмушъ имѣлъ свиданіе по дѣламъ государственнымъ съ Канцлеромъ Казначейства. Слухъ носится, что назначеніе новыхъ Министровъ послѣдуетъ не прежде, какъ послѣ праздника Пасхи. (С. П. В.)

У в ѣ до м л е н і е .

Имѣю честь довести до свѣдѣнія благо-
творительнаго Общества, что деньги при-
сланные имѣ сто пятьдесятъ рублей мною
получены сего 1812 года Марша 19 дня. За
сіе благодѣяніе извѣяляю моимѣ благодѣше-
лям чувствительнѣйшую благодарность. Пре-
бываніе свое имѣю я шамѣ же гдѣ и прежде;
а когда оное перемѣнится, тогда неоспаваю
извѣспитъ почтеннѣйшихъ моихъ благодѣше-
лей. А. П.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Краткая исторія и разныя методы словесъ.

Пускай кто захочетъ въ дурную погоду курить табакъ отъ скуки; и охотникъ ходишь, и нелюбя табашнаго дыма, обыкновенно въ такое время ищу утѣшенія въ наблюденіяхъ подъ окномъ, въ бездѣйствіи и въ праздности, или въ своей маленькой библіотекѣ, и на днѣ своей маленькой чернилицы. Я испыталъ, что дождь благодѣтеленъ не для одного земледѣльца; часто подъ шумомъ дождя моя голова была обильнѣе мыслями и мое перо живѣе; подъ его шумомъ родился сей опрыскъ о спорахъ. Не вѣдаю, почему мысли мои обратились именно къ спорамъ; и какая нужда читателямъ знать то, что непоспознимо для меня самого, и что можетъ быть при-

надлежитъ въ неизвѣстимымъ дѣйствіямъ души? Оставивъ ешу загадку безъ рѣшенія, лучше расскажу любопытную испорцію и разные методы споровъ.

Старшія дѣти Адама и Евы, думаю, подобно нашей черни, употребляли въ спорахъ логику дикую, необузданную никакими правилами искусства, — и славный Грекъ, Сократъ, первый далъ имъ методу, которая названа *напихизическою*. Ещо значитъ: дѣлать вопросъ за вопросомъ, пова вашъ противникъ, не находя болѣе отвѣтовъ, самъ признается въ своемъ заблужденіи и согласится съ вашею истинною или ложью. — Сила и дѣйствіе сей методы имѣютъ великое сходство съ шѣмъ, что всякой безъ сомнѣнія слышалъ о военныхъ случаяхъ, когда одинъ неприятель заводитъ другаго въ шѣсный уголъ, когда для обманутой арміи нѣтъ никакого средства ни спастись бѣгствомъ, ни выгодно сразиться, и когда все заставляетъ ее отдаться на волю хитраго побѣдителя (*).

Пошомъ другой Грекъ, великій пантикъ древней философіи, Аристотель, изобрѣлъ методу новую. Его оружіе мѣльное, но едва ли не съ большимъ усилѣхомъ дѣй-

---

(*) Титъ-Ливій IX. 1. 3.

существующее, названо *силлогизмами*. Главная разность сихъ двухъ методовъ состоитъ въ томъ, что противникъ передъ Сократомъ соглашается на все, что слышитъ, — предъ Аристотелемъ всегда опровергаетъ какую нибудь одну мысль; Сократъ побуждаетъ спрагаемого, Аристотель открываетъ силою; Сократъ беретъ городъ подкопами, Аристотель стремится къ нему съ огнемъ и мечемъ.

Извѣстно, что Европейскіе Университеты вели войну между собою не иначе какъ подъ знаменами Аристотеля, и употребляли единственно его оружіе — *силлогизмы*. Послѣ многихъ вѣковъ и усилій всѣ человѣческія свѣдѣнія превратились въ магазинъ *отвѣтовъ и возраженій*, и вся философія вмѣстѣ съ бѣднымъ здравымъ умомъ изрублена въ безчисленные мѣлкія часны, называемыя въ школахъ *раздѣленіями*.

Ученый, свѣтъ увидѣвъ, что сіи раздѣленія безпрестанно умножаются, что противникъ, уже близкій къ своему спыду, находишь въ нихъ же новый щитъ и дѣлаетъ побѣду сомнительною. Но пруденъ только первый шагъ въ изобрѣченіяхъ, и человекъ сдѣлавъ его, неостанавливается! Явилась новая метода, которая не подходитъ ни подъ одну Аристотелеву

Форму: *Argumentum Basilinum*, другіе пишуть *Vacilinum* и *Vaculinum* (*), въ Русскомъ переводѣ епо значить *палка* или *дубина*, ш. е. ежели противникъ не покорялся силѣ силлогизмовъ; то прибѣгали къ ударамъ и сражали его.

Война всегда начиналась боемъ между двумя ашлепами; но въ случаѣ нужды выходили съ каждой спорсны цѣлыя арміи. Въ О... показывающъ путешественникамъ мѣсто, которое можно назвать *дефиле*, и которое отъ частой происходившей на немъ *логической войны*, до сихъ поръ называется *логическимъ глухимъ перекладомъ*. За сто лѣтъ передъ симъ одинъ изъ путешественниковъ видѣлъ Доктора-рыцаря, который рассказывалъ — съ улыбкою удовольствія и оживившейся храбрости — какъ онъ предводительствовалъ многочисленными учеными арміями, — какъ онъ, въ вылазкахъ, прогонялъ, разбивалъ ихъ, — и какъ побѣжденный неприятель искалъ спасенія и едва находилъ оное подъ защитою своего гарнизона.

(*) Имя изобрѣтателя неизвѣстно, думаю, потому что онъ, будучи скромнѣе Сократа и Аристотеля, не хотѣлъ гордиться великими услугами, какія оказалъ ученому свѣту. Соч.

Самая блистательная эпоха подобного военного духа въ ученыхъ людяхъ, кажется, принадлежишь къ вѣку Еразма. Онъ пишетъ, что въ то время, когда Греки принесли и распространили просвѣщеніе въ западной Европѣ, ученый свѣтъ раздѣлялся на *Грековъ* и *Троянцовъ*. Ни одна встрѣча между ними не проходила безъ кровопролитныхъ непріятельскихъ дѣйствій. Несчастный Еразмъ, непобѣдимый въ Аристошелевой методѣ и въ здоровомъ смыслѣ, самъ на себѣ испыталъ силу *Троянской логики* и ея доказательствъ. Еразмъ жаловался на нихъ своимъ друзьямъ до самой смерти.

Начиная съ 18 столѣтія страницы исторіи, записывающей ученія сраженія, менѣе обогреты человѣческой кровію; но еще найдете въ нихъ множество жертвъ, принесенныхъ оскорбленному самолюбію педантовъ, и онѣ еще мучительнѣе для души нѣжной, чувствительной.

Ето плоды просвѣщенія! Руссо въ своихъ жалобахъ на него справедливо оплакиваетъ потерю суроваго мужества, которое изображается ясными чертами на лицѣ и въ глазахъ *честнаго невѣжды*. Я думаю, что злоба человѣческая неизбежна на земли, и въ сихъ мысляхъ предпочитаю опи-

крытое, рѣшительное нападеніе той коварной вражды, которая дѣйствуетъ медленно и крошечко, но тѣмъ вѣрнѣе и ужаснѣе.

Еразмъ! можешь быть удары, нанесенные тебѣ звѣрскими *Троянцами*, очень жестоки; можешь быть ты страдалъ отъ нихъ во всю жизнь: но по крайней мѣрѣ не они тебя умерщвили. Среди вздоховъ ты еще наслаждался геройскою опрадою защищая истину и невинность; среди болей ты имѣлъ еще довольно силъ сражаться съ суевѣремъ и упрямымъ невѣжествомъ, — а Юрикъ, бѣдный Юрикъ!

Съ живымъ воображеніемъ, съ поникимъ и рѣзвымъ умомъ, съ нѣжною, непорочною душою, съ добрымъ, чувствительнымъ сердцемъ, съ пою веселостію, которая изливается съ каждымъ словомъ и движеніемъ безъ всякаго сража и принужденія, — со всѣми сими качествами Юрикъ имѣлъ два важнѣйшихъ недоспашка: незнаніе свѣта и опкровенность почти дѣтскую. Его добродѣтели и просвѣщеніе давали ему право судить другихъ строго, и онъ не перья его, говорилъ о человѣческихъ слабостяхъ безъ пощады и со всею неоспорожностію, т. е. не соображаясь ни со временемъ, ни съ мѣстомъ. Кто бы ни былъ герой драмы, какъ бы онъ ни былъ

силёнъ и опасёнъ своимъ чиномъ или гордо-спію, но если унижалъ себя безчестнымъ поспупкомъ, то Юрикъ, забывая слѣдствія своей неоспорожности, называлъ его прямо *человѣкомъ безчестнѣмъ*.

И болѣе всѣхъ пороковъ ненавистна была для Юрика та холодная, коварная важность, подъ копорою часпо люди скрываютъ свои недоспапки. Онъ называлъ ее обманчивою личиною добродѣтели и знаній для обольщенія легковѣрныхъ и выученною ролю для погибеди добродушныхъ. Горе по-му, кто носилъ подобную личину! Юрикъ, говоря о немъ, дѣлался самымъ жестокимъ сатирикомъ, и въ заключеніе своей сатиры всегда прибавлялъ, что она должна быть написана золопыми буквами.

Юрикъ оживлялъ свои сатиры остримъ и припнымъ разговоромъ, копорый служилъ имъ вмѣсто крыльевъ. Между тѣмъ, какъ будто не довольно сихъ крыльевъ, презрѣнный родъ тѣхъ услужливыхъ людей, копорые ловятъ и повпоряютъ новости, давалъ имъ еще другія, такъ что каждая Юрикова сатира всегда долепала и вѣрно и скоро до вельможъ, бывшихъ ея предметомъ.

Оскорбленные уже не одинъ разъ до-зывали Юрику *по правиламъ своей*

логики, что онъ заблуждаетъ въ моральной философіи; уже не одна искра-мщенія упала на бѣдную Іорикову голову; но онъ, думая что истина и добродѣтель на его сторонѣ, вопреки симъ опышамъ, продолжалъ войну съ прежнимъ упорствомъ.

Евгеній, другъ его, видѣлъ всю опасность ея для Іорика, и часто ему напоминалъ объ ней.

Послушай! говорилъ ему Евгеній; живость твоего ума и безразсудныя твои шушпанъ рано или поздно погубивъ тебя. Люди, осмѣянные въ твоихъ саширахъ, безъ сомнѣнія почишають себя обиженными и безъ сомнѣнія не будутъ великодушны, имѣя сіе право на мщеніе. Посмотри на нихъ съ епой ужасной стороны; сочши ихъ семейство, ихъ родственниковъ, друзей и чужихъ, которые готовы соединиться съ ними въ общей опасности; сочши всю сію армію; ты увидишь, что каждая десятка твоихъ шушпанъ — повѣрь мнѣ, что это справедливая артеметика — восружалъ противъ тебя по крайней мѣрѣ сто неприятелей.

Напрасно льстишь себя, что твои саширы не оправданы ни злобою, ни завистию, что они имѣють цѣль невинную и даже добрую; невѣжды незнають такого

различія, а низкія души не хотѣтъ знать его. Я молю Небо, чтобы мой другъ не испыталъ, какъ страшно раздражать первыхъ и смѣяться надъ послѣдними; повѣрь мнѣ Іорикъ, что швоя учаснѣ рѣшена, если всѣ они заключатъ союзъ и начнутъ войну по своей адской шакшикѣ, шобъ неизвѣстной.

Миценіе въ уединенномъ углу сочинитъ тысячу ядовитыхъ басень прошивъ твоей чести; всѣ твои добродѣтели, весь твой умъ не защитятъ тебя; твой домъ пошрясется; твои достоинства, копорыя составляющъ единственную подпору и богатство жены и дѣтей твоихъ, покроются стыдомъ и поношеніемъ; всѣ твои благородныя поступки будутъ поруганы; всѣ твои знанія цопраны; самая въра швоя будетъ превращена въ безбожіе; и въ заключеніе прагической сцены *Жестокость* и *Подлость*, двѣ убійцы, подкупленыя *Злобою*, нечаянно посыпятъ на тебя удары. Повѣрь мнѣ, любезный Іорикъ, самые лучшіе люди близки ко миценію; и кинь рѣшится принесши на жертву нехитрое, безпомощное швореніе, шотъ найдѣтъ въ самыхъ Ливійскихъ пустыняхъ довольно дровъ, чтобы сожечь его.

Сія картина не поколебала Іорика; но увидя въ ней подлѣ себя и жену и дѣтей

въ столь ужасномъ положеніи, онъ едва не лишился разсудка. Со слезами раскаянія, со взоромъ опичанія просилъ онъ помощи противъ своихъ враговъ; увы! уже поздно. . . . Н. и О . . . уже сдѣлали заговоръ и напали на бѣднаго Іорика, точно какъ предсказывалъ Евгеній, но ещѣ нечаянно и съ неизвѣстнымъ звѣрствомъ; — удары сыпались градомъ, и Іорикъ палъ, подобно многимъ добродѣтельнымъ людямъ, прежде него павшимъ!

Іорикъ началъ сраженіе съ своими неприятелями какъ герой; но обремененный ихъ превосходнымъ числомъ, изнуренный обыкновенными бѣдствіями войны и еще болѣе необыкновенною коварною тактикою, наконецъ бросилъ мечъ и щипъ, и старался скрыть свои сраданія подъ веселостію, которую показывалъ до самой смерти.

Когда Евгеній пришелъ въ послѣдній разъ взглянуть на своего друга, и отдернувъ занавѣсъ его постели, спрашивалъ о здоровьи, Іорикъ схватилъ его за руку и долго молчалъ; потомъ снявъ другую рукою колпакъ: посмотри, сказалъ, на сіи глубокія раны, нанесенныя Н . . . и О . . . . Іорикъ присоветовалъ Сервантическимъ тономъ: моя голова такъ избила, такъ слаба, что если бы Архіерейскія шапки посыпались

да неа градомъ, но не удержала бы ни одной. Эта шушка была послѣдняя въ Юриковой жизни.

Его прахъ покоится на кладбищѣ . . . подъ простымъ камнемъ, на которомъ Евгенийъ вырѣзалъ надпись: *Увы, бѣдный Юрикъ!* Прохожіе, зная добродѣтели и несчастную смерть Юрика, всегда оспанавливаются у его могилы и съ глубокимъ вздохомъ повспоряютъ: *Увы, бѣдный Юрикъ (*)!*

Съ миніашюрною методою, отъ которой спрaдали Еразмы и Юрики, имѣетъ великое сходство метода колоссальныхъ споровъ, употребляемая государями. Они выводятъ по спу тысячь философовъ со шпынками и доказываютъ ихъ остріемъ истину своихъ мнѣній. Одинъ изъ Европейскихъ монарховъ, слишкомъ полагавшійся на подобную методу, написалъ на своихъ большихъ пушкахъ: *ratio ultima regum*, ш. е. логика государей. Но его логика была обращена противъ него же; ея доказательства имѣли худой успѣхъ, и онъ началъ болѣе уважать просную логику — общую

(*) Авторъ взялъ Юриковъ эпизодъ почти безъ всякой перемѣны изъ *The life and opinions of Tristram Shandy*; и можно ли перемѣнить то, что написано Стерномъ? Н.

справедливость. Для тѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ философами сего рода, почитаю не излишнимъ легкой приемъ прусоссти, которая мнѣ кажется не прусосстію, а истиннымъ благоразуміемъ, и которая для меня была полезна не одинъ разъ въ мѣлкихъ случаяхъ моей жизни, ш. е. не предъ царями, но предъ гордыми вельможами. Я обязанъ симъ прекраснымъ, необходимымъ правиломъ спарому Римлянину, имѣвшему опасное счастье противурѣчить своему государю. Примѣшивъ разногласіе въ мысляхъ, подданный поспѣшилъ признасться въ заблужденіи, которое было совсѣмъ не на его сторонѣ. Его друзья, бывшіе свидѣтелями спора, удивлялись, почему онъ уступилъ пальму; которая безъ всякаго сомнѣнія принадлежала ему; *я всегда отдаю ее, отвѣчалъ опытный спарикъ, солернику, повелѣвающему 50 легионами.*

Оставляя другія любопытныя но не столь важныя методы, обращаюсь къ той, которая была упопреблена во Франціи противъ Люперанъ, а въ Англїи противъ Капюликовъ, и которая можетъ бытъ названа *механическою*, попому что въ ней служатъ вмѣсто доказательствъ дерево и желѣзо въ разныхъ видахъ или формахъ. Въ Англїи она была весьма въ великомъ упопребле-

нїи при Королевѣ Марїи. Говорятъ, что въ Смипфолдѣ, на главномъ театрѣ споровъ, всегда была немалая толпа людей, ожидающихъ истиннаго просвѣщенїя, и будуче для нихъ нужно было такое множество *деревянныхъ силлогизмовъ*, что во всей Англїи лѣсъ сдѣлался дороже. Въ сей методѣ первое мѣсто занимаютъ сложные силлогизмы, называемые погречески *соритами*. . . . Опытъ доказалъ, что они имѣли великой успѣхъ и обратили многіе умы къ наспоющей философїи и теологїи. — Въ древнїя времена люди ославляли свой образъ мыслей и принимали чужой, увлеченные во первыхъ внутреннимъ увѣренїемъ, во вторыхъ добродушіемъ, силою и приятностію ума своихъ учителей, которые желали имъ истины для нихъ же самихъ. Но дѣйствіе такой методики медленно, ненадежно и пребуетъ дарованїй и свѣдѣнїй, а *мученіе* или *пытка* легка и просвѣщаетъ заблуждающїе умы даже противъ воли!!.. После столь важнаго открытїя философїя и теологїя сдѣлали шагъ гигантскїй. Всякое сомнѣнїе противника, — слабого, безпомощнаго, — почишалось упорствомъ, которое не иначе можетъ быть побѣждено какъ *механическими средствами*, на сей конецъ изобрѣшенными, п. е. *плетью, колесами, галерами, тюрьмою, висѣлицею,*

пылающимъ костромъ и проч. и проч. Ибо возможно ли рассказать все, что содержишь въ себѣ дополненіе (appendix) къ языческой логикѣ, сдѣланное, по большей части, въ Римскомъ Конклавѣ, въ семь поспѣшнѣ испиннаго просвѣщенія?

Остатки сихъ ужасныхъ силлогизмовъ хранятся въ архивахъ. Любопытные могутъ видѣть ихъ въ оригиналѣ и, по моему мнѣнію, *всякой* по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ жизни долженъ взглянуть на нихъ, чтобы *всякой* представилъ себѣ съ полною ясностію, какъ безчеловѣчна была государственная логика прежнихъ временъ, и попомъ благословлялъ бы счастливую, крошечную логику нынѣшняго философа-монарха, который не знаетъ ни для себя, ни для подданныхъ другихъ доказательствъ, кромѣ общихъ народныхъ законовъ и святой справедливости.

Наконецъ упомяну о методѣ столь же действительной, какъ *механическая*, но крошечной и для самаго антагониста приятной, — о прелестномъ, очаровательномъ звукѣ *золота*. Ни что не въ состояніи пропивитъ сей методъ; она въ одно мгновеніе разрушаетъ чужую ложь и истину, и ставитъ на ея развалинахъ прони для *своей* истины и лжи. Человѣкъ съ доказатель-

Словами сего рода не можешь сомнѣваться въ побѣду надъ соперникомъ, который не имѣешь на своей сторонѣ ничего, кромѣ здраваго разсудка или здравой философіи. Золото даетъ чудесную ясность идеямъ, развѣваетъ, какъ дымъ, всякое сомнѣніе и недовѣрчивость; его сила понятна для самой тупой головы; предъ его звукомъ молчитъ самый громовый языкъ; ему покоряется самый неприсупный и самый упорный нравъ! — Филиппъ Македонскій принадлежитъ въ первымъ философамъ сего рода; онъ увѣрилъ сею меподою мудрецовъ Аѳинскихъ въ ихъ заблужденіяхъ, усмирилъ волновавшихся противъ него добрыхъ гражданъ, лишилъ ораторовъ способности говорить, однимъ словомъ, доказалъ цѣлому народу, что независимость для Греческой республики хуже нежели его оковы!

Ни одна система не была сопровождаема успѣхами столь быспрыми, обширными и постоянными; въ наше время она обнимаетъ всѣ сословія, и мы можемъ сказать, что у насъ самые земледѣльцы столь же просвѣщены въ семъ смыслѣ, какъ Филиппъ Македонскій. Причина подобнаго рѣдкаго феномена состоитъ по моему мнѣнію въ чрезвычайной простотѣ правилъ сей догмы; ибо они заключающся только въ

двухъ соединенныхъ буквѣхъ *D* и *A* (*). Припомъ они повторяются безпрестанно. Кто можетъ сказать о себѣ, что неизмѣлв въ своей жизни случаевъ слышалъ ихъ и понять въ *Филилловомъ* смыслѣ?

Я сказалъ бы, что сїя логика служитъ въ спыду чловѣческаго рода, что она еслъ одинъ изъ величайшихъ бичей испины, добродѣтели и невинности; но примѣръ *Еразма* и бѣднаго *Юрика*!... а мое здоровье пакъ слабо, что не перенесетъ даже и одного удара злобы и мщенїя!

Съ Англ. Н.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

И д и л л и я.

О Лилла! блаженство дней юныхъ не вѣчно.
 Какъ быстрый источникъ она скороспечно;
 Веселья не придетъ потерянный часъ;
 Все патъ сокровенный похишитъ у насъ;
 Расцвѣтшїая роза чрезъ мигъ исчезаетъ;
 Не долъ у Лиллы эфиръ лобызаетъ,

(*) Еще Латинскїй языкъ? Какъ будто удары ошъ *vasulum* менѣ чувствительны, нежели отъ *палки*, и *da* менѣ значитъ нежели *дай*; но прежде думали, что одинъ сей языкъ способенъ къ высокимъ маперїямъ. *Н.*

И лиліи персей и розы ланишъ ,
И въ спрасши другъ сердца къ нимъ взоры
спремимъ!

Мы такъ же какъ роза мгновенны бываемъ,
Не долге зрѣемъ — скорѣй опцвѣщаемъ,
Добыча злой Парки ужь многіе дни,
Томленіе сердца, утрапа любви.
Съ вѣнкомъ увядаешъ чело имъ увисто,
Мы зримъ, что проходишъ; что будетъ —
сокрыто!

О Лилла! ужь пѣни не ищешъ въ дубравѣ,
Ни агнецъ, рѣзвися въ невинной забавѣ,
Ни серна прохлады въ ущелинахъ горъ,
Съ днемъ каждымъ въ долинахъ перяелъ нашъ
взоръ

Фіалки и розы, полей украшенье;
То смолкнешъ пернапыхъ, что слышитъ ся
пѣнье;

Въ лѣса опустивши вновь придетъ весна:
Но юность другая для насъ не дана!
Ни что не наполнишъ грудь въ скорби опц-
цвѣтшу,
Ни что не ворошишъ любовь оплѣтившу!

О Лилла! доколѣ не все опцвѣло,
Вѣнкомъ ароматнымъ украсивъ чело,
Власы распустивши, какъ розы душисты,
На полныя груди, на перси волнисты,
Прижмися, лилейной рукой оплѣсясь,
Ты къ другу, устами съ устами слѣпясь —
Пусть духъ восплаешъ любовью обвятой!
Пусть грозное время къ намъ мѣится съ за-
капомъ,

И дни передъ нами какъ стрѣлы летятъ!
Люби наслажденья намъ все замѣняшъ.

Въ ней жизни вся сладость , въ ней счастье
природы ;
Минуша съ ней то же , что цѣлые годы.

М. Милоновъ:

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА , НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

Объ изобрѣненіи живописнаго и ваятельнаго художества.

Опредѣлить съ точностію время , когда изобрѣнены художества живописное и ваятельное, спольже трудно какъ и показать эпоху многихъ другихъ изобрѣненій: Проспираясь въ опдаленнѣйшую глубину исторіи, повсюду находимъ уже слѣды бышійшихъ художествъ; слѣдственно первоначальное происхожденіе оныхъ опносится къ раннему возрасту человеческого рода, къ тому времени, до котораго недосегаютъ историческія наши познанія. Въ древнѣйшей баснословной исторіи людей, посредствомъ успнаго преданія отъ одного поколѣнія переходившей до другаго и шавимъ образомъ

сохранившейся для потомства, упоминающ- ся уже или художники или изобрѣшатели художествъ. Думаешь надобно, что воспе- нымъ народамъ извѣсны были нѣкоторыя художества еще до пошопя Ноева; по край- ней мѣрѣ въ остаткахъ преданій ихъ упо- минается о Тубалкаинѣ, изобрѣшатель ку- зничнаго искусства; по Греческому басно- словію извѣстенъ Дедалъ, знамениѣйшій художникъ, жившій прежде войны Троянской; говорящъ о Египтянахъ, что спустя 2000 лѣтъ послѣ сотворенія міра у нихъ были уже въ употребленіи разныя искусства. Древнѣйшій памятникъ человѣческаго рода, исторія о сотвореніи міра, показываетъ уже, что сочинитель ея имѣлъ нѣкоторое поня- тіе объ упоминаемыхъ нами художествахъ; именно же о ваятельномъ. Человѣку надле- жало перейти многія степени отъ перво- бышнаго дикаго состоянія до образованно- сти, прежде нежели могъ онъ сдѣлаться изобрѣшателемъ ваятельнаго художества; ему надлежало оставить пещеры, перво- начальныя жилища рода своего (*), изобре- сти механическій искусства, приучить се- бя къ дѣятельности, познаться съ нѣкоторыми выгодами и удобствами въ жизни, пошомъ уже сдѣлать открытія;

(*) Aeschyl. Prom. v. 449. — Vitruv. II. c. 1. — Plin. VII. 56; 57. — Pausan. X. c. 17.

которыя мало по малу довели его до ваятельного и живописнаго художествъ. Пока человекъ не достигъ до сей степени образованности, дополѣ, и епо очень вѣроятно, чужды ему были оныя искусства; а образованность немогла бытъ дѣломъ короткаго времени; протекло нѣсколько столѣтій прежде нежели человекъ хорошо узналъ многія вещи, для необходимостей и выгодъ житейскихъ пошребныя. По симъ причинамъ не должны мы искасть художествъ живописнаго и ваятельнаго въ первомъ періодѣ бытїя человеческого.

Какой родъ жизни наиболее благоприятствовалъ изобрѣженію художествъ? Не всякое соспояніе у древнѣйшихъ людей было равно выгодно для образованности и различныхъ изобрѣшеній. Если одинъ родъ жизни благоприятствовалъ онымъ, то другой менѣе къ тому былъ удобенъ, а третій и совсѣмъ несоотвѣтствовалъ успѣхамъ. Люди оставивъ свои пещеры, и тѣмъ уже сдѣлавъ одинъ шагъ къ образованности, необходимо должны были упражняться или въ звѣроловствѣ, или въ скотоводствѣ, или въ земледѣльствѣ.

По всей вѣроятности, *звѣроловство* было первымъ ихъ упражненіемъ: Главнымъ поводомъ къ нему послужила нужда защи-

щась себя отъ живошныхъ ; а когда люди узнали въ немъ и средство къ своему пропитанію , по необходимо должны были возмѣнить къ нему еще большую привязанность. Упражненіе въ звѣроловствѣ очень мало благоприятствуетъ успѣхамъ въ образованности и вообще изобрѣтеніямъ. Непостоянная и кочевая жизнь , въ которой она приучаетъ , несовмѣстна съ выгодами общежитія , а всегдашнее преслѣдованіе и умерщвленіе звѣрей дѣлаетъ человека жестокимъ и свирѣпымъ. Потому - то народы , упражнявшіеся въ звѣроловствѣ , почти всегда оставались дикими ; даже въ позднѣйшіе вѣки нѣкоторые племена Греческія , питавшіеся отъ звѣроловства , на примѣрѣ Кинеты , извѣстны были своею жестокостію. И въ наше время Американцы и южныхъ земель жили , упражняющіеся въ звѣроловствѣ , гораздо дичѣе и свирѣпѣе прочихъ. Могло спастись , что нѣкоторые изъ сихъ звѣролововъ примѣнили , что не всѣ живошныя дико и вредны , но что есть между ними и пакія , кои живутъ смиренно въ своихъ обществахъ и легко привыкаютъ къ человеку. Быть можетъ , еще сдѣлано замѣчаніе , что молоко сихъ живошныхъ служитъ пищей здоровымъ и питательнымъ. Весьма вѣроятно , что люди убѣжденные симъ , сначала постарались изловить нѣсколько ша-

кихъ живошныхъ и приучить ихъ къ себѣ, чтобы въ потребномъ случаѣ во всякое время можно было пользоваться ихъ услугами. Таковымъ долженствовало быть начало *скотоводства*. Сіе упражненіе сдѣлало людей болѣе крошечными; но еще далеко было до великихъ успѣховъ образованности и просвѣщенія. Пастухи также должны были переходить съ одного мѣста на другое и кочевать съ своими стадами; а такая жизнь равнымъ образомъ неблагопріятствуешь выгодамъ общежитія; по сей же причинѣ и народы въ скотоводствѣ упражнявшіеся, обыкновенно опскавали отъ другихъ въ просвѣщеніи, хотя они гораздо менѣе, нежели звѣроловы, были свирѣпы. Третій родъ упражненія людей есть *земледѣльство*. Оно не можетъ быть производимо, пока многіе люди несоединятъ силъ своихъ для общей работы; слѣдственно многія семейства, упражняющіяся въ земледѣліи, необходимо должны были соединиться для общаго блага. Такимъ образомъ началось общежитіе, которое потомъ смягчило нравы человѣческіе. Для успѣховъ земледѣлія потребны машины; человекъ, для облегченія полевыхъ трудовъ своихъ, долженъ былъ выдумать орудія. Положимъ, что орудія сіи были сначала весьма несовершенны; однакожъ изобрѣшеніе оныхъ было уже первымъ усиліемъ человеческого

разума, и подавало мысль къ другимъ важнѣйшимъ открытіямъ. Для сбереженія собранныхъ плодовъ, надлежало уже позаботиться о жилищѣ болѣе прочномъ, нежели какое строитъ себѣ человекъ, упражняющійся въ звѣроловствѣ или питающійся отъ спада; отсюда начало земледѣлства, древнѣйшаго изъ искусствъ человеческихъ, возникшаго можетъ быть съ первымъ началомъ образованности. Мало по малу послѣ того человекъ изобрѣталъ способы обрабатывать дерево и камень, доставать металлы, употреблять огонь, приготовлять деревянные и земляные сосуды, и такимъ образомъ постепенно достигалъ до высшаго просвѣщенія.

Умозрительными причинами почти неоспоримо доказать можно, что народы въ земледѣлствѣ упражняющіеся были изобрѣтателями всѣхъ художествъ; ибо никакой другой родъ жизни не давалъ къ тому повода, и сіе подтверждается исторією всѣхъ народовъ. Воспочныя преданія семейству Каинову приписываютъ изобрѣщеніе художествъ, а извѣстно что Каинъ былъ земледѣлецъ (*).

Египтяне начало просвѣщенія своего и изобрѣщеніе художествъ производили отъ

(*) 1 Кн. Моис. гл. 4.

Озириса, копорой былъ у нихъ первымъ наставникомъ въ земледѣльствѣ (*). И самые Греки изобрѣшеніе земледѣльства почитаютъ началомъ своего просвѣщенія.

Народы упражняющіеся въ земледѣліи скоро составили у себя деревни и города. Они спудились соединенными силами для общей пользы, и каждой членъ общества служилъ другому своимъ знаніемъ; отъ этого упражненія спали гораздо легче, и людемъ не было уже нужды все время свое спрашивать на самыя необходимыя потребности въ жизни. А какъ скоро человекъ достигнетъ до той степени образованности, копорая освобождаетъ его отъ необходимости всегдашнимъ утомительнымъ спудомъ доставать себѣ пропитаніе; тогда уже онъ приступаетъ къ изобрѣшеніямъ, кои ведутъ его къ разнымъ выгодамъ и удовольствіямъ; тогда жилище его становится пространнѣе, опрятнѣе и красивѣе; сосуды и орудія опличаются уже различными прикрасами, и хозяинъ ихъ заботится о способахъ самому себѣ придать наружность, сколь возможно приятнѣйшую. На такой степени благосостоянія и образованности находясь нѣкоторые народы острововъ Тихаго моря (**).

(*) Diod. Sic.

(**) Forsters Reisen um die Welt. T. I. — Cook's travel round the World.

Человѣкъ споящій на сей степени уже весьма близокъ къ первымъ началамъ ваянїя; при благоприятномъ случаѣ онъ немедленно дѣлаешся изобрѣшателемъ онаго.

Изобрѣтеніе живописи и ваянїя было дѣломъ случая, а не намѣренїя. Епо весьма вѣроятно; ибо и всѣ другїя изобрѣшенїя были также слѣдствїемъ случайности. Многїя происшествїя могли подать къ тому поводъ. Объяснимъ нѣкошорыми примѣрами. Сама природа часшо производитъ каменныя фигуры, а особливо изъ спалакшиша, весьма похожїя на человѣческія. Развѣ немогло спалъся, что человекъ, смѣшливѣе и проворнѣе нежели другїе, вздумалъ сдѣлать такую же спашую изъ глины? А употребленїе глины и годность ея для сего издѣлїя уже извѣстны ему были по разнымъ домашнимъ сосудамъ, кои спарѣ произведенїй ваяшельнаго художества. Опытъ его удался, и вопъ первое грубое начало ваянїя. Пошомъ начали продолжатъ съ большимъ тщанїемъ сїю работу, поправляли первое изобрѣшенїе, и мало по малу дошли до того, что научились дѣлать спашуи. Далѣе: Греки говорятъ, что дочь горшечника Дибупада очертила на стѣнѣ пѣнь своего любовника, съ копорымъ надлежало ей разлучиться,

и что она была изобрѣтательницею рисовальнаго искусства (*).

Справедливо или нѣтъ сіе показаніе; но довольно уже, что и древніе приписывали изобрѣщеніе изящныхъ художествъ единственно случаю. Весьма вѣроятно, что человекъ могла придти въ голову мысль очеркнуть на стѣнѣ углемъ или мѣломъ, или на пескѣ палкою, шѣнь своего пришея. Человекъ отъ природы получилъ склонность къ подражанію, и сія способность найдена даже у самыхъ дикихъ народовъ. И такъ можно ли отрицать, что примѣшивши сходство между живымъ лицомъ и округлостію тѣни, онъ въ шужь минуту вздумалъ сохранить ее въ почномъ изображеніи? Тѣнь исчезла, но остались черты, осталась нѣкоторое сходство, ею произведенное (**).

Искусство рисованья, сперва изобрѣщенное случаемъ, въ послѣдствіи времени усовершенствовано разсужденіемъ и опытами. Мало по малу начали проводить черты уже безъ помощи тѣни; послѣ того многократныя соображенія научили наблюдать

(*) Plin. Hist. N. XXXV. 43.

(**) Goguet, De l'origine des loix etcet. T. I. p. 339. Lafitau, Moeurs des Sauvages T. II. p. 45.

надлежащую соразмерность между частями въ рисовкѣ, и такимъ образомъ изобрѣнена пропорція. Но все искусство рисованья состояло еще не болѣе какъ въ обрисовкѣ, въ изображеніи внѣшней округлости; а до среднихъ частей человѣческаго тѣла и до различныхъ онаго членовъ дѣло еще не доходило. Подобныя изображенія находятъ на стѣнахъ ивкопторыхъ зданій въ Египтѣ.

Послѣ того начали въ грубыхъ глиняныхъ спашухъ и въ неискусныхъ обрисовкахъ опличать ивкопторыя части человѣческаго тѣла, а на послѣдокъ уже научились представлять оныя и въ дѣйствіи. Впрочемъ, или подобный выше описанному, былъ ходъ изобрѣщенія и усовершенствованія изящныхъ художествъ во времена опдаленнѣйшей древности (*).

Теперь мы должны обратить свое вниманіе на слѣдующіе при вопроса. Во первыхъ: *Какому художеству принадлежиль старшинство изобрѣщенія, ваянію или живописи?* Во вторыхъ: *Какия вещества были сперва употреблены на художественныя произведенія?* Въ третьихъ: *Перенимали ли народы живопись и ваяніе одинъ у другаго, или*

(*) Мém. de l'Acad. des Inscript. T. XIX. p. 252.

*каждой народъ изобрѣталъ для себя
онья художества?*

А. Касательно перваго вопроса, извѣстный Французскій писатель Гоге (*) вмѣшивъ съ другими думаетъ, что рисовальное искусство изобрѣнено прежде ваанія. Нѣкопторыя доказательства говорятъ въ пользу сего мнѣнія. Для изобрѣненія рисовальнаго искусства потребны были немногія орудія; означитъ на песокъ черны палкою, обвести по краямъ шѣни на стѣнѣ углемъ или мѣломъ — въ помѣ и въ другомъ не могло быть затрудненій. Особливо же если шѣнь послужила поводомъ къ изображенію человѣческаго тѣла, то, кажется, весьма легко было обвести ее черною.

Но мнѣнію сему противуполагающія слѣдующія возраженія:

1) Хотя и весьма вѣроятнымъ кажется, что крайнія черны тѣла человѣческаго были поводомъ къ изобрѣненію рисовальнаго искусства; однакожъ мнѣніе сіе не доказано несомнительными доводами. Въ исторіи изобрѣненій человѣческихъ есть многія уклоненія отъ общихъ правилъ, такъ что ходъ ихъ не можетъ быть подробно означенъ безъ досповѣрнаго показанія испо-

---

(*) Goguet T. I. p. 359.

рическихъ свидѣтельствъ. Предположенія совсѣмъ ничего неопредѣляющъ вразсужденіи порядка изобрѣшеній и послѣдованія оныхъ; жерѣдко случается намъ видѣть, что труднѣйшія вещи, вопреки мнѣнію нашему, изобрѣшены гораздо послѣ нежели тѣ, которыя менѣе трудны, и которыми надлежало бы, по нашему предположенію, сдѣлаться извѣстными во времена отдаленнѣйшія.

2) Если судить о древнихъ по нынѣшнимъ народамъ необразованнымъ, то окажется, что важнѣе могло бытъ изобрѣтено гораздо прежде рисовальнаго искусства. Почти у всѣхъ островитянъ Южнаго моря и даже у нѣкопорохъ народовъ сѣверныхъ находятъ грубыя изваянія на ихъ оружіи и на лодкахъ: Форсперъ и Кукъ видѣли на островѣ Пасхи даже колоссальныя грубыя фигуры, сдѣланныя изъ камня; но не примѣчено тамъ ниже слѣдовъ рисованья. По сему заключить должно, что важнѣе искусство въ изобрѣженіи предшествовало рисовальному. Въ самомъ дѣлѣ можно допустить грубое важнѣе, не предполагая рисованья. У насъ малыя дѣти слѣпливаютъ изъ воску разныя фигуры, не умѣя еще провести линии. Можно также подумать, что гораздо болѣе размышленія требуется для того, дабы начертить

на поверхности фигуру безъ образца, нежели сдѣлать подобіе какого нибудь живописнаго, находящагося передъ глазами. Справедливо также, что и при самомъ грубомъ началѣ въ рисовальномъ искусствѣ нужно имѣть болѣе опытности въ глазѣмъ и ловкости въ рукѣ, нежели при первомъ подражаніи въ слѣпкѣ фигуры.

И такъ вѣроятно, что древніе народы могли уже имѣть у себя искусство ваятельное, еще не зная рисовальнаго. Впрочемъ ничего достовернаго сказать о томъ не можно; ибо и въ изобрѣшеніи художествъ, равно какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, могло случиться, что ходъ дѣла воспріимъ начало свое отъ того, что для насъ кажется труднымъ.

В. Что касается до втораго вопроса; то умозрительными заключеніями доказать не трудно возможность первоначальнаго употребленія веществъ мягкихъ и удобныхъ къ обработанію; отъ которыхъ послѣ уже сдѣланъ переходъ къ веществамъ твердымъ и крѣпкимъ (*).

Но опять иное дѣло предполагать, а иное сказать утвердительно, что таковыя

(*) Goguet *ibid.*

точно былъ ходъ ваятельнаго художества, и что у всѣхъ народовъ онъ былъ одинаковъ. Принимая возможность упомянушаго предположенія, надлежало бы заключить, что сперва употреблена была глина, потомъ камни; на послѣдокъ металлы; но исторія свидѣтельствуемъ, что художество и здѣсь неслѣдовало общимъ правиламъ; и что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ оно шествовало не по тому направлению; какое даетъ ему умозрипельный философъ. У нѣкоторыхъ древнихъ народовъ находимъ свидѣнїе о художественныхъ издѣлїяхъ изъ вещества твердаго и о ваянїи въ такое время, въ которое со всѣмъ неупоминается объ издѣлїяхъ изъ вещества мягкаго. Египтяне въ Моисеево время умѣли уже дѣлать статуи боговъ своихъ изъ серебра и золота. Гомеръ упоминаетъ о бронзовыхъ и золотыхъ изваянїяхъ, представляющихъ людей и животныхъ. Въ чертогахъ Вулкана находились золотыя дѣвы, служившія сему богу (*). Золотые и серебряные псы стояли передъ домомъ Алкиноевымъ (**). Ахиллесовъ щитъ сдѣланъ былъ Вулканомъ изъ мѣди и украшенъ выпуклыми изображенїями (***). По

(*) *Iliad.* Σ. 417.

(**) *Odys.* Н. 91.

(***) *Iliad.* Σ. 490 seqq.

симъ описаніямъ необходимо заключить должно, что Гомеръ гдѣ нибудь видѣлъ подобныя изваянія, и что слѣдственно въ его время употребленіе металловъ на художественныя издѣлія было многимъ извѣстно. Но сей же самой пѣснопѣвецъ, описывающій различныя художественныя произведенія изъ мѣди, совсѣмъ не говоритъ ни о камнѣ, ни о другомъ веществѣ не столь твердомъ какъ металлы. Развѣ только въ опеченствѣ его художество сдѣлало необыкновенной скачокъ въ своемъ ходѣ? развѣ прежде начали въ немъ употреблять вещества жрѣпкія, а потомъ мягкія? или можетъ быть Гомеръ незахопѣлъ украсить черпуги своихъ героевъ каменными спашуями? Но если опречемся повѣрить Гомеру, по другія обстоятельства насъ достопочино удостовѣряютъ, что обработаніе металлическихъ спашуй у Грековъ доведено было до совершенства, прежде нежели сдѣланы подобныя успѣхи въ обработаніи камня на шѣ же самыя произведенія. Въ Греціи были уже бронзовыя спашуи тогда, какъ изъ мрамора не умѣли еще шамъ сдѣлать ничего хорошаго. Въ Амиклѣ находилось древнѣйшее изображеніе Аполлона вышиною въ 30 локшей, сдѣланное изъ бронзы (*). Столь великіе успѣхи въ искусствѣ лишь или ко-

---

(*) Pausan. III. 18. 19.

вать мѣ, относяся въ тому времени, когда едва ли было слышно о большихъ каменныхъ изваяніяхъ. Можно бы возразить, что до ваянїя изъ металловъ надлежало уже быть извѣстнымъ употребленію глины на художественныя издѣлія, ибо изъ глины должно было приготовлять формы для металлическихъ изваяній; но мы знаемъ, что древнїя металлическія издѣлія не оплавивались, а были кованы молотомъ (*).

Кажется, многое зависѣло отъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Въ странахъ изобилующихъ глинистою землею вещественно сіе прежде другихъ употреблено было на художественныя издѣлія; гдѣ много крѣпкихъ камней, тамъ изъ нихъ прежде были дѣланы и изваянїя; а у народовъ, которые очень рано научились плавить металлы, вѣроятно прежде появились металлическія статуи. Въ окрестностяхъ Вавилона всеѣмъ нѣтъ камней, а есть множество глины отличной доброты; по сему и не удивительно, что восточныя опдаленнѣйшихъ временъ преданїя упоминають о глиняныхъ изваяніяхъ. Египетъ изобилуетъ крѣпкими камнями; сему обстоятельству приписать должно, что Египтяне были весьма искусны въ обдѣлыванїи глыбъ каменныхъ. Греки, а особливо жители шор-

(*) Iliad. г. 490.

говыхъ городовъ приморскихъ, по видимому, очень рано научились у Финикянъ обрабатывать мешаллы; симъ объясняется, почему находимъ у Грековъ древнѣйшя мешаллическя изваяня.

С. Обратимся теперь къ прешьему вопросу. Народъ, у котораго процвѣтали художества, могъ получить ихъ двумя только способами: или *изобрѣсть* оныя, или *перенять* у другихъ. По мнѣнью древнихъ и новыхъ, каждой народъ получаетъ художества отъ другихъ. Самые даже Греки признавались, что они просвѣщеніемъ своимъ и искусствами обязаны Египтянамъ (*). Но мнѣнью сему противурѣчатъ многіе примѣры и доказательства, весьма немаловажныя.

Ибо во первыхъ: какъ согласишь съ онымъ показаніемъ путешественниковъ, находившихъ слѣды рисовальнаго искусства и ваянія у такихъ народовъ, которые съ другими просвѣщеннѣйшими никогда не имѣли никакихъ сношеній? Испанцы, по прибытіи своемъ въ Америку, нашли тамъ свѣдѣнія объ упомянутыхъ искусствахъ; Перуанцы имѣли уже мешаллическя изваяня идоловъ, а у Мексиканцовъ завоевателей

(*) Herodot. II. 4:

Кортецъ нашелъ разныя нарисованныя фигуры. Путешественники, открывшіе острова Южнаго моря, у живущихъ тамъ народовъ почти вездѣ находили слѣды ваятельнаго художества. У кого же народы сіи могли онымъ научиться?

Во вѣсѣхъ: Исторія древняя и новая свидѣтельствуетъ, что каждой народъ, выходя изъ состоянія первобытной дикости; всегда начиналъ свое просвѣщеніе самыми грубыми открытіями; что сперва старался онъ объ удовлетвореніи необходимымъ своимъ нуждамъ, а потомъ уже изобрѣталъ вещи, служащія для выгодъ и удовольствія въ жизни. У всѣхъ народовъ и во всемъ пачковъ былъ ходъ разума человѣческаго; не уже ли въ однихъ только художествахъ надлежало ему уклониться отъ общаго порядка? Нѣтъ, напротивъ того очень вѣроятно, что и вразсужденіи художествъ каждой народъ шествовалъ по обыкновенной дорогѣ; что и въ семъ случаѣ первыя изобрѣшенія его были грубы и весьма недоспѣчны; что они мало по малу приводимы были въ лучшее состояніе; что изъ опытовъ извлекаемы были правила искусства, и что наконецъ сіи правила служили руководствомъ къ постепенному усовершенствованію оныхъ. Повторяю: весьма вѣроятно, что художества рисовальное и ваятельное

не отъ одного народа перешли ко всѣмъ прочимъ, но что каждой народъ при соединеніи своемъ въ общество могъ самъ изобрѣсти начала оныхъ, хотя впрочемъ грубыя и весьма несовершенныя.

Въ прешьихъ: ежели художества изобрѣтены были однимъ народомъ и отъ него уже переданы всѣмъ прочимъ; по сія передача долженствовала бытъ не иначе какъ или немедленно по изобрѣтеніи, или спустя довольное время. Первому предположенію шрудно повѣришь: ибо въ древнія времена сообщеніе между народами не столь удобное было и не такъ частое какъ нынѣ; слѣдовательно народъ не могъ пошчасъ давать другому свѣдѣніе о своемъ изобрѣтеніи, какъ по случается въ наше время. И такъ въроянѣйшею кажется другая мысль, что изобрѣтеныя художества могли бытъ переданы другому народу уже по прошествіи довольноаго времени. Но и шущь опять представить себѣ надобно, что въ продолженіе времени между изобрѣтеніемъ какого либо художества и передачею онаго другому народу долженствовали произойти перемѣны, и что слѣдовало бы художеству бытъ принятымъ не въ первоначальной грубости его, но уже въ лучшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ. Отъ чего же у каждого народа замѣчаются слѣды грубѣйшихъ на-

чалъ рисовальнаго и ваятельнаго художествъ? Народъ получая отъ другаго какое либо изобрѣшеніе, пакъ сказать перепрыгиваетъ первые грубые опыты, и подражаетъ только тому, что возведено уже на высшую степень совершенства. Такъ поступали новѣйшіе народы, къ которымъ ваятельное и живописное искусства перешли отъ Италіянцовъ. Они не подражали грубымъ опытамъ среднихъ вѣковъ, но вдругъ начали учиться по образцамъ великихъ художниковъ. У древнихъ народовъ видимъ совсѣмъ поному прошивное. Всѣ они шествовали по обыкновенной дорогѣ, и отъ первыхъ грубѣйшихъ опытовъ стремились къ совершенству. Когда еще Греки находились въ первобытномъ состояніи невѣжества, тогда Египтяне имѣли уже чудесныя произведенія художествъ. У нихъ были уже колоссы иobelisks въ то время, когда въ Греціи никто еще и воображать не могъ о художествахъ. Между тѣмъ извѣстно, что Греки, лишь только ощутили въ себѣ стремленіе къ художествамъ, сперва начали дѣлать опыты грубые и безобразные, и не скоро достигли до совершенства. Нѣтъ сомнѣнія, что они не выбрали бы для себя дороги столь далекой и трудной, если бы художества перешли къ нимъ отъ Египтянъ, какъ утверждали сіи послѣдніе.

Сими замѣчаніями доказывается, что мнѣніе о передачѣ художествъ отъ одного народа всѣмъ прочимъ не только подвержено сомнѣнію, но что напротивъ того все служило въ опроверженію онаго; оно не соотвѣтствуетъ исторіи успѣховъ разума человеческого и всѣхъ изобрѣненій; оно противурѣчитъ историческимъ свидѣтельствамъ о ходѣ искусствъ у всѣхъ народовъ, намъ извѣстныхъ. Напротивъ того весьма вѣроятно, что каждой народъ изобрѣшалъ для себя свои искусства. Сіе мнѣніе сообразно со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о ходѣ разума человеческого; оно объясняетъ причины, почему каждой народъ начиналъ грубыми опытами; оно подтверждается примѣрами нынѣшнихъ дикихъ народовъ.

Древнѣйшія изваянія незаслуживаютъ имени художественныхъ произведеній; еще менѣе прилично имъ названіе произведеній изящнаго искусства. Они суть не иное что какъ грубые опыты, которыми начинались искусства, и отъ которыхъ въ послѣдствіи времени, послѣ многихъ соображеній и поправокъ, доводимы были до совершенства. Изящныя художественныя произведенія появились уже въ то время, когда составлены были нѣкоторыя правила о ваяніи и рисовальномъ искусствѣ, и когда художники начали работать по онымъ С.

Объ Испаніи подъ правленіемъ Римскихъ Императоровъ.

Всѣ историки оплакивали несчастія, разлитыя по вселенной господствомъ Римской республики, когда она достигла до высочайшей степени своего могущества; самые Римляне ужасными красками изображали грабительства Верресовъ, Саллустіевъ и другихъ проконсуловъ и правителей; но тѣ же историки, доведши повѣствованіе свое до эпохи, въ которую сошворенная Августомъ монархія непримѣнно заняла мѣсто Римской республики, перестаютъ говорить о неизмѣримыхъ провинціяхъ Имперіи, и единственно рассказываютъ намъ о происшествіяхъ двора и столицы; они упоминаютъ о Сиріи, объ Испаніи, о Британіи тогда только, когда страны сіи бывали позорищемъ или непріятельскаго набѣга, или мятежа, или какого либо другаго происшествія военнаго; ходъ и успѣхи образованности, благоденствіе или несчастное положеніе народовъ побѣжденных, внутреннее управленіе, законодательство, наконецъ все по чѣло клонится въ нравственному и гражданскому состоянію провинцій или совсѣмъ забыто, или показано слегка, мимоходомъ, въ короткихъ словахъ, очень недостаточныхъ для удовлетворенія нашему любопытству.

Ошпуда необходимо слѣдуетъ, что чело-
вѣкъ, желающій почерпнуть изъ самыхъ
испочниковъ историческїя свѣдѣнїя о Рим-
ской имперїи и для того читающій Цице-
роновы Рѣчи противъ Верреса и Тацитовы
Лѣтописи, долженъ подумашь, что система
грабительства, усилившаяся въ послѣдней
вѣкѣ республики, и при императорахъ бы-
ла поддерживаема всѣми жестокостями, ка-
кія только могли выдуманы быть Нерона-
ми и Тиберїями. Сей испытатель исторїи
самъ себя спроситъ: какимъ же образомъ
Римская имперїя могла сохранить внушрен-
нюю тишину свою въ продолженіе сполѣ-
тїи? какъ могло спасться, что не воз-
никли новые Серпторїи и Мишридашы, и
что междоусобныя брани не разрушили се-
го огромнаго зданїя?

Отвѣтомъ на оныя вопросы должна слу-
житъ слѣдующая истина: Римскїя провин-
ціи, а особливо Галлїя и Испанїя, были го-
раздо счастливѣе при императорахъ, не-
жели во времена республики; подѣ правле-
ніемъ даже самымъ пагубнѣйшимъ для сто-
лицы, благосостояніе отдаленныхъ про-
винцій часъ отъ часу болѣе возрастало.

Въ Испанїи, до покоренїя оной Римля-
нами, земледѣльство находилось въ та-
комъ небреженїи, что Страбонъ упоми-

назвѣ о Капшабрахѣ, Галичанахѣ и Лузитанахѣ, какъ о полудикихъ народахъ; напрошивъ того во время Плинія страна сія имѣла видъ совсѣмъ уже отличной отъ прежняго, и самъ Плиній говоритъ о ней слѣдующее: „Въ Испаніи нѣтъ ни одного уголка земли невоздѣланнаго, ни одного произведенія, которое было бы бесполезно.“ Прочное установленіе правительствъ и прекращеніе войны междоусобной послужили къ распространенію земледѣлства. Марціалъ, живучи въ пышной столицѣ, жалѣлъ о своихъ поляхъ Испанскихъ и описывалъ ихъ пѣвнѣйшими красками въ своихъ стихотвореніяхъ. Виноградъ и оливковое дерево, почти незнаемыя въ Испаніи, разводимы были съ такимъ успѣхомъ, что спустя нѣсколько времени вино Тарраганское спавилось на равнѣ съ Фалерскимъ, и масло выжимаемое въ Бещиѣ неуступало Аппическому. Смоквы до того размножились, что хозяева бросали ихъ въ пруды на кормъ рыбамъ. Ленъ, чрезвычайно тонкой и бѣлой, употребляемъ былъ на полотна, которыми щеголяли богатѣйшіе и самые роскошные Римляне. Испанскія овцы, нынѣ шакъ называемыя *мериносы*, были тогда уже извѣстны; число ихъ, по видимому, не равнялось нынѣшнему, но онѣ давали волну превосходнѣйшей доброты; Римляне съ во-

споргомъ говорили о златорунныхъ овцахъ Бешики. Червецъ и другія произведенія, вывозимыя изъ Испаніи, употребляемы были спольже выгодно какъ и нынѣ; но многія отрасли торговли, въ древнія времена процвѣтавшія, теперь или увяли, или совсѣмъ засохли. Южная и восточная Испанія, въ которую нынѣ привозятъ изъ другихъ мѣстъ преску, въ старину опускала въ Римъ большое количество морской и рѣчной рыбы. Горы, нынѣ опустѣвшія, тогда оживлялись работою множества рудокоповъ и кузнецовъ: одни извлекали изъ утробы земной желѣзо и мѣдь превосходнѣйшей доброты; другіе дѣлали щажныя полосы, которыя тогда славились въ цѣломъ свѣтѣ.

Странѣ, въ которой такъ процвѣтала промышленность, необходимо надлежало обогатиться. Испанцы, равно какъ и Галлы, извѣстны были въ Римъ своею распочтенностью. Торговля Кадикса, или Гаде-са, простиралась недалѣе острововъ Британскихъ и береговъ Средиземнаго моря; однакожъ она, вѣроятно, была изобильнѣе нежели во времена позднѣйшія, хотя тогда не плавали корабли съ серебромъ и золотомъ изъ Америки. Въ одномъ Кадиксѣ считалось болѣе пятисотъ человѣкъ рыцарей, то есть такъихъ жителей, которые имѣли болѣе 400,000 сестерціевъ.

Надинскія панцовщицы восхищали Римлянъ своими выразишельными плясками. Склонность къ изящнымъ художествамъ, къ забавамъ и удовольствіямъ господствовала во всѣхъ городахъ Испаніи. Сколько развалинъ, театровъ и цирковъ! сколько нѣмыхъ свидѣтелей прежней роскоши!

Но благороднѣйшіе памятники свидѣтельствуютъ объ удивительныхъ успѣхахъ древнихъ Испанцовъ въ Латинской словесности. Еще не прошло столѣтія по завоеваніи Испаніи Римлянами, и уже Испанцы имѣли голосъ на Парнассѣ Римскомъ; уже давали направленіе господствующему вкусу. Забытъ Virgilій для Лукана, Цицеронъ для Сенеки; Марціалъ оспроуміемъ своимъ восхищаль столицу мѣра, а Квинтиліанъ предписывалъ жителямъ ея правила вкуса; однимъ словомъ, панъ называемый *серебряный вѣкъ* Латинской словесности гораздо приличнѣе достоинъ именоваться *вѣкомъ Испано-Римскимъ*; ибо ежели знаменитѣйшіе сего времени писатели были природные Испанцы, то безъ всякаго сомнѣнія Римъ былъ сборнымъ мѣстомъ другихъ вѣрокладныхъ сочинителей и многихъ оспроумцовъ Испанскихъ, коихъ имена намъ неизвѣстны. Нѣкоторые стихи Марціаловы доказываютъ, что находившіеся въ Римѣ Испанцы жили согласно между собою

и одинъ другаго поддерживали. Испанской вкусъ одержалъ перхъ надъ вкусомъ природныхъ жипелей Ишаліи; иначе пому и спашься было неможно; ибо хопя первые заслуживающъ порицаніе за свою надупощь, за принужденность, за напьяжку, за усиля щеголять эпиграмматическимъ оспроуміемъ; не смотря на то сїи недоспашки гораздо сноснѣ избѣженнаго вкуса Спаціева и Неронова, или холодной исправности Силіевой. Даже Плиній и Тацитъ, хопя впрочемъ не однородцы Сенеки и Лукана, кажешся, увлечены попокомъ новаго вкуса, введеннаго въ Римъ Испанцами, и обоихъ сихъ знаменишыхъ писашелей, по дарованіямъ ихъ и по недоспашкамъ, смѣло причислять должно къ Испанской школѣ.

Споль блиспашельные успѣхи просвѣщенія Испанцевъ, полика дѣяшельность во всѣхъ родахъ промышленности, по большей части были слѣдствіемъ господства Римскаго. Великая Имперія, наково бы ни было ея внутреннее успройство, во всякое время предспавляетъ обширныя и свободныя поприща для разума и дарованій. Многоразличныя сношенія, всегдашнее дѣйствіе умовъ, несходство климатовъ, обласпей и способовъ къ пропитанію, обширность плановъ и распоряженій, множество выгодъ, все споспѣшешвуетъ къ возбужденію духа

промышленности, къ ободренію людей пред-
 пріимчивыхъ , къ приведенію въ дѣйствіе
 нравственныхъ силъ природы человѣческой.
 Новѣйшіе сочинители описываютъ Римъ,
 подъ правленіемъ Цезарей находившійся, го-
 родомъ развращеннымъ , униженнымъ , упи-
 танымъ кровію и слезами человѣческаго
 рода ; но древніе почитали Римскую сто-
 лицу общею матерью всей Имперіи. Римъ
 соединилъ всѣ народы подъ благошворными
 своими законами ; многимъ народамъ даро-
 валъ онъ единое общее опечество. Спраны,
 имъ покоренныя , отъ него получили свое
 счастье ; иго его благо и спасительно ; го-
 сподство его надъ мѣромъ есть торжество
 просвѣщенія. Такъ думали и говорили со-
 временники. Незнаю , имѣемъ ли мы право
 риторскимъ велерѣчіемъ гремѣть проптиву
 мнимаго прищѣсенія , подъ бременемъ ко-
 его будто бы изнемогали народы , какъ по-
 вѣствуютъ наши сочинители всеобщихъ
 испорцій. Очень жаль , что знаменитый
 Моншескій въ превосходномъ своемъ , хотя
 впрочемъ весьма неполномъ и невѣрномъ со-
 чиненіи о причинахъ величія и упадка Ри-
 мянъ , не посвятилъ нѣсколько страницъ
 на безпристрастное показаніе всѣхъ благъ,
 за которыя Европа должна благодарить
 Римское господство , и тѣхъ счастливыхъ
 слѣдствій для всего рода человѣческаго, кои
 могли бы произойти отъ непрерывнаго

царствованія государей, подобныхъ незабвенному Траяну.

Сія спашья переведена изъ одного Французскаго журнала, въ которомъ разсматривается новая Исторія Испаніи, сочиненная Деппингомъ. Она будетъ состоять изъ четырехъ томовъ; о двухъ вышедшихъ уже въ свѣтъ Парижскіе журналисты говорятъ очень выгодно. К.

III. К Р И Т И К А.

На новыя догадки о старинной монетѣ.

Слѣдующія замѣчанія на спашью, помѣщенную въ 8 номеръ Вѣспника Европы; никогда бы не были написаны, ежелибъ г. Сочинитель оной не объявилъ на сіе общественаго соизволенія.

Хопище ли знаешь, какъ онъ доказываетъ, что монета у него хранящаяся сдѣлана при Владиміръ Великомъ. „Первое: что на ней

изображенъ крестъ, на особомъ подножій *утвержденный*, а Владиміръ, какъ извѣстно, *утвердилъ* въ Россіи Хрістіанскую вѣру.“ Благодаря столь важному открытію, мы будемъ помнить, что всѣ монеты съ изображеніемъ утвержденныхъ крестовъ относятся къ Государямъ, утвердившимъ Хрістіанскую вѣру. Второе: „крестъ и почки по обимъ сторонамъ его стояція знаменуютъ, можетъ быть, при главнѣйшія добродѣтели: Вѣру; Надежду и Любовь. „У меня есть монета, на которой изображенныя семь почекъ вѣроятно означаютъ семь смертныхъ грѣховъ. На гривенникахъ Петра I представлено ихъ 10. Думаю должно, что подъ симъ скрываются десять заповѣдей, данныхъ Моисею. И притѣ: „на оборотѣ монеты буква В знаменуетъ имя его Владиміръ или Василій; какъ онъ нареченъ былъ во св. крещеніи.“ Последнее открытіе столь важно, что надлежалобъ попытаться; не гораздо ли древнѣе сія монета; и не должно ли ее относить къ Вавилонскому идолу Ваалу; копорого имя также начинается съ буквы В?

Предоставляя такое глубокое изслѣдованіе записнымъ антикваріямъ, которые столь же легко могутъ доказать, что монета сія принадлежитъ къ Ассирійскимъ какъ и къ Русскимъ, дозволимъ себѣ сказать, что

нашедши такую рѣдкость нужно бы хорошенько разсмотрѣвъ ее, а потомъ уже дать о ней судъ свой просвѣщеннымъ читателямъ. Можетъ быть при сей оспорожности не было бы нужды вызывать другихъ, чѣобы доказывали *безосновательную* догадку пространѣе и *основательные*. Я желалъ бы, чѣобъ будущіе изслѣдователи древности сей монеты соблаговолили справиться съ извѣстнымъ сочиненіемъ г-на Вакселя о памятникахъ древности, найденныхъ на берегахъ Чернаго моря, въ которомъ сочиненіи на 13 таблицъ они увидятъ мнимую Владимірову монету и еще чешыре, по изображеніямъ креста и буквы В весьма съ нею сходныя, которыя всѣ однако же, вопреки *неосновательнымъ* догадкамъ Сочинителя, можно *основательно* признать Генуезскими, а не Русскими.

— *вѣдь.*

IV. С М Ъ С Ъ.

О женщинахъ (*).

Въ обществѣ г-жи Добромысловой были при или чепыре женщины, пять или шесть мужчинъ. На столѣ лежала одна книжка *Вѣстника Европы*. Всемила (приятельница Добромысловой), развернувъ книжку сію, прочла въ слухъ прекрасную рѣчь (**), говоренную въ бесѣдѣ женщинъ. Всѣ хвалили мысли и слогъ сочинителя, всѣ желали вмѣстѣ съ нимъ размноженія женщинъ — любительницъ наукъ и искусствъ. Разговоръ сдѣлался живѣе; похвала женщинамъ гремѣла во всѣхъ углахъ. Но одинъ Ипполитъ молчалъ и насмѣшливо улыбался. Г-жа Добромыслова, обращаясь къ нему, требовала его мнѣнія. „Я не умѣю льстить, сказалъ Ипполитъ; просрите моей опроверженности. Было время (продолжалъ онъ), въ которое и я считалъ женщинъ Ангелами, сотворенными Богомъ на украшеніе міра сего — сущесвами благими, услаж-

(*) Изъ *Первыхъ опытовъ въ прозѣ* соч. К. Пучковой.

(**) Г-на Воейкова. Смолри *Вѣстникъ Европы* No 4, 1810 г.

дающими скорби наши, утѣшающими насъ въ бѣдствіяхъ печальной жизни сей. Женщины сотворили, сію прелестную мечту моего воображенія, онѣ же и разрушили ее. Ахъ! кто хорошо знаетъ ихъ, тотъ не повѣритъ, что мы счастливы единственно ими; что безъ нихъ былибъ мы люпые звѣри, варвары. Нѣтъ! ежели порочны мужчины, то ещо опѣ того, что женщины управляютъ ими. Всякая дѣвушка, мечтающая о замужствѣ, думаетъ ли бытъ отрадою семейства своего, жить для одного супруга? Нѣтъ! каждая желаетъ супружества выше своего соспоанія. — Для чего? Для выгодъ, для большей удобности наслаждаться свѣтскими удовольствіями. Женщины, налагая на себя священныя обязанности супруговъ, рѣдко совѣщаются съ сердцемъ своимъ; корысполюбіе и щеславіе вводятъ ихъ во храмъ Гименя. Напрошивъ, молодой человекъ заключаетъ узы брака, почти всегда не спросясь разсудка, по приказанію сердца; и отъ сего-то происходятъ всѣ наши бѣдствія. Женщины любятъ только себя и для себя.... Всѣ онѣ неперпблнвы, нескромны, излишне любопытны... могутъ ли онѣ бытъ наставницами въ твердости духа, въ любви къ Отечеству, въ безпристрастіи? Простите спросности моего выраженія. Даже могутъ ли онѣ образоватъ вкусъ? — Женщины

припворно чувствительныя, мнимо нѣжныя, вездѣ пребующѣ вздоховѣ и слезѣ, пыльныхъ спраспей, чрезвычайностей. Отъ чего древнѣе такѣ ясны и просты? Отъ того, что желали нравиться людямъ разсудительнымъ, а не пристрастнымъ женщинамъ. Всѣ театральныя представленія ихъ дышатѣ любовію къ добродѣтели и опечеству; а наши украшаются любовію къ женщинамъ. И что такое (прибавилъ онъ) ученая женщина, философка, женщина со вкусомъ? чѣмъ разнятся онѣ отъ обыкновенныхъ женщинъ? Сіи просты, скучны и сварливы; а другія припворны, хитры и мстительны! Вотъ плоды просвѣщенія!“

Мушчины въ изумленіи смотрѣли другъ на друга, — на женщинъ и на грубіяна, который говорилъ женщинамъ то, что думалъ о нихъ. Женщины также взорами просили одна другую о защитѣ.

Всемила исполнила общее желаніе; со свойственною ей крепостію и веселостію она спросила строгаго судію надъ прекраснымъ поломъ: „Для блага рода человеческого какихъ болѣе должно желать супруговъ и матерей, умныхъ, или глупыхъ?“ Не слишкомъ глупыхъ и не очень ученыхъ, ошвѣчалъ Ипполитъ.

„Простите дерзость мою, господинъ ненавистникъ женскаго пола! сказала Всемила. Я хотя имѣю весьма ограниченныя познанія въ словесности, однако совсѣмъ не участвую въ хиспросняхъ шѣхъ женщинъ, которыя (по признанію вашему) такъ сильно огорчили васъ, и не будучи ни философкою, ни ученою, даже не имѣя славы называться женщиною со вкусомъ, смѣю однакожъ замѣтить, что разсудокъ и просвѣщеніе равно нужны какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Вы сами изволили сказать, что женщины управляютъ мужчинами; а извѣстно, что легче и приятнѣе повиноваться людямъ просвѣщеннымъ, нежели невѣждамъ. Вы, сударь, такъ опроверженно изъяснили намъ мысли ваши; я хочу заплакать вамъ шѣмъ же.

„Человѣкъ получаетъ жизнь и первое воспитаніе отъ женщины. Посмотрите на мать въ цвѣтѣ юности послѣ тяжкихъ трудовъ и заботъ домашнихъ: время, опредѣленное на успокоеніе, ночь, она проводитъ безъ сна надъ колыбелью сына своего; ей кажется, что онъ нездоровъ, потому что лишній разъ попянулся, заплакалъ. Между шѣмъ отецъ покоится въ обаяніяхъ сладкаго сна. — Человѣкъ, выходя изъ младенчества, вступаетъ въ юношескія лѣта; къ кому стремятся мысли его?

кто образуетъ ихъ? кто заставляеиъ человека чувствовать, что онъ человекъ? привлекаеиъ къ жизни, наущаетъ цѣнить ее, наслаждаться ею? кто? Женщины. Спарецъ, наскуча заботами, суетами и за-
 бавами свѣта, опягченный болѣзнями души и тѣла, гдѣ ищетеиъ отрады, помощи и утѣшенія? У добродушныхъ женщинъ. Кто помогаетъ ему? печетеиъ о немъ? Женщины. Слѣдственно женщины покровительницы, наставницы, непремѣнныя со-
 путницы ваши во всякое время, во всѣхъ обстоятельствеихъ, во всякомъ возрастѣ жизни вашей. Слѣдственно женщины поч-
 то чувствительны и нѣжны, а не пришворно-чувствительны, не мнимо-нѣжны; отъ того-то онѣ и въ словесности любяиъ вздохи и слезы, потому что главная добродѣтель ихъ есть состраданіе. Женщина, украшенная добродушіемъ, терпѣніемъ и кротостію, есть божество въ видѣ человека!“ Но, вскричалъ гнѣ Доброиравовъ: женщина злая и своенравная — *Фурія!*

„Я согласна съ вами, продолжала Всемила; если женщина не одарена снисхожденіемъ, привлекательностію, милою привѣтливостію, кѣпорья щакъ свойственны самымъ некрасивымъ и ограниченнымъ женщинамъ; если женщина горда, слишкомъ принужденна и пришворна, или ежели она

своенравна, нахальна и насмѣшлива; но не только пакѣ женщины несносны въ жизни домашней, но пятоспсны и въ большихъ обществахъ и въ бесѣдахъ приятельскихъ. Такія женщины не одушевляютъ лиры стихотворца и кисти живописца, не спанутъ отъ искренняго сердца плакать при чпнѣи вымышленныхъ несчастій. Мудрецы говорятъ: самая умная женщина — умной ребенокъ; но какой доброй чловѣкъ не любитъ милыхъ дѣшей!

„Вы упрекаете женщинъ корыстлюбѣмъ и щеславѣмъ; но еще неизвѣстно, что корыстлюбивѣе и щеславивѣе, женщины или мужчины. Вы говорите: мужчины отъ того порочны, что женщины управляютъ ими. Не уже ли женщины рождаются порочными, а мужчины добродѣтельными? Вы ешаго ничѣмъ доказать не можете. Природа, какъ нѣжная мать, всѣхъ равно надѣляетъ своими дарами. Мужчины лучше насъ пользующся ими; виноваты ли вы въ томъ? Ихъ направляютъ въ твердости духа, въ терпѣннѣи; разумъ ихъ стараются обогащать познаніями. А у насъ опнимаютъ всѣ способы къ приобриженію свѣдѣннѣи; можно сказать, что съ первою каплею молока поселяютъ въ насъ обо всемъ ложныя понятія и прищворство. Но не смотря на все ешо, сколько перпбли-

выхъ, искреннихъ, благоразумныхъ женщинъ? сколько мы видимъ браковъ, заключенныхъ родительскимъ корысполубіемъ и гордостію, и покорныхъ дочерей, вовлеченныхъ въ ненавистный для нихъ союзъ, терпѣливо сносящихъ участь свою и дѣлающихъ счастливыми своихъ супруговъ? Впрочемъ я не спорю съ вами, что почти всякая дѣвушка желаетъ супружества выше своего состоянія; но доказываетъ ли это особенное женское тщеславіе? Вините природу, для чего посѣяла она самолюбіе въ сердцахъ человѣческихъ. Всѣмъ намъ кажется, что мы достойны лучшей участи; что судьба несправедлива противъ насъ: словомъ, всякой человѣкъ желаетъ перемѣнить свое состояніе и даже самое лучшее на лучшее. Но осмѣлитесь ли утверждать, что вы въ любви и дружбѣ, постоянствѣ женщинъ? Напрасно вы зовете насъ хитрыми и притворными; въ сѣбѣ искусствомъ мы прибѣгаемъ противъ воли нашей; рабы и люди угнѣтенные по неволѣ дѣлаются хитрецами и притворщиками. Будьте сами честнѣе и справедливѣе. Повѣрьте, что сердца женщинъ также способны любить всѣ добродѣтели, какъ и мужскія. Въ древнемъ Римѣ женщины обожали опечеснво свое, гордились именемъ Римлянки. Въ Греціи Спартанки славились мужествомъ и твердостію. Мужчины разсудитель-

нѣ женщины. Но не прогнѣвайтесь господа, женщины не глупѣ мужчинѣ. Мы имѣемъ вкусъ разборчивѣ, чувствуемъ нѣжные вашихъ, и симъ обязаны одной природѣ. Съ женщинами какъ съ дѣтьми должно умѣнь обходиться, забавлять ихъ; онѣ какъ дѣти; но любятъ васъ всѣмъ сердцемъ, и вы можете дѣлать изъ нихъ все, что вамъ угодно.“

Здѣсь сказали, что готовъ ужинѣ. Суровой Ипполитѣ, улыбаясь, подалъ руку Всемилю и просилъ извинить его въ нѣсколько скорыхъ и спрогихъ сужденіяхъ. Всемила, смѣясь, совѣтовала ему чаще ужинать съ женщинами, увѣряя его, что отъ того онъ будетъ къ нимъ милосивѣе и проведетъ жизнь свою гораздо приятнѣе.

~~~~~

Задача для рѣшенія (*).

Ироническая пѣсня *О полку Игоревѣ* — драгоцѣнный опрысокъ древней Русской по-

---

(*) Предложенная въ засѣданіи *Общества любителей Россійской словесности* 4го числа текущаго Мая. Здѣсь помѣщается она отъ начала до конца, для того чтобы читатели, а особливо принимающіе участіе

езіи, любопытный для испорика по многимъ происшествіямъ, въ немъ изображеннымъ, о которыхъ ни слова не говорятъ Русскія лѣтописи, важный для любителя опечесшвенной лишперашуры по своему слогу, по своимъ красотамъ пѣшеческимъ — сія пѣснь, говорю, скоро послѣ своего появленія произвела сомнѣніе въ ученыхъ людяхъ: они не могли увѣришь себя, что поема сія принадлежитъ XII вѣку, когда сравнивали тогдашнее варварство и невѣжество съ пѣмъ высокими мыслями, съ пѣмъ возвышенными чувствами и краснорѣчивыми выраженіями, которыхъ отличаютъ ее отъ Русскихъ лѣтописей простыхъ и неукрашенныхъ. — Но ежели мы соглашаемся, что поэзія у всѣхъ народовъ предшествовала учености и философіи; то почему же намъ не вѣришь, взявши въ примѣръ Гомера и Оссіана, что теній, подобно сѣверному сіянію, являюща во мракѣ ночи? Неправильныя каршины,

---

въ трудахъ Общества, могли видѣть планъ и намѣреніе задачи. Впрочемъ главная мысль ея заключается въ слѣдующемъ: *На какомъ языкѣ писана Пѣснь о походѣ Игоря противъ Половцовъ, на древнежъ ли Славянскомъ; существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ священнаго писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчьи? — Изд.*

изображенныя яркими и живыми красками, смѣлыя фигуры, частыя подобія, наконецъ — простота, приличная Русскимъ пѣснямъ и вкупу величїе, свойственное высокой поэзіи — все показываетъ духъ необразованнаго вкуса, все представляетъ быстрое паренїе генія, неудерживаемое правилами изящнаго вкуса, генія, копорый, такъ сказать, не хотѣлъ заключить себя въ предѣлахъ возможнаго. Справедливо, что слѣпая увѣренность есть мать заблужденій, и что сомнѣнїе приводитъ насъ къ открытію истины; но какую услугу оказали намъ ученые, которые утверждаютъ, что Иліада не Гомерово шворенїе, а собранїе народныхъ пѣсень — *Rhapsodi*, которыя пѣвали въ домахъ Греческихъ вельможъ слѣпые нищїе? Замѣчено, что важныя и случайныя открытія рождаютъ сомнѣнїе и недовѣрчивость: пѣсни Шотландскаго Барда и теперь еще приписываются Макферсону. Но невзирая на всѣ шолки ученыхъ, Гомеръ и Оссіанъ пребудутъ безсмертны. — Шлецеръ, знаменитый крипикъ Русской Исторїи, призналъ уже свое предубѣжденїе противъ Ироической пѣсни несправедливымъ; ибо его сомнѣнїе неимѣло важныхъ причинъ, кромѣ одного подозрѣнїя въ подлогъ. — Слогъ Пѣсни особенное заслуживаетъ вниманїе лиштераторовъ и достоинъ почтѣнїя

шаго разысканія; можетъ быть, онъ и заставилъ думать многихъ, что слово о полку *Игоревъ* — подложное. Дѣйстви- тельно, ежели сравнивать его съ Библей- скими писаніями, то увидимъ величайшую разницу. Въ немъ нѣтъ совершенно ни одного реченія, составленнаго по образу Греческаго (напр. *человѣколюбіе, мило- сердце, долготерпѣніе* и проч.). Очень мало выраженій и оборотовъ рѣчи, приличныхъ слогу Библейскому, кромѣ *двойственного числа*, которое въ двухъ мѣстахъ Пѣсни встрѣчается; наконецъ, находишь мно- жество словъ, которыхъ нѣтъ въ Библии. — Ежели думать, что Пѣснь еша писана простонароднымъ языкомъ того времени, то надобно вспомнить, 1) что языкъ все- гда слѣдуетъ равными шагами за образова- ніемъ гражданскимъ народа; его измѣненіе не зависитъ отъ времени, но отъ сщеченія разныхъ политическихъ обстоятельствъ, отъ большихъ или меньшихъ успѣховъ разума и просвѣщенія. Очень вѣроятно, что Камчадалы и теперь говорятъ точно такимъ же языкомъ, какимъ за 200 лѣтъ предъ симъ, когда открыта Камчатка, говорили ошцы ихъ. Я не хочу ешимъ до- казывать, что простонародный языкъ совершенно и никогда не измѣняется, а на- мѣренъ только сказать, что онъ менѣе подверженъ измѣненію, нежели языкъ об-

разованнаго общества городских жителей. — Въ какомъ же селеніи вы теперь услышите разговоръ близкій къ слогу Ироической пѣсни? Кромѣ нѣкоторыхъ рѣченій, ничто не доказываетъ справедливости сказаннаго мнѣнія. 2) Языкъ просонародный, сколько же ограниченный, сколько ограничены и познанія черни, не можетьъ выражать тѣхъ высокихъ мыслей, которыми изобилуетъ Пѣснь ироическая; не можетьъ заключать въ себѣ того богатства, того великолѣпія, которое повсюду въ ней блистаетъ. . . Какимъ же языкомъ писана Пѣснь о походѣ игоря? Вотъ вопросъ, который подлежитъ розысканію. Она начинается такимъ образомъ: *Не льво ли ны бяшетъ, братіе, начали старыми словеса трудныхъ повѣстей. . .* и проч. Теперь спрашивается, что означаютъ *старыя словеса*? не тотъ ли древній Славянскій языкъ, который существовалъ въ Россіи до перевода книгъ св. писанія? Можетьъ быть сочинитель Пѣсни предпочелъ старыя словеса новымъ, ради важнаго содержанія поэмы; ибо и теперь употребляется иногда церковный языкъ въ высокомъ слогѣ. Можетьъ быть нѣкоторыя выраженія, свойственныя только Греческому словосочиненію и двойственное число, заимствованное отъ Грековъ, вкрались въ Ироическую пѣснь такимъ же образомъ,

какъ и въ Русскія новѣйшія книги галлицизмы и германизмы — отъ частаго употребленія иностранныхъ языковъ. — Наконецъ, и на по должно обратитъ вниманіе, что она писана, можетъ быть, какимъ нибудь областнымъ нарѣчіемъ древняго языка Славянскаго. Хотя съ перваго взгляда сочинитель пѣсни и представляется намъ жителемъ Новгорода-Сверскаго; но желателью, по соображеніи историческихъ обстоятельствъ, дѣйствительно узнать, гдѣ она получила свое существованіе. — Все сіе, мнѣ кажется, достойнымъ почтѣннѣйшаго изслѣдованія, которое или разрушитъ наши сомнѣнія о Пѣсни ироической, или справедливо увѣритъ насъ въ ея подложности.

Петръ Калайдовичъ.

Московскія записки.

Въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности 4го Мая розданы Членамъ экземпляры второй Части *Трудовъ Общества*, о которой публика извѣдена уже чрезъ Московскія Вѣдомости. Снѣмъ надѣясь, что охотники до ученыхъ матерій, а особливо люди занимающіеся изслѣдованіями объ отечественномъ языкѣ, найдутъ въ ней спашьи достойныя ихъ вниманія. Прочія сочиненія, какъ произаическія такъ и стихо-

творныя, не менѣе принадлежатъ къ плану упражненій Общества, желающаго по возможности распространять кругъ своего дѣйствія и доставлять разнообразное удовольствіе читателямъ. На предложенные въ Февралѣ мѣсяцѣ вопросы (Вѣст. Евр. № 5 стр. 62) Дѣйствительный Членъ Плавильщиковъ читалъ свои опыты въ семъ засѣданіи. Онъ полагаетъ, что древніе Греки не брали любви за основаніе для своихъ трагедій, по тому что они любили свое отечество и народную свободу даже до изступленія; что слѣдственно въ трагедіяхъ своихъ прославляли подвиги знаменитыхъ людей и не занимались изображеніемъ страсти, которая казалась имъ недостойною трагедіи, и что чувственная любовь ихъ не была основанною на уваженіи къ женскому полу. Напрощивъ того въ новѣйшія времена сѣверные народы, распространившіеся по Европѣ, принесли съ собою совсѣмъ инныя чувства и понятія: обожаніе прекраснаго пола и духъ рыцарства произвели новыя содержанія для повѣстей, называемыхъ романами, и новую систему для трагедій. Вразсужденіи же того, древнимъ или новымъ трагедіямъ принадлежатъ преимущественно, г. Плавильщиковъ затрудняется произнести свое мнѣніе, потому что новые трагедии, которые намъ кажутся близкими къ совершенству, подражали древнимъ, и симъ послѣднимъ обязаны отличнѣйшими красотою въ своихъ твореніяхъ. Греческіе древніе писатели никому не подражали (говоритъ г. Сочинитель опытовъ): одна природа образовала ихъ мысли, и та же природа водила ихъ перомъ. А можно ли сказать, чтобъ новѣйшіе писатели безъ примѣра древнихъ были

такими, каковы они теперь? На второй вопрос, приличны ли трагедии характеру Египтов, г. Сочинитель говорит, что невинный преступник, жестоко гонимый судьбою за невольные злодеяния, удобен наполнить душу зрителя ужасом и жалостью. Но преступления Едипа необходимы; оракул предвозвѣстилъ его несчастія; слѣдовательно зрители напередъ знаютъ развязку трагедіи; а еще не опнимаешь ли того ожиданія, той непредвидимости, посредствомъ коихъ Трагикъ управляетъ сердцами своихъ зрителей? Третій вопросъ: почему у Римлянъ не было знаменитыхъ трагиковъ равныхъ Греческимъ? Потому, отвѣчаетъ г. Плавильщиковъ, что у Грековъ всѣ трагическія красоты были собственныя, а Римляне не только содержанія трагедій но даже лица заимствовали у Грековъ; одни были образцами а другіе только подражателями. Отвѣты г. Плавильщикова, изъ которыхъ здѣсь предложено самое лучшее извлеченіе, напечатаны будущъ въ *Трудахъ Общества*. Мы намѣрены были помѣстить здѣсь подобное извлеченіе изъ отвѣтовъ г-на Меркеля на нѣкоторые вопросы; но едва ли не лучше перевести ихъ и напечатать въ *Вѣстникѣ Европы*. Тогда читатели будущъ сравнятъ рѣшенія обоихъ сочинителей. — Вотъ начало въ семъ же изданіи читанныхъ стиховъ г-на Мерзлякова къ *Князю Голицыну, основателю и учредителю Голицынской больницы*:

Голицынъ! ежели со смертными безсмертныхъ
 Есть Божеской любви духовной разговоръ;
 Склони свой крошкѣй слухъ къ воззваніямъ не-
 смѣтныхъ,
 Которые горѣ возносятъ гласъ и взоръ;

Склони къ несущимъ благодарность

И слезы — гробовой елей!

Се старецъ на клюкъ; се машь въ единомъ сынѣ
Имѣя свой покровъ, жизнь, радость, все свое,
Болящаго швоей ввѣряетъ благоспынѣ;
Вся въ немъ умретъ семья! ты дай имъ бышіе!

Ко гробу швоему приникли —

И оживился цѣлой домъ! . . .

Здѣсь призрѣлъ ты въ злой часъ безроднаго въ
недугѣ;

Тамъ бурями войны исперзанный герой
Возспалъ, окрѣпъ, процвѣлъ, — вновь членъ въ
гражданскомъ кругѣ,

Угасщій для людей, возникъ изъ мглы побой;

И се уже на полѣ Марса

Слуга Царя, другимъ примѣръ и проч.

Предложенный отъ г-на Калайдовича во-
просъ вразсужденіи Пѣсни о походѣ Игоря чи-
пашели видѣли уже за нѣсколько страницъ
выше въ сей же книжкѣ Вѣспника.

Въ засѣданіи *Общества Исторіи и древ-
ностей Россійскихъ* 7 числа Мая присут-
ствующимъ Членамъ розданы еще при листа
Русскихъ достопамятностей. Въ нихъ на-
ходимъ слѣдующіе древніе памяшники слове-
сности и законодашельства :

На седмомъ листѣ, за *Посланіемъ Ми-
трополита Іоанна къ Черноризцу Іакову*,
(о семъ Посланіи упомянуто было въ 6 Н.
Вѣспн. Евр. на стр. 138) слѣдуетъ дѣяніе быв-
шаго во Владимірѣ на Клязьмѣ частнаго собо-
ра при Митрополитѣ Кириллѣ 1274 года, и
называется: *Правило Кирилла Митропо-
лита Рускаго*. Сіе соборное дѣяніе сочинено

по причинѣ вкравшихся въ церковные обряды прошивныхъ успавамъ Греческой церкви злоупотребленій, о которыхъ Митрополитъ разсуждалъ съ Епископами, собравшимися при постановленіи Архимандрита Кіеволечерскаго Серапіона во Епископа Владимірской Епархіи. Оно найдено въ *Кормчей*, написанной въ Новгородѣ въ *тринадцатомъ* столѣтіи, слѣдственно почпи въ одно время съ Соборомъ.

Съ восьмага листа начинающся три граматы Царя Іоанна Васильевича, весьма важныя по своему содержанію, доставленныя Обществу отъ Преосвященнаго Евгенія, Епископа Вологодскаго, съ собственными замѣчаніями и объясненіями сего почтеннаго любителя отечественныхъ древностей. Изъ оныхъ грамотъ двѣ называются *Уставными*, а третья *Губною*. Одна *подлинная* Уставная Грамата, въ которой опредѣляется даваемая судьямъ пошлина за производство дѣлъ, опыскана въ Архангелогородскомъ Архангельскомъ монастырѣ. Въ Новгородскомъ Софійскаго Собора книгохранилицѣ есть при одномъ спискѣ Судебника другая Уставная же Грамата о пошлинахъ, но уже не получаемыхъ судьями съ просителей а платимыхъ ими Государю, съ наказомъ какъ судить и разыскивать дѣла и проч. При томъ же спискѣ Судебника находится и Губная Грамата. Съ упомянутыхъ трехъ грамотъ списки доставлены Обществу и печатающіяся въ издаваемыхъ имъ *Русскихъ достопамятностяхъ*. Надобно знать, что и Уставныя Граматы и Губная до сихъ поръ извѣстны были публикѣ только по названію; и что самые даже историки наши почитали ихъ утраченными, а особливо Губную. Название

Губной граматы Тапищевъ производитъ отъ *губленія*; ибо, говоритъ онъ, должность Губныхъ Старостъ состояла въ сысканіи, розыскахъ и казни пашей, смертоубійцъ и разбойниковъ. Но по изслѣдованію Преосвященнаго Евгенія открываея, что какъ происхождение такъ и самое названіе Губы суть не Русскія. Въ древнемъ Германскомъ правѣ, источникъ многихъ законовъ Русскихъ, встрѣчается слово Губа и Губники, Huba, Hubarii. Изъ разныхъ историческихъ свидѣтельствъ видно, что Губное право сперва было частное помѣщичье, деревенское или усадебное, по которому владѣлецъ земли могъ судить своихъ служителей и поселянъ и исполнять надъ ними свои приговоры; но въ Россіи право сіе превратилось потомъ въ государственное, и отнеслось только къ ворами и разбойникамъ, которыхъ обязаны были ловить и наказывать усановленные отъ Государя Губные Старосты.

Можетъ быть не всѣ читатели наши охотники до театра; но какая намъ нужда до ихъ вкусовъ, когда мы знаемъ, что человекъ благомыслящій и безпристрастный не порицаетъ въ ближнемъ своемъ склонности къ невинной забавѣ, хотя бы самъ онъ не видѣлъ въ ней для себя никакого удовольствія! А что наши театральныя зрѣлища, подъ непосредственнымъ надзоромъ начальства представляемая, неимѣютъ въ себѣ ничего предосудительнаго и вреднаго, о томъ не нужно распространяться. Мы не спремъ начинать прѣвій съ тѣми неговорчивыми людьми, которые любя или ненавидя что нибудь, хотятъ, чтобы и всѣ другіе самое то же любили или ненавидѣли, и которые въ слѣдствіе сего,

Принятаго и ободряемаго ими закона, утвердительно говорятъ; что театральныя представленія вредны. Ежели хотите, они призовутъ вамъ нѣсколько древнихъ авторовъ и святыхъ отцовъ во свидѣтельство о справедливости своего мнѣнія. Повторяемъ, что мы не хотимъ съ ними спорить; въ противномъ случаѣ можно бы сказать имъ, что есть прѣвеликая разность между зрѣлищами разбратными, соблазнительными, неблагими, и блять между зрѣлищами невинно забавляющими, исправляющими вкусъ народный и очищающими нравственность; что предки наши неимѣли театра, потому что у нихъ были во младенчествѣ наука и искусство; служащія основаніемъ для сочиненій драматическихъ и для зрѣлищъ; что люди прославившіеся чистотою нравовъ и даже святостію жизни не вмѣняли себѣ въ стыдъ писать для театра; что употребляя излишнее время на забавы общественныя, почти всегда невинныя, мы предохраняемъ себя отъ другихъ забавъ, можетъ быть несогласныхъ съ правилами строгей нравственности. И такъ въ досужнее время будемъ сами писать и принимать отъ другихъ замѣчанія о представляемыхъ на здѣшнемъ театрѣ драматическихъ сочиненіяхъ, и будемъ, какъ прежде, помещать ихъ въ семъ Журналѣ. Драматическіе писатели (разумеется, благомыслящіе) не должны досадовать на мнѣнія людей, которыми сами же они дали право говорить о сочиненіяхъ, представленныхъ ими суду публики. Конечно и то правда; что есть самолюбивые пловцы всякой всячины въ стихахъ и въ прозѣ, увѣрившіе себя и увѣряющіе другихъ, будто ни на чьихъ сочиненія пишутъ

замѣчаній безпристрастныхъ не должно; мы однакожъ учению сему слѣдовать не намѣрены: свобода въ литературѣ, безъ которой нигдѣ и никогда не было прочныхъ успѣховъ, есть общее право; безразсудно было бы чуждаться онаго безъ всякой надобности, предпочитая очевидной пользѣ мѣлочныя прихоти самолюбія.

Мая 12. *Ябеда, Комедія въ 5 актахъ.*
 Очень давно уже не представляли здѣсь *Ябеды*, которой по всей справедливости принадлежитъ неоспоримое право стоять на ряду съ хорошими Русскими Комедіями, и слѣдственно раза два или три въ году являться на сценѣ. Для напечатанія *Ябеды* нужно было исходитьъ отъ Высшей Власти; потому что ее почли было сначала для нѣкоторыхъ оскорбительною. Но всякая Комедія будетъ казаться оскорбительною тому, кто станетъ досадовать за осмѣяніе въ ней какого-либо порока. Правда, что ябеда и мздоимство пороки не комическіе: законы гремятъъ прошивъ нихъ страшными угрозами; но дѣйствіе законовъ постигаетъ только обличенныхъ мздоимцовъ и ябедниковъ; а между тѣмъ сколько правыхъ просителей и невинныхъ опвѣщчиковъ разоряется отъ ухищреній ябеды и припязаній корыстолюбія! Не всѣ походящъ на Капнистова помыщика *Доброва*, которой не принимаетъ кошелька отъ Прямова и говоритъ:

Такихъ неправедныхъ нажищковъ я чуждаюсь;
 Съ женой, съ дѣшми, прудомъ и правдою
 пишуся.

А если правое чье дѣло верхъ беретъ,
 И правой мнѣ за трудъ въ признательность
 даешь.

Тя, признаюсь, беру. Мнѣ совѣсть не пѣняетъ;
Я принимаю даръ; бездѣльникъ вынуждаетъ.
Не всѣ *Добровы*, но есть и *Проваловы*, опы-
тные знапки во всѣхъ плушняхъ ябедниче-
скихъ. Такіе люди знаютъ

Какъ забѣжашь къ судѣ, съ кошораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ серебра;
Шестерку проиграшь, четверку гдѣ иль пройку;
Какъ залучишь кого въ пирушку на попойку.
Разѣ нѣтъ судей, подобныхъ предсѣдателю
Кривосудову, о которомъ говоришь повыш-
чикъ *Добровъ*:

Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо невершилъ;
Что съ кривды пошлиной* карманы начинилъ;
Что онъ законами лишь беззаконье удишь,
И безъ наличнаго довода дѣлъ не судишь.

Кто не подивится отличному проворству и
неупомимой дѣятельности Прокурора Хвашай-
ка, кошорей

Не цапнешь лишь того, чего недосыгнешь.
За праведный доносъ, за ложный, онъ беретъ;
Щечить за пропускъ дѣлъ, за голосъ, пред-
ложенья,

За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздной въ судѣ приходъ, за пропущенный
срокъ,
И даже онъ беретъ съ колодниковъ оброкъ.

Такіе люди конечно достойны осмѣянія, пока
еще пягопѣющая рука правосудія на нихъ не
опустилась; ибо послѣ уже было бы поздно
смѣяться надъ ними. Пороки ихъ вредны не
только нарушеніемъ законовъ и пренебрежені-
емъ священнѣйшихъ обязанностей, но еще
и тѣмъ, что дѣйствуя въ своемъ кругѣ, они
развращаютъ своимъ примѣромъ людей, ке-

торымъ кажущяся достойными особливаго уваженія по ихъ богатству и вліянію. И такъ комедія оказываетъ сугубую услугу обществу, когда смѣшитъ зрителей, въ то же время осмѣвая и подвергая презрѣнію ненаказанные пороки. — На сей разъ неходимъ въ разсмотрѣніе частей *Абелы*; скажемъ шолько, что многія мѣста въ ней нравятся любителямъ правильной, веселой и замысловатой комедіи, и что многіе стихи гладкіе и приятные доставляютъ все удовольствіе, какого ожидать можно отъ стиховъ хорошихъ. К.

Выписки, извѣстія, замѣчанія.

Одинъ наблюдатель, разсмотрѣвшій почти всѣ каталоги о лекціяхъ, преподаваемыхъ въ Нѣмецкихъ университетахъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Въ нѣкоторыхъ университетахъ всѣ юридическія науки состоятъ единственно въ преподаваніи Уложенія Наполеонова. . . . Въ нѣкоторыхъ Статистика, сія необходимо нужная наука, пренебрежена совершенно, между тѣмъ какъ съ величайшею заботливостію хлопчуть тамъ о древностяхъ Іудеевъ и другихъ народовъ. Въ росписяхъ о преподаваніи лекцій въ Прусскихъ, Виртембергскихъ, Гессенскихъ, Вирцбургскихъ и другихъ университетахъ ни слова неупомянуто объ *отечественной исторіи*. Не уже ли молодымъ Нѣмцамъ, будущимъ гражданамъ своего отечества, нужнѣе знать о Персахъ, Сарацинахъ, Туркахъ, Булгарахъ, нежели о происшествіяхъ той страны, которой слу-

жишь они обязаны? Надобно ли, чтобы учащийся юноша умѣлъ по пальцамъ перечесать всѣ ручейки Греции и Азии, неимѣя понятія ни о стапискикѣ, ни объ исторіи своего отечества, по есть ли о настоящемъ ни о прежнемъ состояніи онаго? Наконецъ, долго ли Нѣмцамъ быть педантами? "

*

The monthly Repertory of english litterature et set. Подъ симъ названіемъ издается въ Парижѣ извлечение изъ всѣхъ лучшихъ Англійскихъ журналовъ. Охотники до Англійской словесности обязаны благодарить издаателя, которой, при нынѣшнихъ великихъ препяспвахъ въ сообщеніи между Англією и твердою землею Европы, доставляеши имъ любопытнѣйшія свѣдѣнія о Британской литературе. Въ Monthly Repertory помѣщаются подробныя увѣдомленія о книгахъ, статьи біографическія, извѣстія о наукахъ и словесности, отрывки стихотвореній, анекдоты, а иногда и цѣлыя повѣсти; такимъ образомъ недавно помѣщенъ былъ въ семъ журналѣ цѣлой романъ г-жи Еджевортъ, любимой Англійской писательницы. Въ послѣдней 57 й книжкѣ, кромѣ другихъ сочиненій о разныхъ ученыхъ предметахъ, напечатана статья объ опытахъ, дѣланныхъ Англичаниномъ Бродіемъ надъ ядовитыми свойствами растѣній. По сему случаю, сдѣланы два справедливыя замѣчанія въ одномъ Французскомъ журналѣ; во первыхъ, наблюденія сего рода должны быть описываемы на Латинскомъ языкѣ, дабы не каждой могъ воспользоваться ими ко вѣдѣнью ближняго; во вторыхъ, опыты надъ ядовитыми свойствами растѣній, для котораго господу испышашели природы безжалостно

истребляющъ превеликое множество живошныхъ, никого еще не довели до какого нибудь важнаго, общепользнаго открытiя. Упомянутый Англичанинъ Броди съ величайшимъ равнодушиемъ и жаднокровиемъ замучилъ безчисленное множество собакъ, кошекъ и кроликовъ; онъ съ великою почтоспiю замѣчалъ минушы между принятиемъ осправы и послѣднимъ издыханiемъ; онъ удостовѣрился, какой именно ядъ дѣйствуетъ на мозгъ и на сердце — вотъ вся прибыль, какую полько мртвъ получить испышашель отъ безчеловѣчной своей жестокости. О Аббатѣ Фоннанѣ говорили, что онъ, замучивши нѣсколько тысячь невинныхъ живошныхъ, на послѣдокъ узналъ, что ядъ ехидны смертоносенъ; почто по же прилично сказать и объ опытахъ Бродиевыхъ. Не принимая на себя излишней чувствительности, извинительной въ сантиментальныхъ путешественникахъ, можно пожелать, что бы люди поступали милосердно съ живошными, и чтобы менѣе занимались опытами, не столько полезными сколько любопытными и мало помалу приучающими душу къ ожесточенiю.

*

Въ одномъ письмѣ изъ Граванкору отъ 4 Марта 1810 года содержится между прочимъ слѣдующее: „Отъ случившагося въ ночную пору землетрясенiя нѣкоторыя дома обрушились въ крѣпости; въ то самое время сдѣлался пожаръ, и усмращенные сими несчастiями жители впроемъ побѣжали въ поле. Въ числѣ ихъ находились многия женщины владѣльческаго сарая. Поселяне дали имъ въ домахъ своихъ убѣжище, и на другой день по ушпру проводили ихъ въ крѣпость. Раздраженный Райдъ

погнчась велѣль всѣмъ женщинамъ опрубить головы, за то что дерзнули показаться мужчинамъ, а пятерыхъ проводниковъ лишить зрѣнія, за то что они сморгбли на обиташельницъ серала своего повелителя.“

Ромео и Юлія, извѣстная Шакеспирова трагедія, передѣлана была нѣсколько разъ для Нѣмецкаго театра. Лѣтъ за сорокъ передъ симъ, когда въ Германіи началъ распространяться духъ *сентиментальности*, трагедія Ромео и Юлія, сочиненная г-мъ Вейссе, чрезвычайно нравилась Нѣмцамъ, хотя главное достоинство ея состояло въ одной только плаксивости. Отъ перваго явленія до послѣдняго глаза не просыхающъ у Героини, плачущей и рыдающей безперестанно. Вотъ образчикъ тогдашней слезливой піишки: Юлія, простившись съ Ромео, примѣчаетъ что щеки ея омочены слезами; она спрашиваетъ у наперсницы своей, не плакалъ ли Ромео во время послѣднихъ лобзаній; наперсница подтверждаетъ догадку госпожи; тогда Юлія прикладываетъ носовой платокъ къ щекамъ своимъ, собираетъ слезы любезнаго и — цѣлуетъ ихъ!!

Извѣстная повѣсть о приключеніяхъ *Робинзона Крузе* сочинена Англичаниномъ Даниломъ Фое, родившимся въ Лондонѣ 1663, а умершимъ 1731 года. Сперва нѣсколько времени торговалъ онъ колпаками. Бывъ очень привязанъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, онъ участвовалъ въ мятежахъ при концѣ правленія Іакова II и въ шѣхъ происшествіяхъ, кои доставили престолъ Вильгельму III. Почти во всю жизнь свою Фое писалъ политическія разсужденія, и за одно изъ нихъ по судейскому приговору

дору долженъ былъ простоять у столба на площади; сіе несчастіе подало ему случай сочинить гимнъ столбу позорному. Кромѣ того еще два раза содержался онъ въ штурмѣ Невгашской, и находясь въ заключеніи, продолжалъ сочинять книги. Никто изъ книгопродавцовъ не хотѣлъ купить *Робинзона Крузе*; одинъ только осмѣлился употребить деньги свои на напечатаніе сей повѣсти, и получилъ отъ нее великую прибыль. Фое, ободренный успѣхомъ, сочинилъ еще нѣсколько повѣстей такогожъ содержанія; но труды его были тщешны. *Робинзонъ Крузе* переведенъ на всѣ Европейскіе языки и почитается однимъ изъ лучшихъ сочиненій въ своемъ родѣ.

Въ Римѣ 22 Марта около 3 часовъ утра было сильное землетрясеніе. Оно продолжалось около 25 секундъ, и сопровождается было прескомъ, подобнымъ грому. Не осталось почти ни одного зданія, которое отъ того не потерпѣло бы вреда. Въ Колизеѣ обвалилась часть карниза; въ церкви Св. Пепра повреждены лѣстница въ куполъ, окна и мозаическія украшенія, а въ города цѣлый домъ, подъ развалинами коего погибъ одинъ крестьянинъ съ двумя дѣтьми, обрушился.

За два года передъ симъ нащелъ Г. *Казитти* въ Неаполитанской Королевской библиотекѣ 32 до нынѣ еще никому неизвѣстныхъ басни на Латинскомъ языкѣ, которыя издалъ онъ въ свѣтъ, думая, что онѣ сочинены Федромъ. Однакожъ Геттингенскій Липштерашоръ Г. *Гейве* сумнѣвается, чтобы онѣ принадлежали точно сему Латинскому писателю; пошому что въ нихъ не находишь онѣ

той простоты, какую особенно отличаютъ Федровы басни. Таковымъ его сужденіемъ Неаполитанскіе ученые очень недовольны, и Г. Жанетти собирается доказать неоспоримыми доводами, что басни сіи почто сочинены Федромъ.

У. П О Л И Т И К А.

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Парижъ, отъ 17 Апрѣля, н. ст. Вчера Его Величество Императоръ и Король изволилъ смотрѣть войска на Тюльерійской площади; а послѣ того присушествовалъ въ Государственномъ Совѣщѣ.

Отъ 21 Апрѣля, н. ст. Сего мѣсяца 19 числа Его Величество Императоръ принималъ въ Сецъ-Клу депушациі отъ избирательныхъ Коллегій Департаментовъ Верхне-Алпійскаго, Лозерскаго, Моншъ-Тоннерскаго и По. На рѣчь депушатовъ Избирательной Коллегіи Департамента Моншъ-Тоннерскаго Императоръ отвѣществовалъ слѣдующее: „Прелашы, которые поставлены были единственно для приношенія молишвъ Богу, содѣлались вашими повеліищами. Таковое злоупотребленіе исчезло и уже никогда не явишя въ Европѣ. Основанная мною Имперія ограждаетъ

васъ отъ ужасовъ войны, и даетъ вамъ единообразные законы. Разпространеніе вашего земледѣлія и вашей промышленности должно быть неминуемымъ слѣдствіемъ сего новаго вещей порядка. Благодарю за ваши ко мнѣ чувствованія.“

Тріеста, отъ 22 Марта, 1. ст. Народъ, а особливо купечество города Тріеста, узнавъ о позволеніи производить транзитный торгъ, изъявили живѣйшую радость и признательность. Три дня сряду весь городъ былъ иллюминированъ. Купечество положило воздвигнуть Императору спашую, а Генералъ-Губернатору поручено засвидѣтельствовать Его Величеству отъ города Тріеста чувствительнѣйшую благодарность.

Медиолакъ, отъ 16 Марта, н. ст. Въ новелѣнн, данномъ 14 числа сего мѣсяца Вице-Королемъ Италіянскимъ, сказано: каждый Италіянецъ, какого бы онъ состоянія и чина ни былъ, который вступитъ въ иностранную морскую службу и будетъ найденъ на кораблѣ непріятельскомъ, немедленно предается суду и подвергнется наказанію, опредѣленному въ 75 сташъ уголовныхъ законовъ. Судебные приговоры должны быть производимы въ дѣйство на самомъ томъ кораблѣ, гдѣ виновный взятъ будетъ.

✱

Бернъ, отъ 31 Марта, н. ст. Въ слѣдствіе новой военной капитуляція, число Швейцарскихъ войскъ, на жалованьи Франціи служащихъ, впредь должно расширяться до 12,000 человекъ. Сверхъ сего доставляемо бу-

денѣ по 3000 рекрутствъ, дабы войска сія были всегда комплексны.

*

Минхенъ, отъ 9 Апрѣля, н. ст. Въ субд-
ствіе закона, недавно правительствомъ на-
шимъ изданнаго, всѣ подданные, безъ разлн-
чія ихъ состоянія, имѣющіе отъ 19 до 23
лѣтъ отъ роду, подлежатъ конскрипціи и
должны явиться въ назначенное мѣсто для
внесенія ихъ именъ въ общій списокъ.

*

Дрезденъ, отъ 13 Марта, н. ст. Но-
сится слухъ, что Ихъ Величества Импера-
торъ и Императрица Австрійскія въ непро-
должительномъ времени придутъ въ здѣш-
ній городъ; однакожъ многіе слухъ сей почи-
шаютъ невѣрнымъ.

Корпусъ Саксонской арміи уже давно пе-
реправился чрезъ рѣку Одеръ. За Баварскими
и Виртембергскими войсками, коихъ число
полагаютъ до 40 тысячъ, прошелъ еще чрезъ
нашъ городъ большой корпусъ войскъ изъ
Испаніи.

Отъ 24 Апрѣля, н. ст. 23 Числа сего
мѣсяца Императорская Французская гвардія,
подъ начальствомъ Дюка д'Истри (Маршала
Бессьера) вступила въ Дрезденъ. Польская
уламская гвардія также пришла въ сей городъ.

Его Величество Король Саксонскій сего
лѣта будетъ имѣть пребываніе свое, какъ и
прежде, въ Пильницѣ.

*

Вѣна, отъ 8 Апрѣля, н. ст. Сего дня
Его Величество Императоръ до отправления
своего изъ здѣшней столицы давалъ послѣд-
нюю аудиенцію. Поеліку большая часть Вѣн-

скаго гарнизона вышла изъ нашей столицы; по какъ при городскихъ ворахъ, такъ и при всѣхъ главныхъ сего города мѣстахъ составляетъ нынѣ стражу здѣшняя мѣщанская гвардія. Недалеко отъ *Кашау*, въ Верхней Венгріи; собирается наблюдательный корпусъ войскъ, который почти весь состоятъ будутъ изъ Венгерцевъ. Еще и по сіе время неизвѣстно, кто будетъ имѣть главное начальство надъ войсками; собирающимися въ Галлиціи. — Хотя курсъ нашъ поправляется довольно примѣрно, однакожъ цѣны на разные свѣтныя припасы возвысились здѣсь такъ; что подобной дороговизны въ Австріи никогда еще не бывало.

Отъ 10 Апрѣля, н. ст. Императоръ нашъ, какъ носитъ слухъ, до отправления своего въ Дрезденъ, побѣдетъ въ Презбургъ для закрытія засѣданій Венгерскаго Сейма, который, какъ говорятъ, весьма мало соотвѣтствовалъ ожиданію. На сихъ дняхъ отправились разныя пѣхотныя и конныя полки къ наблюдательной нашей арміи. (С. П. В.)

Отъ 11 Апрѣля, н. ст. Отъ правительства нашего обнаружено новое распоряженіе, по коему дѣти, умирающія отъ натуральной оспы; должны быть просто отибаемы покло священникомъ, но погребаемы безъ всѣхъ обыкновенныхъ при таковыхъ случаяхъ обрядовъ. Священникамъ и даже родственникамъ запрещается провожать тѣло такового до мѣста погребенія. (Съв. П.)

Глоггау, отъ 10 Апрѣля, н. ст. Вчера прибыли въ здѣшній городъ Его Величество Король Вестфальскій со всею своею свитою; Его Королевское Высочество Наслѣдныи

Принцъ Виршембергскій, также и Вестфальскій при Вѣнскомъ Дворѣ Посланникъ Баронъ фонъ Линденъ.

Бреславль, отъ 16 Апрѣля, н. ст. Вчера прибыли въ здѣшній городъ: Его Королевское Высочество Прусскій Принцъ Августъ Фердинандъ, и Его Свѣшлость Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, Генераль-Маіоръ Королевской Прусской службы.

Берлинъ, отъ 18 Апрѣля, н. ст. Между рѣками Ельбою и Вислою спроща нынѣ большіе магазины.

Отъ 23. Апрѣля, н. ст. Третьяго дня отправился отсюда въ Бреславль Генераль-Фельдмаршалъ и бывший Губернаторъ здѣшней Столицы Графъ Калкрейтъ.

Отъ 2 Мая, н. ст. Третьяго дня прибыли сюда Французскіе Маршалы: Макдональдъ Дюкъ де Тарантъ, и Викторъ Дюкъ де Беллуно.

Кельнъ, отъ 16 Апрѣля, н. ст. Изъ Числа сего мѣсяца прибылъ сюда Король Вестфальскій, а вчера и сего дня осматривалъ онъ первую и вторую дивизию Вестфальской арміи.

Лондонъ, отъ 28 Марта, н. ст. Въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ, подъ названіемъ: *Compter de Londres*, напечатано между прочимъ слѣдующее: „Намъ предлежитъ или неослабное продолженіе войны, или безчестное пораженіе. Мы сражаемся съ Галломъ (Бренномъ), который мечъ свой положилъ на вѣсы. Настоящая война конечно еще потребуетъ отъ насъ великихъ издержекъ, крови, займовъ и

государственныхъ налоговъ. Но мы несемъ бремя, платимъ долги, дѣлаемъ новые займы единственно для сохраненія нашей свободы, нашей независимости, владычества на моряхъ, достоинства, величія и чести нашего опечества. Мы приемлемъ на себя тяжкое бремя, да покажемъ всему свѣту, что Нельсонъ не умеръ, Веллесли въ дѣяніяхъ своихъ не уступилъ; да не узримъ въ порабоженіи дражайшаго нашего опечества; да не узримъ превращенія во прахъ гробницъ нашихъ опцевъ, жершвенниковъ, воздвигнутыхъ нами Богу; да не узримъ участи, каковой подвержены нынѣ многіе народы. Ежели причины сїѣ еще недостаточны для побужденія насъ къ добровольному плашежу пребуемыхъ правительствомъ подашей; то по крайней мѣрѣ помыслимъ, что порабоженіе потребуешъ отъ насъ еще большихъ жершвъ, что мы должны будемъ врагу своему пожертвовашъ правами, независимостію и славою Англіи. Ежели не спанемъ продолжашъ войны всѣми силами нашими, всѣмъ, такъ сказать, шѣломъ Государства (toto corpore regni) для сохраненія общаго нашего благосостоянія; то всѣ бѣдствія постигнутъ насъ неминуемо.“ (С. П. В.)

~~~~~

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 11. ІЮНЬ 1812.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Рѣчь, говоренная Маріемъ, когда Римской народъ далъ ему начальство надъ войскомъ въ Нумидіи, и поручилъ вести войну проливъ Югурты (*).

Знаю, Римляне, что многіе бывающѣ не похожи сами на себя, когда просятъ у

(* Bellum Iugurthinum Cap. 85. „Посылаю „Рѣчь, переведенную мною изъ Саллустія;“ пишешѣ ко мнѣ одинѣ почтенный мой приятель: „я почишаю ее образцомъ Лапинскаго краснорѣчія. Часто съ прискорбіемъ „думаю, для чего языкъ Цицероновъ у насъ „въ пренебреженіи. Надобно знакомиться „съ Римлянами на первой случай хотя по „средствомъ Русскихъ переводовъ, и проч.“ Чишашель долженъ знать предварительно, что Марій былъ человекъ безпокойнаго нра-
NO 11. К

васъ начальства, и когда уже получили оное: въ ничтожествѣ своемъ они дѣшны, скромны, умѣренны; въ могуществѣ посвящаютъ всѣ дни свои бездѣйствію и гордости. Я неимѣю подобныхъ правилъ. Я думаю, что чѣмъ благосостояніе республики дороже Консульской или Преторской власти, тѣмъ съ большею ревностію служить должно первой, нежели добиваться послѣднихъ. Римляне! понимаю во всемъ пространствѣ труды, которыми обязанъ я плащью за ваше благодѣяніе, мнѣ оказанное. Дѣлать приготовленія къ войнѣ, такъ чтобы сбережена была казна государственная; принуждать гражданъ къ вступленію въ военную службу, такъ чтобы они не превратились въ моихъ неприятелей; приводить въ порядокъ всѣ дѣла внутреннія и въ то же время помышлять о томъ, что ожидаетъ меня за предѣлами республики; наконецъ, исполнять все сіе среди зависти, рокоша и прошивныхъ мнѣній: Римляне! это весьма трудно. При томъ если бы ктонибудь другой сдѣлалъ ошибку въ подобномъ случаѣ; знающее

ва, ненавидѣвшій дворянство, грубый въ обхожденіи, необразованный науками. Онъ презиралъ тѣ преимущества, которыхъ неимѣлъ — просвѣщеніе разума и знатность рода. Саллустій влагаетъ ему въ уста рѣчь, приличную его характеру. *Изд.*

просисхожденіе, заслуги предковъ, родственники и друзья, многочисленная толпа искателей — все ему служивъ щипомъ; а мои надежды заключаюся во мнѣ одномъ, и основаны только на моихъ доблестяхъ и непорочной жизни. Я неимѣю другой поддержки и другихъ средствъ для моего оправданія и славы. Знаю, Римляне! что на меня устремлены взоры всѣхъ гражданъ: добрые желаютъ мнѣ счастья, ибо они видятъ, что дѣла республики въ моихъ рукахъ идутъ съ успѣхомъ; но дѣсять хотятъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы помрачить мое имя и мои дѣла. Римляне! тѣмъ болѣе должно мнѣ спараться, чтобы они не обольстили васъ, чтобы замыслы ихъ остались тщетными. Я такъ велъ себя съ дѣвскихъ лѣтъ, что всѣ труды и опасности сдѣлались для меня сносными. И ежели я не щадилъ себя для славы отечества, когда еще неимѣлъ въ виду и не получалъ вашихъ благодарній; то могу ли поступать иначе теперь, когда вы награждаете мои усилія. На верху знаменитости кружится голова только у тѣхъ, кои съ лукавымъ, честолюбивымъ намереніемъ покрываютъ себя добродѣтелями, которыхъ сердце ихъ неимѣетъ; что касается до меня, то я провелъ всю жизнь въ строгомъ исполненіи должностей, и оно обратилось мнѣ въ привычку и натуру. Рим-

ляне! вы поручили мнѣ вести войну противъ Югурты. Ваша довѣренность произвела въ дворянахъ негодованіе. Но подумайте, имѣете ли причину жалѣть о семъ выборѣ, и лучше ли было бы въ семъ или въ другомъ случаѣ обратиться къ толпѣ дворянъ и положиться на человека, который можетъ сказать много о древности своего происхожденія, о великихъ своихъ предкахъ, — и ничего о своихъ собственныхъ заслугахъ, — и который, неимѣя понятія о столь важномъ порученіи и ни о какихъ дѣлахъ, переходилъ бы изъ замѣшательства въ замѣшательство, прибѣгалъ бы къ разнымъ средствамъ, и наконецъ — взялъ бы учителя своей должности изъ простаго же народа? Уже не одинъ разъ случалось, что тотъ, кому вы даете всю власть, принужденъ бываетъ дѣлать начальникомъ надъ собою другаго. Я знаю, Римляне, многихъ знатныхъ гражданъ, которые не прежде какъ сдѣлавшись Консулами начинали чистить Испорію предковъ и военныя правила Грековъ. Непостижимые люди! они смѣшиваютъ порядокъ времени и вещей! Прежде должно доказать опытами свои права на начальство, а потомъ пребовать и принимать его. Римляне! сравните меня, незнашнаго порокою, съ сими гордыми дворянами. Я или видѣлъ или дѣлалъ то, что они только слышали или читали; я

научился пому на поляхъ сраженія, что они знаютъ только изъ книгъ. Судите сами, что лучше для васъ, ихъ слова, или мои подвиги? Они презираютъ мое низкое происхожденіе, а я могу презирать ихъ лѣнность; они упрекаютъ меня случайностію фортуны, а я могу упрекать ихъ порочною жизнью. Хотя, по моему мнѣнію, всѣ люди равны для опечесства; однакожъ истинно благороднымъ почитаю только того, кто ознаменовалъ себя заслугами и добродѣтелью. Спросише, Римляне, у отца Албинова, спросише у Бесціи, не лучше ли хошъли бы они меня имѣть въ числѣ дѣтей своихъ, нежели тѣхъ, кои теперь носятъ на себѣ ихъ имя? Какого ожидаете опѣтша? Не далиль бы они сего нѣжнаго названія пому изъ насъ, кто имѣетъ больше достоинствъ? Но если люди сіи имѣютъ право презирать меня; то сіе презрѣніе неменѣе падаетъ и на ихъ предковъ, которые, подобно мнѣ, возвысились одними доблестями. Они завидуютъ моимъ почестямъ; для чего же незавидуютъ моей дѣятельности, непорочной жизни и всѣмъ опасностямъ, которыми приобрѣлъ я тѣ почести? Ослѣпленные гордостію, они ведутъ такую жизнь, какъ будто считаютъ за ничто ваше мнѣніе и награды, а пребуютъ ихъ опъ васъ съ такимъ безстыдствомъ, какъ будто они сіяютъ доблестями.

ми. О! они очень обманываются, желая соединить двѣ вещи столь противныя одна другой — прищность бездѣйствія съ наградою за добродѣтель. Говоря передъ вами или въ Сенатѣ, они испощаютъ всѣ силы на похвалы своимъ предкамъ; они думаютъ, что чужія дѣла и слава дадутъ имъ нѣкоторый блескъ. Напротивъ, ихъ праздноствіе больше подлежаще осужденію, что предки оставили имъ примѣры безсмертныхъ подвиговъ. Такъ! слава предковъ есть свѣтильникъ, равно озаряющій и добродѣтели и пороки потомковъ! Я не могу ссылаться на предковъ; но не лучше ли для меня, что могу говорить о своихъ собственныхъ подвигахъ? Послушайте, Римляне, до какой степени они несправедливы; они отнимаютъ у меня такія права, которыя заслужены мною, и присвоиваютъ себѣ то, что принадлежитъ отдаленнымъ ихъ предкамъ; а вся моя вина состоитъ въ томъ, что не могу щеславиться изображеніями предковъ (*), и что мое благородство съ меня самого начинается. Римляне! не лучше ли самому быть родоначальникомъ знатнаго потомства, нежели получивши благородство унижить его праздно-

---

(*) У Римлянъ, знатныхъ породю, стояли въ домахъ изображенія предковъ (imagines). Сіи изображенія были носимы при похоронахъ, для пышности обряда. *Изд.*

спію и пороками? Знаю, Римляне, что дворяне могутъ заглушить меня своимъ видійствомъ, если только захотятъ отвѣчать на мое слово. Не смотря на то, я не хотѣлъ болѣе молчать, ибо они при всякомъ случаѣ поносятъ васъ и меня, осыпаннаго вашими благодѣянїями, не хотѣлъ единственно потому, чтобы не сочли моей скромности за слабость и признанїе. Впрочемъ я не боюсь ихъ, и они не могутъ повредить мнѣ со всемъ своимъ краснорѣчїемъ. Если они будутъ говорить правду; то пропивъ воли должны хвалить меня: а клевета ихъ не можетъ успѣять пропивъ моихъ дѣлъ и правилъ. Но они не перестаютъ кричать пропивъ вашихъ благодѣній и вашей довѣренности ко мнѣ; подумайте, Римляне, подумайте, должны ли вы въ томъ раснаеваться? Я не могу оправдывать вашего выбора знаменитостїю предковъ; не могу ослѣпить васъ ихъ побѣдами; но, если нужно, покажу вамъ непришельскїя знамена и добычи, которыя были наградою моего мужества, и сочту вамъ раны на груди, которыми она покрыва. Таковы мои права на знаменитость; шакое мое благородство, не предками мнѣ оставленное, но приобретенное множествомъ трудовъ и преодоленїемъ опасностей!

Признаюсь, Римляне, что я худой ораторъ, и не жалѣю объ этомъ: добро-

дѣтели говорящѣ сами за себя; краснорѣчїе нужно людямъ такимъ какъ дворяне, которые хощащѣ скрывать подѣ нимъ свои слабости и пороки. Я не учился Греческой словесности, и не желалъ учиться ей; ибо она и самимъ Грекамъ не была полезнаю для преуспѣянїя въ добродѣтели. Предметъ моихъ старанїй былъ другой, полезный для отечества: поражашъ непрїателя, отводишь его удары отъ солдатъ моихъ, не боясь ничего, кромѣ безчестныхъ поступковъ, не чувствовашъ разности между спужею и зноемъ, почишашъ сырую землю за лучшую поспелю, переносишь всѣ шруды среди голода и жажды — вошъ краснорѣчїе, которымъ постараюсь убѣждать своихъ воиновъ. Никогда не скажушъ они, что я предаваясь роскоши заставлялъ ихъ терпѣшь нужду, и что моя слава куплена одними ихъ шрудами и кровїю. Таковъ долженъ быть полководецъ, который повелѣваешъ своими согражданами, и который желаетъ успѣха своему оружію. Таковъ былъ образъ жизни, и шаковы дѣла вашихъ предковъ, которыми они возвысили себя и свое отечество. А дворяне, украшенные ихъ славою и споль не похожїе на нихъ душею, презирають меня и всѣхъ, что подражаетъ симъ мужамъ безсмертнымъ! Они не хощащѣ прибрѣщать почестей заслугами, но требуюшъ ихъ себѣ,

какъ будто имѣютъ всѣ права на оныя! Въ какомъ заблужденіи сіи гордые люди! Предки оставили имъ все, что остается послѣ человека, — богатство, знаменное имя, великіе примѣры; но не оставили въ наслѣдство добродѣтелей, потому что это не возможно, потому что никто не въ силахъ дать другому сихъ качествъ, и никто не въ состояніи получить ихъ отъ другаго. Дворяне называютъ меня грубымъ и невоспитаннымъ, — безъ сомнѣнія потому, что не могу дать блистательнаго ужина, не имѣю шутовъ, и что довольствуюсь услугами дешеваго повара, коимъ получаешь отъ меня то же что и деревенскій прикащикъ. Охотно признаюсь въ этомъ. Но я слышалъ отъ моего отца и отъ другихъ мужей почтенныхъ, что роскошь прилична слабому полу, а наше дѣло — труды; что всякой истинной сынъ опечесства долженъ искать славы, а не богатства, гордиться оружіемъ, а не платьемъ и домашнимъ приборомъ. Римляне! оставимъ ешимъ людямъ то, что они цѣнятъ споль дорого, — приятности женскихъ обществъ и пышныхъ споловъ; пусть они, упоенные ложнымъ блаженствомъ, проводятъ въ семь упоеніи льща своей спароспи, равно какъ провели свою шумную молодость; а намъ пусть оставаться другія удовольствія, лучшія, благо-

роднѣйшія, — нашъ удѣлъ почтъ и пыль военныхъ подвиговъ! Но ихъ дерзость не останавливается. Сіи люди, покрытые всѣми пороками, стараются похищать награды у гражданъ добрыхъ. Ужасная несправедливость! роскошь и бездѣйствіе, слабости споль пагубныя, не имѣютъ вредныхъ слѣдствій для тѣхъ, кои онымъ предаются; напрошивъ того наносятъ величайшій вредъ невинному опечеству!

Давъ дворянамъ отвѣтъ, не такой какого должны бы ожидать ихъ пороки, но какого требовали мои правила, я присовокуплю нѣсколько словъ о дѣлахъ республики. Во первыхъ, Римляне, будьте спокойны въ разсужденіи Нумидіи. Вашъ выборъ уже разрушилъ планы корысполубія, невѣжества и гордости, которыя до сихъ поръ дѣлали Югурту непобѣдимымъ. Во вторыхъ, скажу вамъ, что шамъ уже находится войско, которому известна вся страна, хотя къ сожалѣнію оно болѣе ознаменовало себя храбростію, нежели успѣхами, и претерпѣло великую потерю отъ корысполубія или невѣжества своихъ полководцовъ. Наконецъ обращаюсь къ вамъ, Римскіе юноши, для которыхъ оружіе легко и любезно; собирайтесь подъ мои знамена, снѣшите защитить опечеству, и не бойтесь несчастія, которое постигло вашихъ дру-

вей, ни гордости начальниковъ, копорой не найдете уже болѣе. Я самъ буду и вашимъ учителемъ и вашимъ псварищемъ во всѣхъ опасностяхъ похода и сраженій; вы не увидите ни въ чемъ разности между собою и мною. Надѣясь на помощь боговъ, ручаюсь вамъ за побѣду, добычу и славу. Но если бы онѣ были сомнительны, или въ оцѣнѣ не дѣйствовали на ваше сердце; по каждый добрый гражданинъ почтаетъ своимъ долгомъ повиноваться гласу призывающаго опечесива. Никто не сдѣлался безсмертнымъ въ обѣщаніяхъ праздности; ни одинъ отецъ не желаетъ, чтобы его дѣти не умирали, но чтобы умерли добрыми и храбрыми гражданами. Римляне! я могъ бы говорить болѣе; но слова не дѣлаютъ героями, а для храбрыхъ я сказалъ довольно.

Съ Латинскаго. Н.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Отрывокъ изъ Деллиевой поэмь:
Сады, или искусство украшать
сельскіе виды.*

(Поетъ сказавъ, что садъ есть картина, показывающъ, что въ ландшафтѣ должна быть изображена живая природа, дѣйствіе, движеніе; что живописецъ долженъ выбирать предметы, которые бы дѣйствовали на душу, трогали бы сердце.)

Въ картинѣ дѣйствіе поребно — безъ того
Задремлетъ праздный умъ: оно душа всего.
На мертвыя поля взираемъ мы безъ чувства;
Опять возмемъ въ примѣръ изящныя искусства,
И станемъ замѣчать, какъ живописца кисть
Одушевляетъ холстъ, вливаетъ въ краски жизнь.
Предметы движущія на полотнѣ недвижномъ:
Тамъ вихрь ломаетъ лѣсъ въ стремленіи по-
рывномъ,
Вотъ вьется дымъ изъ трубъ, тамъ слышенъ
бури свистъ,
Тутъ овцы съ яблони ощиываютъ листъ,
Тамъ пляски пастуховъ, свирѣли, хороводы:
Вотъ жизнь, вотъ дѣйствіе! Съ согласія при-
роды

Садите и кусты и гордые древа;
Пусть колыхается отъ вѣтра ихъ глава;
Прохладную ихъ тѣнь въ садахъ святыней
чтите,
Желѣзу оскорблять природу запрешите;

Она шворитъ и дубъ и вязъ красой лѣсовъ ;
 Отъ корня до сучковъ, отъ вѣтвей до листовъ,
 Все гибче, гибче ихъ она образовала,
 И рощу, какъ рѣку отъ вѣтра, взволновала.
 Я зрю невѣжество съ сѣкирою въ рукахъ...
 Бѣгите Нимфы рощу!.... нѣшъ помощи....
 о страхъ!

Неумолимые срубили верхъ красивый...
 Не видно, не слышатъ какъ вѣтерокъ игривый
 Перебирается сквозь вѣтвей ихъ, жужжитъ,
 И нѣгой утомясь, на ихъ листочкахъ спитъ;
 Однообразные, буздушные, холодны,
 Желѣзу дерева содѣлались подобны.

Видъ сельской есть ландшафтъ: пусть
 гордый лѣсъ шумитъ,
 Пускай струится лугъ, пускай простнякъ
 звенитъ;

Все, все бездушное въ садахъ одушевите,
 И даль предметами живыми населите.
 Пусть водопадъ реветъ, пускай журчатъ ключи,
 Пусть вьются по травѣ игривые ручьи.
 Все живо! синій лугъ, уступы горъ съ кустами,
 Дестрѣютъ, движутся, красуются спадами.
 Я вижу, тамъ коза на крутизнахъ скалы,
 Виситъ на воздухѣ межъ неба и земли;
 Я слышу ревъ быковъ, овецъ, ягнятъ бляенье,
 Зыкъ рога по горамъ и еха хохотанье.
 На жирной пажити, гдѣ ключъ съ холма бѣжитъ,
 Колѣна подогнувъ дебелий быкъ лежитъ;
 Межъ шѣмъ какъ гордый конь, стропивый,
 разъяренный,
 Трезубцемъ бога водъ для браней порожден-
 ный,
 Играетъ вокругъ него, бодръ, легокъ и красивъ;
 Или бѣжитъ къ рѣкѣ — и съ размаху вскочивъ.

Струи знакомыя съ храпѣньемъ возмущаешь ;
 Иль гриву длинную по вѣтру распущаешь ,
 Къ любовницамъ своимъ на паству онъ лешитъ ;
 Трясется пучный лугъ отъ попома копытъ ;
 Глаза его горятъ и дымъ съ ноздрей клубится ;
 Лешитъ — исчезъ — но взоръ мой въ слѣдъ
 за нимъ стремится .

Такъ вы безмолвное пространство населя ;
 Одушевили все : пустынные поля ,
 Дубравы мертвыя въ туманномъ отдаленьѣ ,
 Все ожило у васъ ; и все пришло въ движенье .

Желаешь ли ты взоръ сильнѣй очаровать ?
 Умѣй движенію свободы видъ придать ;
 Вотъ мой совѣтъ : границъ не означай ты саду ;
 Сломай , или хитрѣй закрой его ограду :
 Предѣлъ прекраснаго мой глазъ съ печалью зрѣтъ ;
 Гдѣ зрѣнью нашему надежда ужъ не льститъ ,
 Очарованіе и прелестъ исчезаетъ ;
 Тогда несытая душа моя мечтаетъ ,
 Что за преградою досадныя стѣны ,
 И виды и мѣста быть лучшіе должны ;
 Грущу , вообразя , что я цѣпями скованъ ;
 Тогда мой умъ смущенъ и взоръ разочарованъ .

Въ вѣкѣ грозный рыцарства былъ каждой
 сельской домъ
 Прикрытъ бойницами , вокругъ окопанъ рвомъ ;
 И каждой предокъ нашъ стѣнами огражденный ,
 Чтобы безопаснѣй жишь , жилъ такъ какъ за-
 ключенный .

Какую пользу намъ отграда принесетъ ,
 Котору создалъ страхъ , а гордость бережетъ ?
 Стѣнамъ , которыя стѣсняли наши взгляды ,
 Не лучше ли предпочесть колючія отгоды ;
 Зеленые валы , гдѣ робкою рукой
 Рвомъ розу дикую или крыжовникъ злой ?

Несносно скученъ садъ стѣсненный городъбою;
Оковы разорвемъ, и смѣлою спою
Въ свободный садъ вздохнушь свободно мы
пойдемъ;

Ерменовиль для насъ послужитъ образемъ.
Сады казались встарь бесплодными полями;
Засѣяны поля здѣсь кажутся садами.
Сидяща на высяхъ, отколь обѣмлетъ взоръ
Разспланные поля и рядъ далекихъ горъ,
Природа гению, какъ нѣжна мать, вѣщаетъ,
Черты некончанны докончить поручаетъ:

„Мой трудъ недовершенъ; кинь быспрый
взглядъ окрестъ,
„И будь вѣпорымъ творцомъ сижъ втуне спя-
щихъ мѣстъ;

„Ихъ отдаю тебѣ въ счастливое подданство,
„Да оживишь сіе молчащее пространство.“

Сквнчала — онъ летитъ въ пустынные мѣста,
Гдѣ въ мрачной дикости дремала краса;
Слегка обрисовалъ прелестныя каршины,
И осмотря луга, лѣса, холмы, долины,
Одно соединилъ, другое раздѣлилъ,
Сіе поставилъ въ видъ, а то искусно скрылъ;
Тамъ онъ раздвинулъ лѣсъ, а здѣсь навѣсилъ
тѣни;

И душу далъ всему; — но сей художникъ —
геній,

Какъ нѣкій чародѣй умѣя льстить глазамъ,
Не новые творитъ въ садахъ предметы намъ;
Онъ только старые съ разборомъ поправляетъ,
Черты природою начатыя кончаетъ.

Великъ — и мрачное сиремнистыхъ горъ чело,
Лишившись ужасовъ, улыбкой разцвѣло;
Покрылися цвѣтнымъ ковромъ пески сыпучи;
Великъ — суровой видъ теряетъ лѣсъ дремучій,
И на воды склонясь въ ихъ зеркало глядитъ;
Великъ — падуть древа — открылся новой видъ;

Ручей не ровно шекъ — онъ бѣгъ его исправилъ,
Прочистилъ озеро и битье ключи заставилъ.
Велишь дорожкамъ онъ и пропкамъ въ розъ
бѣжать,

Сходишься, путаешься, ищешь, соединяешь
Далеко по саду разбросанные части,
Кошорья досель невѣдомой имъ власти
Всеобладоуща искусства покоряешь,
Другъ съ другомъ сладкую почувствовали связь,
И прежде чуждые — составили едину,
Великолѣпную, всецѣлую картину.

Всейковъ.

~~~~~

На пляску Д. въ одномъ превосходномъ балетѣ.

Волшебствъ и красоты съ незнаемаго міра,
Не Фея-ль, ошдѣлясь, предстала предо мной,
Иль Флора вѣжная, любимица Зефира,
На злчные поля слѣпающа весной,
Иль Нимфа свѣшлыхъ водъ, прекрасна Данаида,
За кою бѣжишь въ воспоргъ Аполлонъ,
Иль юная сама, Любви мать, Киприда,
Евирозвѣздной имѣюща хитонъ?
Съ сей чудной быспрошой, съ сей легкостью
небесной,
Съ простыми смертными лѣшаешь предо мной,
Движеньемъ правишь хоръ гармоніи прелестной,
И Игры, Прелести вокругъ ее толпой!
Тосъ нею вѣбыспрошѣ чуть видимой кружашся,
То вдругъ, недвижные, свершивши быспрый
кругъ,
Съ лилейною рукой воздѣшы устремяся,

Прильнувшъ къ устамъ, къ груди! . . . съ снѣ-
 пами вьюпся вругъ! . . .
 Она, при громѣ струнъ, во гнѣвѣ и прещенъи,
 Богини предо мной являетъ грозный видъ,
 И въ выразительномъ, пропѣаномъ изсту-
 пленъи,
 О нѣжности любви съ улыбкою швердитъ! —
 О еслибъ я возмогъ, твоимъ владѣя даромъ,
 Очарованье лишь какъ ты, вокругъ себя;
 Съ какимъ бы сладостнымъ, кипящимъ въ серд-
 цѣ жаромъ,
 О дѣва юная! прославилъ я тебя! —

М. Милоновъ.

На смерть ея же.

Гдѣ ты, о юная подруга Терпсихоры?
 Вчера ты въ торжествѣ являлась предо мной;
 Вчера твои красы сѣрѣтали жадны взоры,
 Обвороженные чудесной быспрошой;
 Зефира легкаго и прелестъ и движенъе,
 Цвѣтѣ нѣжныя весны, сокрывшійся на вѣкъ,
 Вчера сѣрѣтала ты мой плескъ и удивленъе,
 Сегодня . . . встрѣпишь гробъ я раннѣй швой
 пришекъ! —

*

Когда средъ сонма Сильфѣ и рѣзвыхъ Ореадъ
 Дивился швоему искусству несравненну;
 Мечталъ ли, что тебя, весельемъ оживленну,
 На упрое окуешъ внезапной смерти жадъ?
 При взглядѣ на шебъ, средъ сладкаго помленъя,
 Мечталъ ли, чтобъ красы разцвѣтшія твои,
 Управивъ и хвалу и шайнства свои,
 Шполь рано погреблись въ обитѣли истлѣнъя?

О дѣва! можетъ быть, въ незнаньи, сей же часъ,
(Сокрытъ кончины мигъ) и я, тебѣ подобно,
У праха твоего изрекши стихъ сей скорбно,
Услышу и меня зовущій смерти гласъ!

М. Милоновъ.

1810 Янв. 15.

С. П. бургъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О календарѣ и о раздѣленіи времени.

Между безчисленнымъ множествомъ книгъ, которыми завалена обитаемая нами земная планета, ни для одной изъ столь великаго множества любопытныхъ, ни одну съ такимъ прилѣжаніемъ не читаютъ и не пересматриваютъ, какъ библію и календарь; и не безъ причины; ибо гдѣ найдете вы другую книгу, которая была бы полезна и вмѣстѣ безвредна обѣихъ выше упомянутыхъ? Можно бы написать огромной томъ о многоразличныхъ и частію до нынѣ еще неизвѣстныхъ пользахъ календа-

ри, подобно какъ наполнены уже цѣлыя библіотеки сочиненіями о библіи. Календарь есть потребность необходимѣйшая въ чертогахъ и въ крестьянской хижинѣ; въ станѣ военномъ и въ Божіемъ храмѣ; въ судилищѣ и въ караулнѣ; въ коншорѣ купца и въ будуарѣ щеголихи, вездѣ, во всѣхъ земляхъ и на всѣхъ моряхъ, для всѣхъ языковъ и для всѣхъ исповѣданій. Государю, полководцу; министру; надобенъ календарь при подписаніи рескриптовъ; повелній; опношеній; купецъ; госпожа и ея горничная заглядываютъ въ календарь для означенія мѣсяца и дня; первой на вексолѣ, а послѣдніи на записочкахъ; невольникъ, несчастный, заключенный въ оковы, по календарю считаеиъ протекшіе дни своихъ бѣдствій, и тѣ которые пережить еще ему ошалося. По календарю располагаются церковные праздники, полевая работа; путешествія на водахъ и на сушѣ; безъ сей маленькой книжечки невозможно было бы назначить и опредѣлить времени какъ для многочисленныхъ собраній; такъ и для свиданій съ глазу на глазъ, начиная отъ сборища Манарьевской ярмарки или Англійскаго парламента до иужныхъ переговоровъ любящейся пары. Есть правда люди, которые въ календарь заглядываютъ съ такимъ же точно намбрѣніемъ; съ какимъ нечисмой духъ иногда читають биб-

лю; но въ ешомъ сссшннпб новое неоспо-
римое доказательство всеобщаго употребле-
ненія сей книжки; и ежели мбсцб рав-
но свѣтитб для разбойника при гнусныхъ
умыслахъ сего изверга какъ и для набож-
наго спранника, идущаго ко святымъ мб-
стамъ на поклоненіе, шо календарь вовсе
невиноватб шбмб, что предсказываетб обо-
имб, въ какое время прссіаетб на небб ночное
свѣтило. Полезность сей общенародной книж-
ки признана всбми единогласно, шалб что
многіе люди единспвенно для шого и чи-
ташб научились, чпобы шолько умбшб
сб календаремъ посовбшовашб; или скажу
на оборотб: чпеніе календаря и мбсццо-
слова бываетб единспвеннымъ плодомъ ихъ
ученія. Теперь, кажется, всякой видитб
излишество штруда исчисляшб многоразлич-
ныя выгоды, отб календаря происходяю-
щія; но какъ сверхъ преимущесннбв сей до-
рогой книжки, всбмб или можетб быть
шолько аспрономамъ извѣстныхъ, есть еще
и шакія, о которыхъ не всякой думалб,
шо не излишнимъ почиается здбсь упо-
мянуть обб оныхъ.

Чаше говорится: *хорошо угадывать
по окончаніи дѣла*; поговорна сія почши
вошла въ пословицу, и нашлись насмбшнни-
ки, кошорые не посовбшенились ею извяс-
нать или опровергань самыя досшопочтен-

ныя предсказанія. Простой народъ обыкновенно почитаетъ невозможнымъ все то, чего онъ не понимаетъ, или что превосходитъ его силы, вовсе не предспавляя себѣ, что невозможное или шрудное для одного бываетъ для другого и возможнымъ и легкимъ; что одинъ видитъ муху сидящую на кровлѣ, между тѣмъ какъ другой неразличаетъ предметовъ далѣе своего носа, и что глубокой, образованной умъ предусматриваетъ многіе случаи, которыми глупо удивляется просыакъ, вовсе ихъ неожиданный. Причины и дѣйствія взаимно сдѣланы между собою подобно звѣнямъ цѣпи, и оспрой взоръ наблюдателя постигаетъ невидимую для другихъ связь перваго звѣна, ежели не съ штысячнымъ, по по крайней мѣрѣ съ шретымъ или съ четвертымъ. Мнѣ кажется, что никакая другая книга столько неудобна въ шеперешнее время недобѣрчивости возстановишь добѣрїе къ предсказаніямъ, какъ прославляемый нами календарь, которой самъ наполненъ различными предсказаніями, составляющими досповѣрнѣйшую часть изъ всего содержания. Вопреки обыкновенію прочихъ сочинителей, издашель сего (*) календаря и

(*) Сія спашья переведена изъ С. Пешербургскаго карманнаго Календаря на 1812 годъ, писаннаго на Нѣмецкомъ языкѣ. Т.

Академическаго С. Петербургскаго торжественно ручается за достовѣрность всѣхъ предсказаній, находящихся въ обоихъ календаряхъ упомянутыхъ, какъ-то о солнечныхъ и лунныхъ затмѣнїяхъ и такъ далѣе; но несмѣетъ поручиться за всѣ извѣстїя о происшествїяхъ, уже случившихся на водахъ и на сушѣ и предложенныхъ подлѣ слѣдующимъ заглавїемъ: *Хронологическое показаніе достопамятнѣйшихъ происшествій прошедшаго года.* . . .

Другое также мало извѣстнѣе преимущество календаря состоитъ въ томъ, что каждой изъ читательницъ найдеть въ немъ матерїю по своимъ понятїямъ. Хотя съ одной стороны весьма справедливо, что надобно быть прямо ученымъ человекомъ, дабы совершенно разумѣть всѣ части сей маленькой книжки; но съ другой стороны и самой даже весьма ограниченный въ познанїяхъ своихъ читатель найдеть въ ней много такихъ вещей, которыя будутъ для него и понятны и занимательны, и которыя подадутъ ему поводъ къ размышленїю, или можетъ быть еще и къ полезнымъ намбренїямъ. Календарь не походитъ на другїя книги, написанныя только для извѣстнаго круга читателей, и до которыхъ лучше совсѣмъ недопрогиваться тому, кто не заготовилъ себѣ многихъ предваритель-

ныхъ познаній: въ немъ каждому все вразумительно, когда на примѣрѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы узнать, въ какой день ѣхать къ имениннику отобѣдать, или когда посылать письма на почту, или когда надобно стричь волосы при новомъ мѣсяцѣ. Впрочемъ могутъ быть еще случаи въ важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ размышленіямъ. Ни одинъ хоть мало чувствительный человекъ не открываетъ новаго календаря въ первый разъ, или не бросаетъ въ уголъ спараго, безъ того чтобы внутренно не побесѣдовать съ самимъ собою, и сія бесѣда всегда имѣетъ хорошее дѣйствіе. „Еще „одинъ годъ моей жизни минулъ; еще одну ступенью приближился я къ тому „удиненному обипалищу, гдѣ уже никакіе „календари болѣе не надобны. Немогу опспуиить назадъ; но могу, спускаясь ниже, „наверснать то, что мною пренебрежено прежде; могу осушить слезы мною „огорченыхъ; могу залѣчить раны мною „нанесенныя; могу благопвореніями, или по „крайней мѣрѣ пощадою живымъ, примириться съ умершими, и проч.“ Каждой изъ насъ имѣетъ больше или меньше причинъ ежедневно чинать для себя подобное увѣщаніе; но поелику ежедневныя увѣщанія, будучи часто повторяемы, теряютъ силу свою и значительность, какъ обыкновенныя привѣщанія съ добрымъ упрямъ; то весьма

полезно имѣшь въ человѣческой жизни нѣ сколько такихъ спанцій, на которыхъ каждой изъ насъ слушаешь себя гораздо съ большимъ вниманіемъ, и для сихъ спанцій самую лучшую порою есть навечеріе новаго года, которое по всей справедливости можетъ веселымъ пированіемъ заключить шопъ, кпо прочитавши свое увѣщаніе, остался доволенъ собою.

Кромѣ сего общепользнаго употребленія, для всѣхъ возможнаго и необходимо нужнаго, есть еще такое, которымъ воспользоваться можетъ чинашель образованный, или по крайней мѣрѣ ищущій просвѣщенія. Каждой, своимъ собственнымъ опытомъ удостоверяющійся, конечно признается, что нѣтъ лучшаго способа приобрести основательнѣйшее свѣдѣніе о какомъ-либо предметѣ и шверже напечатлѣшь оное въ своей памяти, какъ метода учеными называемая аналитическою. Она состоитъ въ слѣдующемъ: когда услышавши въ разговорѣ или начитавши въ книгѣ незнакомое слово, мы желаемъ получить объ немъ ясное понятіе, и непрежде оспанавливаемся въ своихъ изысканіяхъ, пока не объяснимъ себѣ все, что вновь ни встрѣпилось намъ шемнаго при семъ изслѣдованіи, и пока не достигнемъ до перваго источника или до главнаго основанія. Раскрываю въ

Русскомъ календарѣ Декабрь, останавливаясь надъ двенадцатымъ днемъ сего мѣсяца, надъ днемъ прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ праздниковъ Русскихъ, и вижу имя святого *Слиридо́на*. Желая покороче узнать обстоятельство сего Угодника, нахожу, что онъ жилъ при *Константи́нѣ* Великомъ и его сынъ, что въ качествѣ Епископа Тримиунтскаго съ острова Кипра предпринималъ путешествіе въ Никею и присутствовалъ на тамошнемъ Вселенскомъ Соборѣ. Сколько вдругъ предметовъ отърывается моему любопытству! островъ Кипръ, вѣкогда знаменимый именемъ богини Пифоса, принадлежавшій Египтянамъ, Финикіянамъ, Персамъ, Грекамъ, Римлянамъ, Сарацинамъ, Крестоносцамъ, Венеціанамъ и наконецъ Туркамъ, завоеванный Ричардомъ, называемымъ Львиное сердце, и подаренный имъ Лузиньяну Королю Іерусалимскому, — островъ, по которому въ пишуль Сардинскаго Короля упоминается спрана, гдѣ Король сей ничего не имѣетъ, и по имени коего называются многія бочки вина, выжатаго совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Соборъ Никейскій, одинъ изъ достопамятнѣйшихъ во всей церковной исторіи, служитъ и теперь еще правиломъ, по которому опредѣляется у Христіанъ праздникъ Пасхи. А правленіе Константиново, важнѣйшими происшествіями богатое, утвержденіе Христіанской вѣры, упадокъ еднѣ-

наго Рима (Roma aeterna), сооружеиіе новой сподицы мїра при Восфорѣ Оряііі-свомѣ, судьба Ковстаншинополя и проч. ? Танимѣ образомѣ каждое число мѣсяца въ календарѣ подасѣтѣ любопышному читашелю поводѣ и научишя и провешти время въ приашномѣ упражнеиіи; ибо изѣ числа свяшыхѣ помѣщеныхѣ въ мѣсяцословѣ есѣтѣ и шакіе, коихѣ жизнь достопѣмяшше Спурїдоновой.

Сіе обстоятельство ведеѣтѣ насѣ еше къ одному преимуществу календаря, менѣ всѣхѣ прочихѣ изѣвѣстному. Для человекѣ образованнаго нигдѣ не можетѣ быше лучше и приашше, какѣ въ хорошемѣ общешѣ; а какое общество сравнише сѣ находящимся въ мѣсяцословѣ? Благонамѣренншй нелюдишѣ, возненавидѣвшшй проишки, подлые поступки и жестокости, коихѣ былѣ онѣ свидѣтелемѣ, и удалившшйсѣ въ уединенное убѣжище, примиряеѣтѣ сѣ родомѣ человекешкимѣ, обозрѣвая длинншй рядѣ 365 наршинѣ сѣ изображеніишми отличнѣйшихѣ мужей и женѣ, коими украшена галлерей года. Здѣсѣ видишѣ онѣ людей не шодшо добрыхѣ, но даже просїявшихѣ свяшосшїю жизни, и добродѣтелеми своими заслужившихѣ право на уваженіе попомштва. Завоевашели и просѣвшители человекешнаго рода, чудотворцы и мученики, за-

щитники людей и набожные опшельники, Цари и Папы, Архїепископы и дїаконы, Іудеи и Христїане пребывающѣ здѣсь въ шихомѣ согласїи, покоясь послѣ трудовъ и страда- нїй, или отдыхая на лаврахъ. Иногда ка- жется, что самое собдѣство ихъ распо- лагаемо было съ намбренїемъ, чѣобы по- дать намъ полезной урокъ шерпимости, научить насъ снисхожденїю въ чужимъ по- грѣшностямъ и мнѣнїямъ, и чѣобы возбу- дить въ насъ благочестивыя размышленїя. Вы видите въ Русскомѣ календарѣ Пророка Малахїя подлѣ семидесяти Апостоловъ, Греческую Царицу Ирину подлѣ сира- дальца Іова; въ Нѣмецкомѣ: Іонаана подлѣ Давида, Маршына Лупера подлѣ Маршына же Епископа, Θεодосїя подлѣ Дагоберта, Карла Великаго подлѣ пророка Самуида.

Сочинитель могъ бы еще высказать без- численное множество разсужденїй; но ему; въ счастїю, вспало на умъ, что иные захо- щяшѣ подумать, будѣно шворецъ календаря нарочно выхваляетъ товаръ свой; а онъ вовсе не имѣлъ сего намбренїя, ибо ему из- вѣстно, что для хорошаго вина нрѣшнуж- ды въ вѣвѣсѣхъ, и что помѣщенныя здѣсь разсужденїя не увеличатъ расхода въ кален- даряхъ ниже однимъ экземпляромъ. Онъ од- нако же и въ шомъ весьма швердо увѣренъ, что календарь, первая вышедшая изъ ши-

сненія книга, конечно будетъ печатаема и
 чишаема даже и тогда, когда ремесло авшор-
 ское совсѣмъ прекратится; въ тѣ счастли-
 выя времена всеобщаго покоя календарь для
 каждаго останеца книгою всѣхъ книгъ, по-
 добно какъ былъ Магометовъ Коранъ для
 премудраго Калифа Омара. И такъ по всей
 справедливости книга сія заслуживаетъ,
 чтобы на нее были написаны объясненія;
 и гдѣ же приличнѣ помѣстится разсужденіе
 о календарѣ, какъ не въ немъ самомъ?
 Теперь приступимъ къ дѣлу.

О годѣ. Въ древнихъ языкахъ и въ новыхъ,
 которые изъ нихъ сосшавились, слова озна-
 чающія годъ (*) заключали въ себѣ смыслъ
 обширнѣйшій; подъ оными разумѣли каждой
 астрономической періодъ, каждой кругъ пе-
 ченія, небеснымъ швомъ совершаемаго;
 отсюда многоразличіе въ годахъ, отъ ко-
 тораго не рѣдко происходили великія замѣ-
 шательства въ древней хронологіи. Мы сло-
 во годъ относимъ единственно къ солнцу,

(*) Въ Нѣмецкомъ языкѣ *Jahr*, отъ *year*,
aar, что на древнемъ готическомъ зна-
 чило *жатву*, ибо годы считали жатвами.
 Вѣроятно по той же или подобной причинѣ
 и Славяне годъ называли *лѣтомъ*. Во Фран-
 дузскомъ аннѣе происходитъ отъ *anneau*; а
 оба, кажется, начало свое получили отъ
annus. *Annulus*, кольцо.

въ сему источиву иеплоны и свѣта, и разумѣмъ подѣ овымъ по время, въ которомъ заключаючися осень, зима, весна и лѣто, и въ которое совершается весь кругъ хозяйственныхъ упражненій, какъ по звѣриной и рыбной ловли, земледѣлства, садоводства, винодѣлїя и проч. Ибо по истеченїи сего перїода опять начинается прежнїй порядокъ упражненій и наступаетъ та же долгота дня и ночи.

Въ древнѣйшія времена, когда дѣлаемыя надѣ небесными тѣлами наблюденїя ограничивались божествами дня и ночи, сперва замѣчено было, что наступаетъ почти та же погода и почти та же долгота дня послѣ двенадцатиразной перемѣны въ обыкновенныхъ явленїяхъ луны; такимъ образомъ получилъ свое начало *годъ лунный*, древнѣйшїй всѣхъ прочихъ и состоящїй изъ 12 мѣсяцовъ. А какъ отъ одного новомѣсячїя до другаго считается 29 дней, 12 часовъ, 44 минуты, 3 секунды, и поелику упомянутое количество времени двенадцать разъ умноженное составляетъ 354 дн. 8 ч. 48 м. 36 с.; то и весь лунный годъ состоялъ изъ 354 или 355 дней; онъ былъ въ употребленїи у всѣхъ народовъ древнихъ, и нынѣ еще Магометане и Евреи и проч. ведутъ по оному свое лѣтосчисленїе. Разность между симъ годомъ и истиннымъ *солнечнымъ* состоя-

ла въ 11 дняхъ, и ее неспрудно было при-
мѣнить скоро, а особливо по прошествіи
нѣсколькихъ лѣтъ, когда одинъ годъ опсѣлъ
отъ другаго цѣлыми мѣсяцами. Несмотря
на то, лунной годъ оставался въ употребле-
ніи, потому что важнѣйшія изъ устано-
вленныхъ въ древнія времена праздниковъ
имѣли отношеніе къ новомѣсячію; но въ
астрономіи и въ гражданскомъ общежитіи
введенъ былъ годъ солнечный, коего истин-
ное продолженіе сдѣлалось извѣстнымъ уже
въ позднѣйшія времена при исправнѣйшихъ
и точнѣйшихъ наблюденіяхъ астрономиче-
скихъ.

Первой шагъ къ продолженію года бы-
днями и къ составленію онаго изъ 360
дней, или изъ 12 мѣсяцовъ по 30 дней въ
каждомъ, сдѣланъ Египтянами, которымъ,
спустя потомъ долгое время, послѣдовали
и Греки. Но тѣ же Египтяне, болѣе не-
жели за 3000 лѣтъ передъ симъ, посред-
ствомъ слѣдующаго весьма простаго наблю-
денія нашли, что истинное теченіе солн-
ца совершается въ 365 $\frac{1}{4}$. Поелику непо-
движныя звѣзды суть единственные посто-
янные точки на небѣ, по каждому понятію,
что солнце совершило теченіе свое то-
гда, когда оно опять пришло въ прежнее
положеніе относительно къ какой нибудь
звѣздѣ неподвижной. Египтяне, чтобы опре-

дѣлится такое положеніе, замѣтили звѣзду, которая бывъ долго невидима по близости своей къ солнцу, въ отдаленіи отъ лучей его послѣ на самое короткое время являешся передъ восходомъ сего свѣшила; для того выбрали они Сиріуса, изъ всѣхъ звѣздъ прекраснѣйшую. Симъ вѣрнымъ средствомъ узнали они истинное число дней въ солнечномъ годѣ; и такимъ образомъ составился изъ 365 дней *годъ у Египтянь*, которой долго былъ у нихъ годомъ гражданскимъ и богослужебнымъ, хотя и узнали они, что къ истинному году еще одну четверть днѣ прибавить бы надлежало. До сего открытія дошли Египтяне слѣдующимъ образомъ: они примѣтили, что Сиріусъ по прошествіи четырехъ такихъ годовъ являлся уже не въ первый день, но во второй, черезъ восемь лѣтъ въ третій день и такъ далѣе, а черезъ 1461 годъ опять въ первый день года. Изъ того слѣдовало, что 1461 Египетскихъ годовъ, изъ 365 дней состоящихъ, равны были 1460 годамъ истиннаго солнечнаго круга, и что истинный солнечный годъ заключаетъ въ себѣ 365 дней съ четвертью.

Юлій Цезарь, бывши въ Египтѣ, узнавъ о семъ годѣ, и за 46 лѣтъ до рождешва Хрїстова ввелъ его въ календарь Римскій, такимъ образомъ что по прошествіи

трехъ годовъ изъ 365 дней состоящихъ всегда слѣдовалъ годъ високосный, къ которому прибавляемъ былъ одинъ день лишній. И такъ годъ въ $365\frac{1}{4}$ дней отъ имени своего учредишеля получилъ названіе *Юліанскаго*; нынѣ употребляется онъ только въ Россіи и въ Греческой церкви.

Долгота истиннаго года спановилась тѣмъ болѣе примѣшною, чѣмъ болѣе проходило времени; ибо мѣлкія ошибки показали въ совокупности весьма значительную разность, такъ что по числу дней, прошедшихъ между двумя или тремя тысячами весеннихъ и осеннихъ равноденствій, легко можно было въ точности опредѣлить истинное продолженіе года. Посредствомъ сего наконецъ найдено, что такъ называемый *пролическій годъ*, отъ котораго зависятъ перемѣны годовыхъ временъ, продолжается 365 дн. 5 ч. 48 м. 48 с. Но какъ дѣла общежитія недозволяющъ начинать каждой годъ 5 ю или 6 часами позже, то есть иногда съ утра, иногда съ полудня или съ вечера; то признано удобнѣйшимъ средство, которое употребилъ Юлій Цезарь, прибавлять къ четвертому году по одному цѣлому дню, тѣмъ болѣе что изъ остающихся излишнихъ 5 ч. 48 м. 48 с. почти 24 часа нарастають. Открылось, что 1508 годовъ, состоящихъ изъ 365

дней, равны 1507 истиннымъ годамъ солнечнымъ (разность только въ 41 минутъ) и что следовательно по прошествіи обыкновенныхъ 1507 годовъ, изъ 365 дней состоящихъ, надлежало бы прибавить еще 365 дней, чтобы въ численіи времени не опстать отъ солнечнаго печенія; или, скажу другими словами, въ числѣ 1507 годовъ долженствовало бы находиться 365 годовъ високосныхъ, то есть состоящихъ изъ 366 дней. Раздѣливши 1507 на 365, находимъ въ частномъ числѣ 4 года и 47 дней, послѣ котораго времени каждой разѣ надлежало бы прибавлять по одному дню. Но по Юліанскому календарю въ каждомъ четырехлѣтїю прибавляется одинъ день, а отъ того въ 1508 годахъ оказывается вмѣсто 365 дней приращенныхъ 377; следовательно излишекъ состоитъ здѣсь въ 12 дняхъ, и по сему же счету въ 1257 годахъ оказывающа 10 дней лишнихъ. И такъ, чтобы привести численіе времени въ надлежащую точность, надлежитъ изъ 1508 годовъ Юліанскихъ выбросить 12 дней, или 12 годовъ високосныхъ превратить въ простые.

Юліанской годъ принятъ Христіанскою церковію и положенъ въ основаніе пасхалии, которая на славномъ Никейскомъ соборѣ въ 325 отъ Р. Х. установлена та-

кимъ образомъ, что 21 число Марта, бывшее въ томъ году временемъ равноденствія, признано поспояннымъ весны началомъ. Но въ 1582, по есть спустя 1257 лѣтъ послѣ Никейскаго собора, какъ замѣчено у насъ выше, оказалось 10 дней лишнихъ; такъ что въ упомянутомъ году весеннее равноденствіе было уже не 21, но 11 Марта. И такъ дабы опредѣленіе Собора согласить на будущее время съ печеніемъ солнца, тогдашній Папа Григорій XIII установилъ: 1) въ 1582 году изъ Октября мѣсяца выбросить 10 дней, такъ чтобы послѣ 4го числа вдругъ считали 15е; отъ того упомянутый годъ имѣлъ въ себѣ только 355 дней, и въ послѣдовавшіе годы весеннее равноденствіе опять приходилось въ 21 день Марта; 2) хотя каждой четвертой годъ есть високосной, но каждому вѣковому году, которой по счислу такъ же четвертой, быть простымъ, а каждой 400й годъ, хотя и онъ такъ же вѣковой, почищать годомъ високоснымъ; и такъ приближавшемуся 1600 году надлежало быть високоснымъ, а 1700 му, 1800 му, 1900 простымы, 2000 му же опять високоснымъ. И поному сей *Григоріанскій* календарь или *новой стили* отъ 4 Октября 1582 по 28 Февраля 1700 передъ *Юліанскимъ* календаремъ или *старымъ стилемъ* шелъ впереди 10 ю днями, отъ 1700

до 1800 года 11 ю днями; отъ 1800 до 1900 будетъ идти впереди же 12 ю днями, а отъ 1900 до 2100 го 13 ю днями. И такъ правило Григоріянскаго календаря состоитъ въ слѣдующемъ. Каждое годовое число, которое не можетъ быть раздѣлено безъ остатка на 4, на примѣръ 1811, и каждое годовое число, которое не можетъ быть раздѣлено безъ остатка же на 400, на примѣръ 1800, показывающъ годъ простой, изъ 365 дней состоящій; напрошивъ того каждое число года раздѣляемое безъ остатка на 4, на примѣръ 1812, и опять каждое число года раздѣляемое безъ остатка на 400, на примѣръ 1600, показывающъ годъ високосный. По сему правилу въ каждомъ слѣ годовъ, сряду три раза, бываетъ не по 25 но только по 24 года високосныхъ, а въ четвертомъ столѣтїи високосныхъ годовъ 25; такимъ образомъ въ 400 годахъ Григоріянскихъ считается 97 годовъ високосныхъ, то есть 400 разъ по 365 дн. и сверхъ того 97 дней, что все составитъ 146,097 дней. Раздѣливши сіе число на 400, находимъ 365 дн. 5 ч. 49 м. 12 с. то есть продолженіе года, служащее основаніемъ для календаря Григоріянскаго. И такъ въ Григоріянскомъ годѣ оказывается 24 сек. лишнія; а изъ 24 сек. въ 3600 годахъ составляетъ одинъ день лишній, то есть по прошествїи 3600 г. одинъ день оказывается лишній.

Юліанской же годъ , изъ 365 дней и 6 часовъ соспояцій, избыпочествуетъ 11 минутами и 12 секундами, по еспь временемъ 26 разъ превосходящимъ 24 секунды. Слѣдственно хотя Григоріянскій годъ въ 26 разъ исправнѣе Юліанскаго, однакожъ и въ немъ еспь погрѣшность. Объ епомъ мы еще упоминаемъ послѣ.

Григоріянскій календарь немедленно введенъ былъ въ употребленіе во всѣхъ католическихъ государствахъ; но протестанты не хотѣли принимать сдѣланнаго Папою исправленія даже до 1700 года, а между тѣмъ еще одинъ лишній день прибавился. Въ семъ году приняты новой спиль протестантами въ Германіи, Голландіи, Даніи и Швейцаріи, въ 1752 году въ Англіи, въ 1753 году въ Швейцаріи. Изъ всѣхъ государствъ Европейскихъ нынѣ въ одной только Россіи употребляется старый спиль или календарь Юліанскій.

Сверхъ того по предписанію Юлія Цезаря, кошорой послѣдовалъ въ епомъ впрочему Царю Римскому и первому исправителю календаря Римскаго, Нумъ Помпелію, 366й день надлежало прибавлять не въ концу високоснаго года, но въ Февраль мѣсяцъ, и именно послѣ 23 числа, такъ что 24й день Февраля былъ собственно днемъ придашочнымъ.

Годъ начинался въ Римѣ вмѣстѣ съ зимнимъ поворотомъ солнца, или съ того дня, въ которой солнце начинаетъ подниматься выше на горизонтѣ надъ сѣверными землями. Но какъ по обыкновенію древнѣйшихъ Римлянъ, соединявшихъ годъ солнечный съ луннымъ, надлежало новой годъ начинать съ новомѣсячія, которое тогда было одною недѣлю позже солнечнаго поворота; но Юлій Цезарь установилъ начало Января 7 днями позже солнцестоянія, изъ которыхъ въ продолженіе времени до Никейскаго собора сосчиталось дней 10 или 11. И такъ Григоріанскій календарь начинается позже начала зимы 10 ю или 11 ю днями.

Погрѣшность Григоріанскаго календаря, какъ мы уже видѣли, состоитъ въ томъ, что онъ въ 3600 годахъ прибавляетъ одинъ день лишній, или что по прошествіи упомянушаго времени онъ отстаетъ однимъ днемъ отъ истиннаго года. Сія погрѣшность хотя весьма не значительна въ гражданскомъ употребленіи, ибо не прежде какъ черезъ 43200 лѣтъ или около 45000 году отъ Рождества Христова окажется 12 дней лишніхъ, подобно какъ теперь случилось съ календаремъ Юліанскимъ; однакожь при усовершенствованіи астрономическихъ познаній, коими отличаются въкѣ

нашъ , кажется неприличнымъ и въ общепити терпѣть неправильное счисленіе времени. Непопадываясь нареканію за педантизмъ , можно пожелать , чтобы , какъ во время Григоріева , всѣ Государя Европейскіе согласились не только принять календарь исправленный , но даже еще и вновь исправить оной соотвѣтственно шеперешнему соспоанію звѣздочесства , и ввести годъ или правило для високоса такое , которое *не почти* , какъ Григоріянское , *но совершенно* согласовалось бы съ небомъ. На сей конецъ сочинитель предлагаетъ слѣдующее правило , совершенно точное и весьма простое , хотя впрочемъ онъ знаетъ , что въ шеперешнее время , когда предстоитъ множество дѣлъ гораздо важнѣйшихъ нежели долгоша года и когда болѣе нужно заботиться о настоящемъ нежели о будущемъ , такое предложеніе останешся философическою мечшою.

Истинное продолженіе года , шо есть 365 дн. 5 ч. 48 м. 48 с. помноживши на 450 , получимъ 164,359 дней ровно безъ малѣйшаго недоспапка ; въ семъ количесствѣ будетъ 450 годовъ просыхъ , изъ 365 дн. соспоащихъ , и 109 дней , или 341 просыхъ и 109 високосныхъ. И шакъ , чтобы имѣть гражданской годъ во всемъ даже до секунды согласный съ астрономическимъ , надлежало бы распорядить ша-

нимъ образомъ, чшобы въ 450 годахъ было всегда 109 годовъ високосныхъ, или, для большей простоты правила, въ 900 годахъ 218 годовъ високосныхъ. А какъ по сему расположенію въ умноженныхъ чешырежды 900, или въ 3600 годахъ должно бышь 872 годамъ високоснымъ; по Григоріянскому же календарю въ 400 годахъ 97, и слѣдственно въ 3600 годахъ находилсъ 873 года високосныхъ: по и слѣдуетъ изъ нихъ выключить одинъ день, которой въ Григоріянскомъ календарѣ, какъ мы видѣли выше, нараспаеиъ на 3600 лѣтъ. Чшобы въ каждаыхъ 900 годахъ находилось 218 годовъ високосныхъ, надобно шолько вмѣсто 400 года, какъ то всегда бываетъ въ календарѣ Григоріянскомъ, дѣлать високосными годами 400й и 500й попеременно. Для шого можетъ служить слѣдующее правило. Вообще имѣеиъ годъ 365 дней; но каждай чешвершой годъ естъ високосный, изъ 366 дней сосшоящій; каждай 100й годъ естъ простой, за выключеніемъ 400го и 500го, которые должны бышь високосными. И такъ еслибъ шеперь, по прошешвіи 18 сполншій, слѣдовательно двухъ 900 годовыхъ періодовъ, былъ введенъ сейновой календаръ; по каждае годовое число, равно какъ въ календарѣ Юліянскомъ, дѣлимое безъ остатка на 4 показывало бы годъ високосной шолько съ симъ ограниче-

нѣмъ: каждой годъ вѣковой долженъ быть проснымъ, кромѣ тѣхъ только случаевъ, когда самое число сошень или когда оно же на 5 умноженное можетъ быть раздѣлено на 9 безъ остатка. По сему правилу всѣ вѣковые годы, равно какъ и всѣ числа годовъ недѣлимыхъ на 4 безъ остатка, были бы годы просные, за выключеніемъ слѣдующихъ годовъ високосныхъ: 2200го 2700го 3100го 3600го 4000го и проч. — Неприятно видѣть, что календарь нашъ невѣренъ, что онъ имѣетъ столько же исключеній сколько правилъ, и что въ немъ гнѣздишся почаций червь, съ каждымъ вѣкомъ увеличивающій его порчу. По симъ причинамъ календарь здѣсь предлагаемый заслуживаетъ нѣкоторое уваженіе; онъ не имѣетъ въ себѣ никакихъ другихъ неудобствъ, кромѣ тѣхъ, безъ которыхъ календарю гражданскому быть не можно, ибо иногда начинается годъ въ полдень иногда въ полночь; но сей же предлагаемый здѣсь календарь имѣетъ передъ всѣми другими то преимущество, что черезъ каждые 900 лѣтъ онъ приводитъ гражданскій годъ въ точную соотвѣтственность съ годомъ астрономическимъ.

(Продолженіе въ слѣд. Нум.)

О похвальныхъ словахъ Ломоносова (*).

Всеблагое Провидѣніе, по недовѣдомымъ судьбамъ своимъ, иногда являеть міру людей великихъ, предназначаемыхъ для внезапнаго и быспраго распросираненія чудесныхъ перемѣнъ въ порядкѣ духовной напуры. Такіе люди счастливо доспигають цѣли своей необыкновенными пушями. Они уклоняются отъ господствующихъ правилъ и мнѣній, преодолвають препяпства, и разливають вокругъ себя лучезарный свѣтъ новаго ученія. Испорія наувъ свидѣтельствуетъ, что часпо одна догадка служить основаніемъ такой мысли, отъ которой происекають безчисленныя слѣдствія.

Представимъ себѣ проспранный садъ, коего большая часшь лежить въ запусѣннїи: шамъ возносяща гордыя дерева, отъ небреженія одичавшія; здѣсь густо переплешіеся кустарники ждушъ руки прилѣжнаго домоспроишеля, коемой искусно умѣлъ бы опдѣлить засохшія вѣтви отъ здоровыхъ; индѣ возникають младыя лѣпоросли принужденно растуція на землѣ

(*) Изъ Разсужденія, читаннаго въ шоржественномъ собраніи Общества любителей Россійской Словесности.

имъ чуждой; въ другомъ мѣстѣ пестрѣютъ цвѣты между крапивою и пернѣемъ. Таковъ былъ верпоградъ Россійской словесности до временъ Ломоносова. Надлежало начертать новой планъ, испоргать, очищать, насаждать, устроивать, приводить все въ порядокъ. Великіе труды предлежали будущимъ дѣлателямъ; но какихъ можно было надѣяться успѣховъ безъ наставленій мудраго руководителя? Явился Ломоносовъ.

Уже водворены были въ Россіи науки историческія, филологическія, математическія; уже славились ученостію своею многіе Россіяне; чужестранцы, призванные попечительнымъ правительствомъ, прудились ревностно въ С. Петербургской академіи и по всей справедливости заслужили себѣ признательность учеными своими сочиненіями. Но всѣ человѣческія свѣдѣнія остаются почти бесполезными, когда кругъ дѣйствія ихъ искусно ограниченъ, и когда нѣтъ способа распространить ихъ въ народъ; а единственнѣе въ сему средствомъ служилъ языкъ опечесивенный, для каждаго вразумительный и каждому любезный. Латинской языкъ былъ общимъ письменнымъ во цѣлой Европѣ, въ средніе вѣки по вліянію Папской власти, а послѣ возрожденія наукъ попо-

му что онъ открывалъ сокровища просвѣщенной древности. Ученые люди необходимо должны были упражняться въ немъ со всею неупомимостію; скажу болѣе: Мураты и Еразмы даже блистали искусствомъ своимъ въ Липинскомъ краснорѣчїи. Но я спрашиваю: гдѣ науки принесли болѣе пользы; тамъ ли гдѣ знанія были исключительнымъ удѣломъ только людей ученыхъ, или тамъ гдѣ наслѣдованная отъ древнихъ и вновь приобретенная мудрость посредствомъ природнаго языка рассыпаема была для всѣхъ вмѣстѣ съ цвѣтами опечесшвеннаго краснорѣчїя? Когда новые языки доведены уже были до совершенства у разныхъ народовъ; тогда и польза наукъ и успѣхи словесности содѣлались общимъ достояніемъ. Познавши выгоды просвѣщенїя, и мы по необходимости должны учиться древнимъ и новымъ чужезраннымъ языкамъ, однакожъ не для того единственно чтобы чисто выражать на нихъ свои мысли (ибо въ епомъ успѣхи наши были бы мало полезны, а усилїя и тягостны и вредны), но чтобы приобретаемая посредствомъ чужихъ языковъ знанія распространять въ своемъ опечесшвѣ. Мы прежде всего упомянуть бы надлежало, что народъ независимый, могущесшвенный и знаменитый, упошребляющій свой собсшвенной языкъ во храмахъ молишвенныхъ и

въ домахъ своихъ, въ судилищахъ и въ спальнѣ военномъ, долженъ гордиться имъ, какъ швердою оградю своего благосостоянїя ; но рбчь моя клонится единшвенно къ пользѣ просвѣщенїя. Ломоносовъ будучи искусенъ въ Лашинскомъ языкѣ, на копоромъ сочинилъ онъ нѣсколько ученыхъ разсужденїй, постигъ великимъ умомъ своимъ, что гораздо славнѣе, быть законодателемъ и первымъ образцомъ въ словесности опечеспвленной, нежели смѣшаться въ толпѣ писателей ново - лашинскихъ, и что гораздо полезнѣе учить и восхищать безчисленное множеспво своихъ согражданъ, нежели быть вразумительнымъ только для ученыхъ.

Обозрѣвая исторїю випїйспва, я уже показалъ, въ какомъ состоянїи найденъ Ломоносовымъ языкъ Россїйскїй. Тогдашнїе ораторы и писатели безъ разбору упошребляли слова богослужебнаго языка и гражданскаго; проповѣди и учебныя сочиненїя песпрились венужными словами и фразами чужестранными ; правила Славянскої грамматики не могли служить руководствомъ для познанїя свойствъ языка Россїйскаго. Надлежало сперва опредѣлить различїе между словами книжными и упошребляемыми въ разговорахъ ; надлежало показать, въ какомъ случаѣ соединить должно одни съ другими, недѣлая спранный песпросы въ слогъ ; на-

длежало соспавити грамматическія правила, Все сіе Ломоносовъ исполнилъ, и такимъ образомъ утвердилъ языкъ на прочномъ основаніи. Одно правило объ употребленіи словъ соотвѣтственно стилю было бы доспапочною виною къ прославленію его безсмертнаго имени, хопя можетъ быть внезапная мысль подала ему случай къ сему важному открытію, подобно какъ упавшее съ дерева яблоко вразумило Невтона къ объясненію припягательной силы въ системѣ всемірной.

Вознамѣрившись разсмотрѣть похвалныя слова Ломоносова, я долженъ былъ упомянуть о заслугахъ его въ Россійскомъ языкѣ; ибо читая прекрасную прозу его, плѣняясь стройными и звучными періодами, удивляясь изяществу реченій, непроспительно было бы поперять изъ виду хопя на одну минушу, что самъ онъ былъ шворцемъ своего краснорѣчія. Правильному расположенію могъ онъ научиться въ школахъ; древніе и новые ораторы и латинская риторика преподавали ему наставленіе въ искусствѣ предлагать маперію свою такимъ образомъ, чтобы содержаніе рѣчи удобно напечатлѣвалось въ памяти слушапелей и читателей. Но и здѣсь неоспаваю безъ замѣчанія, что Ломоносовъ умѣлъ осперечься отъ пѣхъ зашѣдливыхъ подраздѣленій школьных, которыхъ

многосложностию своею затрудняютъ ходъ рѣчи. Мы увидимъ, какая простота въ порядкѣ, какая правильность въ частяхъ слова, и какая въ предложеніи ясность отличаютъ орапорскую прозу нашего вѣстїи. Но да будетъ мнѣ позволено еще остановиться надъ нѣкими пособіями, которыми онъ руководствовался въ незабвенныхъ трудахъ своихъ. Въ описаніи жизни его упомянуто, что находясь въ родительскомъ домѣ, онъ читалъ церковныя книги; вопль главной источникъ, откуда разумъ его почерпнулъ свои богатства. Нѣтъ сомнѣнія, что многихъ словъ онъ невыразумѣлъ; но слухъ его заблаговременно привыкъ уже къ прекраснымъ Славянскимъ выраженіямъ, которые навсегда остались въ его памяти, и коихъ смыслъ послѣ уже объяснился для него самъ собою. Смѣло утверждаю, что сіе, по видимому весьма неважное обстоятельство и отъ многихъ у насъ небрежимое при воспитаніи юношества, послужило основаніемъ учености Ломоносова. Посмотримъ далѣе на его упражненія и свѣдѣнія: прежде нежели объявилъ себя писателемъ, онъ постарался приобрести необходимо нужныя для того познанія; учился древнимъ и новымъ языкамъ, читалъ классическихъ авторовъ, занимался разными науками и даже художествами. Изъ примѣровъ, которые переводилъ онъ для своей Риторики,

изъ самыхъ похвальныхъ словъ, о которыхъ я говорилъ намбренъ, и вообще изъ всѣхъ его твореній очевидно открывается, что онъ любилъ тѣхъ древнихъ писателей, по которымъ всѣ новѣйше образовали свои дарованія, а отнюдь не прильпая къ мѣлочной словесности чужестранной, хотя и въ его уже время мода предписывала законы своимъ поклонникамъ, и заставляла ихъ почитать мишуру за чистое золото. Воспоманувъ о славѣ авшоровъ, онъ говоритъ: „Счастливы Греки и Римляне передъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо, хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки ихъ изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ опдаленныхъ вѣнахъ, слышенъ громвой голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ героев . . . Кто о Гекшорѣ чашаетъ безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Капилину? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровителемъ (*)?“

Вопрь куда успремлялъ онъ свое вниманіе; и всему ученому свѣшу извѣстно, что Ломосовъ не щетно произносилъ имена сихъ мужей великихъ! Такой человекъ зналъ

(*) См. О пользѣ книгъ церковныхъ.

истинную имѣ цѣну, и конечно по убѣжденію разума и по чувству сердца восхищался безсмертными ихъ произведеніями; онъ желалъ, чтобы и Россійская словесность могла подобными же хвалиться, желалъ и повспорилъ спрашную, непреложную истину, что съ паденіемъ природнаго языка не мало затмится слава всего народа (*). При такой увѣренности и обладая такимъ богатствомъ приобретенныхъ познаній, могъ ли онъ ослѣпиться ложнымъ блескомъ суемудрія, нерадящаго о благе опечесшвеннаго языка, могъ ли уклониться отъ истиннаго пути, ведущаго въ пользу и славу?

Въ Похвальномъ словѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (***) вишій прославляетъ доброты сея Государыни: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человеколюбіе, милосердіе и щедрость. Каждая добродѣтель показана въ особой части, и всѣ сіи части, искусными переходами соединенныя одна съ другою, составляютъ содержаніе похвальнаго слова. Изъ просьбы мысли, что всѣ обитатели Россіи веселятся въ день восшествія на Престола Елисаветы и прославляютъ

(*) Тамъ же.

(**) Произнесенномъ 1749 года.

ея благодаренія, Ломоносовъ умѣлъ соста-
 вить великолѣпное начало приступа, роско-
 шно убраннаго цвѣтами краснорѣчія, изоби-
 лующаго карпинами восхитительными и
 плѣняющаго службъ доброгласною полною
 періодовъ. Вишнѣя возноситъ съ собою слуша-
 телей до высоты недостижимой и показываетъ
 мысленнымъ взорамъ ихъ прекраснѣйшее зрѣ-
 лище. „Тамъ со благоговѣнїемъ предстоя ол-
 „тарю Господню чинъ священнѣйшій, съ куре-
 „нїемъ благоуханїй возвышающъ моливенные
 „гласы и сердце свое къ Богу о покрываю-
 „щей и украшающей церковь Его въ пиши-
 „нѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ
 „мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ
 „поржественные плески Россійскаго воин-
 „ства, показующаго свое усердіе къ благо-
 „получной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ
 „сошедши на праздничное пиршество градо-
 „начальники и граждане въ любовной бесѣдѣ
 „вспоминаютъ шруды Петровы, совершае-
 „мые нынѣ бодростію Августѣйшей ея
 „Дщери; индѣ по прошествїи плодоноснаго
 „лѣта, при полныхъ жнищахъ, ликуя ска-
 „чуютъ земледѣльцы, и просимъ но усерд-
 „нымъ пѣнїемъ Покровишельницу свою вели-
 „чаютъ. Тамъ плаватели покоясь въ безопа-
 „сномъ пристанищѣ, въ радости волненїе во-
 „споминаютъ, и сугубымъ веселїемъ день сей
 „препровождатъ; индѣ по проспаннымъ
 „полямъ Азійскимъ, разбѣзжая степные

„обитатели, хитрымъ искусствомъ спрѣ-
 „лы свои весело пускающъ, и показующъ,
 „коль они готовы усмирить ихъ на вра-
 „говъ своя Повелительницы.“ Обворожен-
 ный слушатель забываетъ, что предлагае-
 мыя описанія включены здѣсь единственно
 для наполненія приступа; такъ богатый
 мыслями витія умѣетъ дарованіемъ своимъ
 оправдать сухія и можетъ быть слишкомъ
 пренебрегаемыя правила риторики объ ис-
 кусственномъ распространеніи слова. По-
 смотримъ далѣе на ходъ и связь мыслей.
 Обитатели Россіи веселятся; Академія ра-
 дуется, приноситъ Благодарительницъ своей
 благодареніе, прославляя Монаршескія Ея
 добродѣтели. Такимъ образомъ витія довелъ
 насъ до своей маперіи. Казалось бы, что
 ничего уже болѣе не остается, какъ исчи-
 слять доблести Государыни; но Ломоносовъ
 находитъ возможность еще доставить намъ
 сладостное удовольствіе приличнымъ упош-
 ребленіемъ прекраснѣйшей риторической фи-
 гуры (*). Ни слушатели, ни читатели не
 возроптали бы на витію, когда бы онъ вы-
 разилъ мысль свою только сими словами: не
 буду говорить о великихъ подвигахъ Елиса-
 веты и о блистающей лѣпостѣ лица Ея, и
 поспѣшу представить душевныя Ея добро-
 ты. У несравненнаго Ломоносова сія мысль

(*) Прохожденія.

изъ малаго потока спановишся величественною рѣкою, гордо но спокойно плывущею между оплогими берегами. Внимайте чудесному его краснорѣчію.

„Для того описалъ бы я нынѣ вамъ
 „младаго Михаила, для спенанія и слезъ
 „прадѣдовъ нашихъ приемлющаго съ вѣн-
 „чемъ царскимъ тяжкое бремя поверженныя
 „Россіи, обновляющаго разсыпанныя стѣны,
 „сооружающаго разоренные храмы, собираю-
 „щаго распоченныхъ гражданъ, наполняющаго
 „расхищенныя государственныя сокровища,
 „исторгающаго корень богоотступныхъ хи-
 „щниковъ Россійскаго престола и Москву
 „отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ
 „исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ пре-
 „мудраго и мужественнаго Алексія, бодрымъ
 „своимъ духомъ ободряющаго Россію, начав-
 „шую пави двигашь свои мышцы, утвер-
 „ждающаго благополучіе подданныхъ спа-
 „сительными законами; полни военною на-
 „укою, церковь испребленіемъ ереси, про-
 „стирающаго побѣдоносный мечъ свой на
 „Сармацію, и Россіи издревле принадлежа-
 „щаго великаго княжества праведнымъ ору-
 „жіемъ Россіи возвращающаго; предспа-
 „вилъ бы я Петра именемъ великаго, дѣ-
 „лами большаго, вліянною себѣ отъ Бога
 „премудростію просвѣщающаго Россію и
 „мужествомъ вселенную устрашающаго,
 „единою рукою мечъ и скипетръ обращаю-

„Щаго, въ художествамъ проспирающаго
„Другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ монар-
„ховъ, трудами рабовъ своихъ превосходя-
„щаго, искореняющаго невѣжество, и науки
„насаждающаго, наполняющаго новыми пол-
„ками землю и моря новымъ флотомъ по-
„врывающаго, военныя свои законы соб-
„ственнымъ примѣромъ утверждающаго,
„и славу свою со славою отечества до не-
„бесъ возносящаго; начерталъ бы я въ
„умахъ вашихъ Героиню прекрасную, Авгу-
„стѣйшую Екатерину, среди варварскихъ
„набѣговъ, среди гремящаго оружія, среди
„шумящихъ ядеръ, непоколебиму духомъ,
„премудрому Государю премудрыя совѣты
„дающую, вѣнчаему потомъ его рукою, и
„пресвѣтѣнныя смертію предпріяшья дѣла
„многопрудившагося Россійскаго Геркулеса
„на рамена свои приемлющую: но слово
„мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и до-
„стойнствамъ Монархини нашея поспѣ-
„шаетъ; на нихъ единыхъ испощилъ всю
„свою силу, нечисляя подробно, но по-
„мо значившія представляя. Того ради
„неизображаю словомъ блистающія лѣпоты
„лица ея, являющія прекрасную душу,
„ни сановитаго возраста Монархини при-
„личнаго, ни величественной главы въ но-
„шенію вѣнца рожденной, ни устъ щедро-
„сти источающихъ, ни очей возрваніемъ
„оживляющихъ. Ибо ко всѣмъ человѣколю-

„бывая Государыня взоръ свой обращаетъ.
 „Всякъ видящъ, всякъ въ умъ своемъ изо-
 „бражаетъ, что такъ великій Пётръ об-
 „расталъ свои очи, взирая на обновляющую-
 „ся Россію; такъ произносилъ свой голосъ,
 „укрѣпляя воинство и ободряя къ трудамъ
 „подданныхъ; такъ простираетъ свою руку,
 „учреждая художества и науки, повелѣвая
 „устроити полки во брани и выводити
 „флоту въ море; такъ возвысилъ главу,
 „вѣвзая въ побѣжденные грады и попирая
 „поверженное непріятельское оружіе; столь
 „бодро шествовалъ, осматривая свои начи-
 „нающіяся стѣны, строящіяся корабли,
 „исправляющіяся суды, и среди моря со-
 „дна возстающія пристави и крѣпости:
 „не представляю вѣдшихъ Монархини на-
 „шей достоинствъ, но внутреннія душев-
 „ныя цѣнныя изобразишь пощусь Ея да-
 „рованія, копорыхъ лику предхождишь лю-
 „безное Богу, любезное челоукомъ благо-
 „честіе, крѣпкое ушверженіе государствъ,
 „красота вѣнцевъ царскихъ, непосыдная
 „надежда во брани, неразрывное соединеніе
 „челоуческаго общества.“

Описюда начинаешся описаніе благоче-
 стія, а въ слѣдъ за нимъ и другихъ мною
 выше упомянутыхъ доблестей Императри-
 цы Елисаветы. Исчисляшь ли мнѣ всѣ
 красоты сего похвальнаго слова, гдѣ вишь
 написанный чтеніемъ Цицерона и млад-

наго Плинія сыплешъ щедрою рукою цвѣты восхищающаго краснорѣчія? повпоряшь ли взыванія поржествующей Россійской Церкви къ пресвѣплому Жениху своего преспола, Церкви украшенной аки невѣспиа въ день брачный, блистающей порфиною и златомъ и показующей ему свое великолѣпие? напоминашь ли вѣщанія Россіи къ Елисаветѣ? представляешь ли живое изображеніе дочери Пепровой, со крестомъ въ десницѣ шествующей къ опечесному пресполу? Сравните прекраснѣйшія мѣста сіи, сравните обращенія, вопрошенія и другія фигуры нашего вишніи съ краснорѣчивѣйшими мѣстами у Римскихъ орашоровъ, и скажите, не славно ли бышь ученикомъ столь великихъ наставниковъ (*)? Повсюду ясно открываешся, что Ломоносовъ шелъ по слѣдамъ ихъ, руководствовался ихъ примѣрами и въ орашорскихъ движеніяхъ, и въ возвышенности мыслей, и въ выборѣ словъ, и въ доброгласномъ расположеніи періодовъ. Я могу показашъ мѣста, гдѣ онъ не только подражаетъ древнимъ, но даже заимствуетъ у нихъ мысли, присвоиваетъ ихъ посредствомъ разнообразныхъ измѣненій,

(*) Cicer. *Catil.* I. 7. Nunc te patria et cet. — *Verr.* VII. Ipse inflammatus scelere et cet. — *Catil.* IV. 6. Videor mihi hanc urbem videre et cet. — *Plin. paneg.* XVII. 1. 2. — *Cic. pro Mil.* c. 37. Vos, Albani tumuli et: cet.

и облакаетъ ихъ великолѣпною одеждою Россійскаго слова. Кто невидитъ Траянова панигиристиа, на примѣръ, въ слѣдующемъ начертаніи челолюбія Императрицы Елисаветы? „Когда возвышенная до полюкой „высопы власти и вельчества, кошорой уже „человѣческое могущество превзойши не можеть, крайнимъ къ подданнымъ своимъ „снисходительствомъ прѣвыше смертныхъ „жребія восходитъ (*).“ И далѣе: „опли- „чаешся челолюбивая Государыня наша „опъ великаго множества окружающихъ ея „подданныхъ не кичливымъ возрѣніемъ, не „уничтожительнымъ гласомъ, не спраш- „нымъ повелѣніемъ, но прекраснымъ вели- „чествомъ, тихою властію, благороднымъ „снисходительствомъ и нѣкоторою боже- „свенною силою вливающею несказанную „радость въ сердца наши (**). Обращаеш- „ся при врагахъ пресвѣтлаго ея дому не „ужасъ и шрепетъ (***), но крошкое чело- „любіе, привлекающая сердца всѣхъ ми- „лосць, и надежный спрашъ величества

(*) Cui nihil ad agendum fastigium superest, hic uno modo crescere potest, si se ipse submittit, securus magnitudinis suae. *Paneg.* c. 71.

(**) Unum ille se ex nobis, et hoc magis excelsit atque eminet, quod unum ex nobis putat. *Paneg.* c. 2.

(***) Obversabatur foribus horror et minae. *Pan.* c. 48.

„вѣрная любовь подданныхъ (*). Входящїе
 „въ него не озираются безпрестанно, стѣны
 „самыхъ ужасаясь, ниже шрепещущїя слышны
 „сомнительно проспираютъ; но предваряю-
 „щему ихъ веселїю едва въ слѣдъ успѣвая,
 „въ священныя Ея чертоги свѣшлымъ ли-
 „цемъ шествуютъ (**).“

Перейдемъ ко второму слову (***) , въ
 которомъ Ломоносовъ прославляетъ без-
 смертные подвиги Петра Великаго. То же
 богатство въ мысляхъ главныхъ и вспомо-
 гательныхъ, то же краснорѣчїе, то же ис-
 кусство въ расположенїи перїодовъ! Пома-
 занїе на царство Императрицы Елисаветы,
 говоритъ онъ, столько же дивно, сколько
 дивно было ея рожденїе, ознаменованное Пол-
 тавскою побѣдою. Вишїя нашъ тщатель-
 но ловитъ всѣ возможные случаи, позволя-
 ющїе ему воспользоваться спяжанїемъ любви-

(*) *Quanto nunc tutior, quanto securior eadem
 domus, postquam ejus non crudelitatis, sed amo-
 ris excubiis, non solitudine et claustris defendi-
 tur? . . . Discimus experimento, fidelissimam esse
 custodiam principis ipsius innocentiam. Сар 49.*

(**) Сїи и подобныя имъ слова могли имѣть
 особое дѣйствїе надъ тѣми, которые
 помнили Бирона. Плиній гораздо явственнѣе
 показываетъ разность между Траянѣмъ и
 его злыми предшественниками. Смощри сар.
 48 и 49.

(***) Оно произнесено 26 Апрѣли 1755.

мыхъ образцовъ своихъ. Къ самому началу приспуга онъ умѣлъ привязать любезную для слушапелей своихъ мысль Плинїеву: „Хотя бы еще кому сомнишельно было, опъ „Бога ли на земли обладатели поспавляющ- „ся, или по случаю державы доспигающъ; „однако единымъ рожденїемъ великїя Госу- „дарыни нашея увѣриться о томъ дол- „жно, видя, что она уже тогда избрана „была владычешповать надъ нами (*).“ Счастливыя событїя предвозвѣстили Елисаветъ вспуленїе на прешоль опеческїй; принявши скипетръ, она спасла и возвысила Россїю, слѣдешвенно сдѣлалась истинною наслѣдницею дѣлъ и похвалъ Пешровыхъ, слѣдешвенно похваляя Пешра похвалимъ Елисавету. Таковъ порядокъ приспуга. Благодарный вишїя вмѣсто того чтобы хвалишь виновницу празднештва, вознамѣрился прославляшь подвиги безсмертнаго ея родителя, и предлагаетъ сначала о важнѣйшихъ дѣлахъ его, потомъ о преодолѣнныхъ *препятствахъ*, наконецъ исчисляешъ и описываетъ его *добродѣтели*. Здѣсь по свойству маперїи необходимо надлежало допустить подраздѣленїя, и гово-

---

(*) У Плинїя: *Ac, si adhuc dubium fuisset, forte casuque rectores terris, an aliquo numine darentur, principem tamen nostrum liqueret divinitus constitutum. Paneg. I.*

ришь о каждомъ порознь; и такъ по расположенію нашего орапора къ *дѣламъ* Петровымъ принадлежишь во первыхъ распространеніе наукъ въ Россіи, во вторыхъ военные подвиги на сушѣ и на моряхъ, въ третьихъ гражданскія учрежденія; вторая часть гораздо короче: въ ней упоминаются *прелестства*, внутри и внѣ опечесства предстоящія великому преобразителю, и счастливо преодоленные его *доблестями* (переходъ къ третьей части): благочестіемъ, премудростію, великодушіемъ, мужествомъ, правосудіемъ, крепостію, трудолюбіемъ. Всѣ сїи добродѣтели разсмотрѣны и показаны въ величїи сїяніи. Въ расположеніи частей замѣченъ недостатокъ полноты и соразмѣрности; употребленные по необходимости подраздѣленія опнимають отъ сего похвальнаго слова то преимущество простоты и легкости въ ходѣ, которыми отличаетъ первое. Несмотря на то, и здѣсь талантъ Ломоносова является въ лучезарномъ блескѣ своего величїя, и здѣсь цвѣтны краснорѣчїя, сему роду словъ приличнаго, рассыпаны щедрою рукою, и здѣсь неменѣе видны умъ образованный правилами хорошей школы. Посмотрише, съ какою смѣлостію вѣтъ нашъ оушевляетъ науки: „Тогда математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйствѣ и волшеб-

ваніе вѣнченному, уже одѣянному порфи-
рою, увѣнчанному лаврами и на монарше-
скомъ престолѣ посажденному, благоговѣй-
ное почитаніе въ священной Петровой
особѣ приносилось. Таковымъ сіяніемъ ве-
личества окруженныя науки и художества
всякаго рода какою принесли намъ поль-
зу, доказываютъ избыточествующее из-
обиліе многоразличныхъ нашихъ удоволь-
ствій, копорыхъ прежде великаго Россіи
Просвѣщенія предки наши не только
лишались, но о многихъ и понятія не-
имѣли.“ Еще представляю вамъ примѣръ,
съ какимъ движеніемъ сердца орапорѣ упо-
минаетъ о военныхъ подвигахъ великаго Ге-
роя, и съ какимъ искусствомъ употреб-
ляетъ фигуры, приличныя столь сильному
чувству. „Взирая иѣкогда Сенаціѣ Римскій
на Траяна Кесаря, спящаго предъ Кон-
судомъ для принятія отъ него Консуль-
скаго достоинства, возгласилъ: *Тѣмъ тѣмъ*
болѣе, тѣмъ тѣмъ величественнѣе! Ка-
кія восклицанія, какіе плески Петру Ве-
ликому бышь должны были для его
безприкладнаго снисхожденія? Видѣли, ви-
дѣли ошцы наши вѣнчаннаго своего Госуда-
ря не въ числѣ кандидатовъ Римскаго Кон-
сульства, но межъ рядовыми солдатами,
не власи надъ Римомъ пребующаго, не
подданныхъ своихъ мановенія наблюдающа-
го. О вы мѣста прекрасны, мѣста благо-

„получны, копорыя поль чуднымъ зрѣнїемъ насладились! о какъ вы удивлялись, дружественному неприязельству полковъ единого Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! о какъ вы удивлялись осадѣ и проч.“
 Ничего нѣтъ скучиве холодныхъ восклицанїй, напянушихъ фигуръ и принужденнаго удивленїя; здѣсь напрошивъ того все встпати, все у мѣста. Могъ ли Ломоносовъ говорить спокойно о безпримѣрномъ дѣянїи самодержавнаго Царя, приемлющаго на себя званїе проспаго воина?

Разсматривая сїе похвальное слово, еще нахожу мѣста, гдѣ Ломоносовъ переводилъ Шлиня. Сходство въ добродѣтеляхъ чело- вѣколюбиваго Траяна и безпримѣрнаго Петра заставило нашего випїю брать не только краски, но даже рисунокъ у древняго пани- гириста, копората всякой узнаетъ въ слѣдующемъ опривѣ: „Часто межъ поддан- ными своими просто обращался, неимѣя великаго и монаршеское присутствїе по- казующаго великолѣпїя и раболѣпства. Часто пѣщему свободно было просто вспрѣ- шиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, за- чать рѣчь, кому потребуется (*). Мно- гихъ прежде Государей рабы на плечахъ,

---

(*) Liberum est, ingrediente per publicum prin- cipe, subsistere, occurrere, comitari, praeterire;

на головахъ своихъ носили; Его снисхожде-
 ніе превознесло выше самихъ Государей (*).“
 Или: „Свѣтъ сравню Великаго Государя!
 „я вижу въ древности и въ новыхъ време-
 нахъ обладателей, великими названныхъ. . .
 „иной завоевалъ многія государства; но
 „свое отечество безъ призрѣнія оставилъ.
 „Иной побѣдилъ непріятели, уже великимъ
 „именованнаго; но свѣтъ обѣихъ сторонъ про-
 „лилъ кровь своихъ гражданъ ради одного
 „своего чesполубія, и вмѣстѣ триумфа
 „слышалъ плачь и рыданіе своего отече-
 „ства и проч. (**).“ Слѣдующая высокая
 мысль, украшенная въ Русскомъ переводѣ
 вдохновеннымъ изреченіемъ Царя Псалмопѣв-
 ца, также взята изъ Плинія: „Часто раз-
 мышлялъ я, каковъ Тотъ, Которой всеиль-
 нымъ мановеніемъ управляешь небо, зем-
 лю и море; дхнеть духъ его и потекутъ
 воды; прикоснешся горамъ и воздымятся.
 Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ пред-

---

ambulas inter nos, non quasi contingas: et co-
 piam tui, non ut impies, facis. Haeret lateri
 tuo quisquis accessit. . . . Pan. c. 24.

(*) Illos ergo humeri cervicesque feruorum super
 ora nostra; te fama, te gloria etcet. *Ibid.*

(**) . . . Enituit aliquis in bello, sed obsoleuit
 in pace: alium toga, sed non arma honestarunt;
 reuerentiam ille terrore, alius amorem humani-
 tate captauit: ille quaesitam domi gloriam, in
 publico: hic in publico partam, domi perdi-
 dit. Pan. c. 4.

„писанъ! Божества постигнуть не могутъ!
 „обыкновенно представляють его въ человѣ-
 „ческомъ видѣ. И такъ ежели человека,
 „Богу подобнаго, по нашему понятію, най-
 „ши надобно, кромѣ Петра Великаго нео-
 „брѣшаю (*).“ Примѣтно, что Ломоносову
 предстояли ощутительныя неудобства къ
 приличному выраженію сей мысли въ своемъ
 похвальномъ словѣ.

Кажется, что видѣя неизмѣль времени
 обработать сіе похвальное слово съ тайнымъ
 щипаніемъ, какъ первое, въ которомъ и слоги
 правильнѣе и ходъ мыслей ровнѣе, и вооб-
 ще тонъ краснорѣчія выдержанъ удачнѣе.
 Здѣсь Ломоносовъ иногда повпоряетъ одну
 мысль, которая ему понравилась (**); ино-

(*) Saepe ego mecum P. C. tacitus agitavi, qua-
 lem quantumque esse oporteret, cujus ditione
 nutuque maria, terra, pacis, bella gererentur:
 quum interea fugenti formantique mihi prin-
 cipem, quem aequata diis immortalibus potestas
 deceret, nunquam voto saltem concipere succur-
 rit similem huic, quem videmus. *Ibid.*

(**) На прим. „Монархи ни чѣмъ такъ величе-
 „ства, славы и высоты своего достоинства
 „прирастить не могутъ, какъ подобнымъ
 „сему низхожденіемъ“ . . . „ . . . возвеличенъ
 „преславными дѣлами; но все сіе больше без-
 „прикладнымъ низхожденіемъ умножилъ,
 „украсилъ.“ „Его низхожденіе превознесло
 „выше самихъ государей.“

гда низко опускаешься съ высоты слога (*); иногда, хотя и весьма рѣдко, упопреляешь слова и обороты! иностранныя, которыхъ избѣжать бы можно (**). Несмотря на то, смѣло утверждаю, что Ломоносова слогъ есть образцовый въ родѣ краснорѣчія великолѣпнаго, роскошнаго, цвѣтущаго. Ему должно подражать въ хорошихъ мѣстахъ, которыхъ весьма много и въ которыхъ до нынѣ еще никто съ нимъ не сравнился, а не въ посредственныхъ и слабыхъ, которыхъ въ Ломоносовѣ очень мало и которыхъ находить можно у всѣхъ превосходнѣйшихъ писателей. Идущіе по слѣдамъ Ломоносова прибли-

(*) На прим. „Того ради гвардія и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною, ра-„спустивъ знамена и ударивъ въ барабаны, „въ Россію возвратилась.“ Или: „я вижу въ „древности и въ новыхъ временахъ облада-„телей великими названныхъ. И правда „предъ другими велики; однако предъ Пет-„ромъ малы.“ Или: „за великія къ отече-„ству заслуги названъ онъ отцемъ отече-„ства. Однако малъ ему титулъ.“ Или: „обучишь новому аршикулу.“

(**) На прим. „Даюшъ хребетъ Россійскому „войску.“ Или въ первомъ словѣ: „обращает-„ся при врагахъ пресвѣплаго ея дому не „ужась и пренетъ но . . .“ также: „обра-„щающся предъ нами живо Ея сладчайшія „уста . . .“ или: „ничто есть поль по-„хвально, какъ“ . . .“ Или во второмъ словѣ: „войско къ регулярству привыкшее! . . .“

жапся къ совершенству въ Россійской словесности ; проложенной имъ пущь небольшошаеъ свѣщающимися огнями и обманчивыми призраками, которые иногда неоспорочныхъ и легкомысленныхъ пущниковъ приводящъ ко благу невѣжества. Писатель украшенный необыкновеннымъ даромъ разума и слова, обогатившій себя обширными и многообразными познаніями, щательно упражнявшійся въ исторіи и словесности своего опечества, избравшій учипелями своими не современныхъ чужестранцовъ, легкимъ опроуміемъ и минувнымъ блескомъ отличающихся, но тѣхъ безсмертныхъ мужей, коихъ память освящена удивленіемъ попомства, такой, говорю, писатель имѣетъ право на довѣріе своихъ согражданъ, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ непоспигали и нечувствовали изящества его слога. Извѣсны предубѣжденія чужестранныхъ писателей о Россіи; несмотря на шо Французъ Томасъ въ своемъ Опытѣ о похвальныхъ словахъ почти нехотя хвалищъ дарованія Ломоносова, дѣлающаго, по его же словамъ, великую честь своимъ одоземцамъ. Томасъ предлагаетъ для примѣра нѣкоторые опрывки изъ вшораго похвальнаго слова, и признается, что въ нихъ есть истинное, благородное краснорѣчіе. Онъ могъ видѣть въ Ломоносовѣ шолько красоты общія всѣмъ языкамъ; но могъ ли онъ оцѣнить

достойно незабвенныя заслуги отца Россійскаго краснорѣчія? . . . К.

III. КРИТИКА.

О древней Русской монетѣ.

Въ № 8 Вѣстника напечатано извѣстіе о древней монетѣ, которую Г. Профессоръ Харьковскаго Университета Успенскій почитаетъ Русскою, дѣланною въ правленіе В. К. Владиміра Великаго, слѣдственно въ X, или по крайней мѣрѣ во второмъ десятилѣтіи XI вѣка. На одной сторонѣ сей монеты изображенъ крестъ, ушвержденный на основаніи, соспавленномъ изъ двухъ не равной длины выпуклыхъ линей; по обѣимъ сторонамъ онаго двѣ почки. На другой сторонѣ буква В.

Г. Успенскій заключаетъ, что крестъ на особомъ подножіи ушвержденный знаменуетъ, что Владиміръ ушвердилъ въ Россіи Хрїстіянскую Вѣру. Крестъ и двѣ почки означаютъ три главнѣйшія Богословскія добродѣтели: Вѣру, Надежду и

Любовь, ш. е. крестъ означаетъ Вѣру, а двѣ почки другія двѣ добродѣтели. Буква В знаменуетъ имя Владиміра, или Васи-лія, какъ онъ нареченъ во Св. крещеніи.

Въ довазательство, что монета сія есть почто Русская, г. Успенскій говоритъ: 1. е. Что хотя много случалось ему видѣть древнихъ иностранныхъ монетъ съ изображеніемъ креста и буквы В, но ни одной съ подобнымъ изображеніемъ и съ подобною буквою онъ не видалъ. 2. е. Что самое положеніе креста ушверждаетъ его догадку. 3. е. У него есть другая монета, совершенно сей подобная, но на другой спорнѣ оной ясно видны буквы Л Я, которыя не походятъ ни на Греческія, ни на Римскія, но суть почто Славянскія. Буквы сіи, по мнѣнію г. Успенскаго, означаютъ первая достоинство монеты, а вторая имя Князя. Въ XI вѣкѣ, говоритъ г. Успенскій, названія *деньга*, *монета*, были неизвѣстны въ Россіи; тогда знали названія Греческихъ монетъ: *лелта*, *драхма*, и пр., а по сему и полагаютъ, что буквы Л Я значатъ *лелта Ярославля*.

Не взирая, говоритъ г. Успенскій, на согласное происхожденіе мнѣніе, что въ Россіи металлическую монету начали дѣлать въ XV вѣкѣ; въ мѣшійшія времена основа-

пельно доказано, что Русскіе имѣли оную гораздо прежде, и въ семъ ссылаеся на Опытъ историческаго изслѣдованія о древности въ Россіи монеты, гдѣ упомянуто о монетахъ даже В. К. Ольги и Святослава. Если, продолжаетъ г. Успенскій, при Ольгѣ и Святославѣ дѣлали монету, то непременно продолжалось сіе и при ихъ преемникахъ, и наконецъ, если взять въ разсужденіе время и обстоятельство княженій Владиміра и Ярослава, сношенія и связи ихъ съ Греками, и припомнимъ, что они получали изъ Греціи всякихъ художниковъ; то не лзя сомнѣваться, чтобы въ числѣ ихъ не было и денежныхъ мастеровъ, какъ людей необходимо нужныхъ въ благоустроенномъ государствѣ, какова была тогда Россія. Сіи художники, дабы снискавъ у Владиміра; яко у новообращеннаго въ Вѣру Государа и его преемниковъ, болѣе оной покровительства, а можетъ статься, чтобы и польстивъ самолюбію Государей, изображали на монетахъ разные главнѣйшія относительно Вѣры изображенія.

Исторія неоспоримо доказываетъ намъ, что Славяне и Руссы, въ самой глубокой древности, обладали великими сокровищами. Счастливые походы Олега, Игоря и Святослава еще болѣе обогатили Россію и вкупѣ

оную прославили. Торговля Руссовъ; близкое сношеніе ихъ съ Греками, а наипаче въ первые годы принятія Вѣры хрістіянскія, подтверждаютъ догадку г. Успенскаго, что въ числѣ всякаго рода художниковъ, Владиміромъ изъ Греціи полученныхъ, были и денежные мастера. Все сіе убѣждаетъ въ шой истинѣ, что монеты едва ли не получили бытія въ Россіи вмѣстѣ съ принятіемъ Вѣры хрістіянскія, хотя Несторъ о томъ и не упоминаетъ. Доселѣ было общее мнѣніе, что монету начали бить въ Россіи не прежде XV вѣка; но опысанная Гр. А. И. Музинымъ-Пушкинымъ монета Ярослава (рисунокъ и описаніе которой издалъ А. Н. Оленинъ) и найденный въ Кіевскихъ пещерахъ пробный вѣсѣ, явно опровергнули сіе мнѣніе, и доказали, что монета была бита въ Россіи еще въ XI и XII вѣкахъ. Если монета существовала при Ярославе, то почти нѣтъ никакого сомнѣнія, что она была и при Владимірѣ; ибо войдя въ близкое и дружественное сношеніе съ Греками, принявъ ихъ Вѣру, допустивъ ихъ священноначальниковъ и учителей, по совѣтамъ которыхъ управлялось Государство, почти невѣроятно, чтобы сіи учителя, по сущей необходимости, не вселили Владиміру мысли о битіи собственной мезаллической монеты; но доколѣ не опыщется монеты тѣхъ временъ, которая

бы служила непреложнымъ доказательствомъ сего предположенія, такъ какъ монета Ярослава, доколь сіе будетъ оставаться только предположеніемъ, на вброшенныхъ догадкахъ основаннымъ.

Для чести Русской Нумизматики я желаю отъ добраго сердца вришь, что монета г. Успенскаго есть точно Русская и принадлежишь ко временамъ В. К. Владиміра Великаго; но для удостовѣренія въ семъ пребуду яснѣйшихъ доводовъ и доказательствъ убѣдительнѣйшихъ. Изображеніе креста и буквы В недоспаютчны для убѣжденія. Таинственный смыслъ утвержденія Вры христіанскія, чрезъ посредство креста на основаніи утвержденного, весьма вброшенъ, но есть не что иное какъ догадка; при томъ же по одному сему изображенію не лзя еще признашь сей монеты Русскою, когда и самъ г. Успенскій сознается, что на древнихъ монетахъ другихъ государствъ находящяся такія же изображенія. Я умолчу о двухъ почкахъ, по споронамъ креста находящихя. Означающъ ли онѣ Надежду и Любовь, или что другое, или вовсе не значащъ ничего и поставлены безъ всякаго намѣренія — извяснить сего съ опредѣлительною точностію не возможно. — Положимъ, что буква В имѣетъ видъ Славянскій; но кѣмъ ника-

ного сомнѣнiя и въ томъ, что первоначальныя буквы Славянскiя, заимствованныя изъ Греческой азбуки, имѣли съ оными величайшее сходство и теперь еще имѣютъ весьма много, не взирая на всѣ измѣненiя обоихъ языковъ. Споймъ только взглянушь на Греческую и Славянскую азбуки, чтобы въ томъ удостовѣриться. Альфа, Вина, Дельта и проч. неимѣютъ ли весьма близкаго сходства съ нашими Азомъ, Веди, Добро и въ образѣ писанiя и въ произношенiи? Помнится, Шлецеръ говоритъ объ одной Греческой лѣтописи, что буквы оной столько походили на Славянскiя, что при первомъ взглядѣ казалось, будто она писана по-славянски. Кругъ говоритъ, что Греческiе солиды, хранящiеся въ собранiи монетъ въ Ермишахъ, могли бы даже заставить думать, находящимися на оныхъ буквами, что они дѣланы въ Россiи.

Г. Успенскiй ссылается на Опытъ историч. излѣд. о древ. монеты въ Рос. Государствѣ, гдѣ упомянуто даже о монетѣ Ольги и Святослава. Оспывая должную справедливостъ сочиненiю сему, а паче усердiю сочинителя къ отечественной Исторiи, я долженъ однакожъ признаться, что не во всѣхъ его предположенiяхъ съ нимъ согласенъ. Монета совокупнаго Княженiя Ольги и Святослава, по мнѣнiю моему, под-

вержена большому сомнѣнію. Ибо 1е изображение мужчины и женщины не доказываетъ еще, чтобы оно было почто изображение Ольги и Свяшослава. 2е. Сочинитель Опыта сознается самъ, что слова на сей монетѣ были не почто Славянскія, но только близкія къ истинѣ. 3е. На скипетрѣ въ рукахъ женщины находящемся изображенъ крестъ. Если Ольга, по словамъ Нестора, даже пресвитера содержала тайно (*), то можно ли предполагать, чтобы она на монетѣ изобразила себя съ крестомъ? Если числительная буква с̄, какъ Сочинитель Опыта утверждаетъ, есть почто Русская, и если дозволено при семъ случаѣ употребить догадку, то можетъ быть монета сія (или медаль) выбита была въ честь Ольги во время пребыванія ея въ Царѣградѣ, хотя впрочемъ и не знаю, что могла бы означать числительная буква с̄ (200)? Но по сему не слѣдуетъ еще заключать, чтобы сія монета была Русская.

Что касается до другой монеты, о которой г. Успенскій упоминаетъ, она имѣетъ болѣе вѣроятности, но только вѣроятности, а не правдоподобія. Не знаю, назывались ли когда въ Россіи деньги лептами; названіе сіе упоминается въ Свя-

---

(*) Бѣ бо имуци пресвитера въ тайнѣ. Кнѣсб. сп. 56.

ценномъ Писаніи по переводу съ Грече-
скаго; но монета Гр. А. И. Мусина-Пуш-
вина имѣетъ явственную надпись: *Яро-*
славле сребро. . . .

Вопъ мои сомнѣнія. Можешь бышь я и
ошибаюсь; скажу болѣе: даже желалъ бы я,
чтобы въ семъ случаѣ ошибался; но шѣмъ
не менѣе надѣюсь, что г. Успенскій не
оскорбится сими замѣчаніями. Предметъ
полюбой важности требуетъ изслѣдованія
подробнаго. Усердіе г. Успенскаго въ опе-
чественной Исторіи достойно похвалы; но
опять повторю, что всякій безприспра-
сннй любитель исторіи, чтобы вѣрнѣе
монету Владиміра, потребуетъ доказа-
тельствъ убѣдительнѣйшихъ.

Н. Брусиловъ.

С. Петербургъ,

23 Мая 1812 года.

IV. С М Ъ С Ъ.

Отвѣты на предложенные вопросы.

(Читатели наши уже предувѣдомлены
о написанныхъ живущимъ въ Ригѣ г-мъ
Докторомъ Меркелемъ отвѣтахъ на вопросы,

предложенные въ здѣшнемъ Обществѣ любителей Россійской Словесности. Мы общались перевести ихъ и напечатать въ Вѣстникѣ Европы.)

1. Древнѣе почти никогда неосновывали своихъ трагедій на любви; у новѣйшихъ стихотворцовъ нерѣдко любовь бываетъ главнымъ содержаніемъ трагедій; спрашивается: почему древнѣе не брали любви за основаніе трагедій, какъ дѣлаютъ новѣйшіе, и на чьей сторонѣ находится преимущество?

Греки, у которыхъ драматическое стихотворство было еще весьма близкимъ къ первоначальному своему происхожденію, имѣли объ немъ понятіе очень несходное съ шѣмъ, вошорому слѣдующимъ новѣйшѣе при сочиненіи трагедій. У Грековъ театральное представленіе было не иное что какъ шолько показаніе въ подражательномъ дѣйствіи какого нибудь происшествія. Сообразно съ симъ намѣреніемъ, стихотворцы естественнѣе выбирали шолько такія происшествія, которыхъ всѣмъ были извѣстны, и которыхъ единственнѣе въ шому клонились, чшобы *возвышенно-прекраснымъ явленіемъ* восхишить зрителей всякаго сословія. Содержанія къ шому находили они шолько въ своей баснословной исторіи, въ области

вымысловъ. Чтожь касается до психологическо-почнаго изображенія спраспей, до правильнаго начертанія и выдерживанія характеровъ; то на часть сїю или мало или совсѣмъ не было обращено вниманія. Все стараніе употребляемо было только на то, чтобы представленіе на театрѣ сдѣлать какъ возможно болѣе ужаснымъ и возвышенно-прекраснымъ: отсюда произошли кошурны, для показанія роста необыкновеннаго; отсюда маски и личины; отсюда нѣрошорымъ образомъ пѣвующіе и поющіе хоры и проч. Изъ всѣхъ нашихъ театральныхъ представлений одно только походитъ на трагедіи Есхиловы и Софокловы — это волшебная опера, съ пою только разностию, чтоздѣсь музыка есть главное дѣйствующее средство; напрошивъ того у древнихъ, которые, какъ извѣстно, не знали гармоніи, а употребляли только мелодію, слова были гораздо важнѣе музыки, и музыка служила только пособіемъ для оныхъ.

У древнихъ любовь не была главнымъ содержаніемъ, потому что они вообще спраспей почитали побочнымъ дѣломъ, и вся важность у нихъ состояла въ пышномъ представленіи дѣйствія. Впрочемъ Еврипидъ уклоняется уже отъ пути обыкновеннаго; онъ уже отдѣляетъ пышность отъ содержанія; на примѣрѣ извѣстно, что

въ него прагедіяхъ хоръ; не принадлежишь собственно къ дѣйствію; у него почти всегда можно хоръ выбросить, и несмотря на то прагедія ничего не потеряетъ. Такимъ образомъ Еврипидовы прагедіи безъ хоровъ имѣютъ великое сходство съ нынѣшними.

Съ ешою точкой, на которой Еврипидъ остановился, должны были начаться новѣйшіе прагики; ибо для нихъ несуществовали уже баснословныя чудесности, которыя имѣли очевидную связь съ происшествіями. Мифологическія содержанія пригодились для оперъ; въ другихъ случаяхъ они, какъ несбыточныя басни, необходимо должны были казаться случными. И такъ новымъ прагикамъ оспалось, вмѣсто баснословныхъ содержаній, выбирать историческія, или шаки, которыя имѣли бы сходство съ истинными. Но чтобы соединить съ ними интересъ пѣщическій; для того надлежало прибѣгнуть къ единственному средству, къ изображенію спрасней; а спраспи имѣютъ свое достоинство, когда бывають выражены съ надлежащею точностію. Такимъ образомъ появился психологическій, совершенно новый родъ прагическихъ спихотвореній, древнимъ неизвѣстный и совсѣмъ отличный отъ Эсхилowychъ или Софокловыхъ прагедій. На вопросъ же: какому роду принадлежишь преимущество, рѣшительно

опычаю: пошѣ, которой доставляетъ уму оцущительнѣйшія и разнообразнѣйшія удовольствія, по естѣ трагедія новѣйшихъ народовъ.

Опличительный признакъ ея состоитъ, какъ сказано, въ изображеніи спрасти и характеровъ ея движимыхъ. Выборъ спрасти зависитъ отъ произвола; ибо можно изображать не только любовь, но и честолюбіе и властолубіе и даже ненависть. Если же стихотворцы новыхъ временъ преимущественно занимаютъ талантъ свой любовію; по они выбираютъ спрасть сію единственно потому, что она изъ всѣхъ пріятнѣе, обыкновеннѣе, а слѣдственно вразумительнѣе; въ помужъ она и въ способахъ выраженія весьма разнообразна.

2. Единъ вовлеченъ въ бѣдствія единственно произволомъ Судьбы. Будучи невиненъ въ своихъ пресупленіяхъ, онъ наказываетъ себя ужаснымъ образомъ. Желательно знать, соотвѣтствуетъ ли правиламъ Аристотеля совершенно добрый характеръ Единовъ и приличенъ ли онъ трагедіи?

Если положимъ себѣ за правило, что безвинно терлимое несчастье не есть трагическое, и если вину или невинность

разумѣшь будемъ въ *нравственномъ* смыслѣ, по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ и обычаямъ; когда о преступленіи спанемъ судить по злему намѣренію, которое управляло дѣйствіемъ: то Едипъ безъ всякаго сомнѣнія есть лицо невинное, и характеръ его *не трагическій*; но въ семъ отношеніи всѣ главные лица древней трагедіи сходны съ Едипомъ. У Эсхила Прометей мучится даже за *благодѣяніе*, оказанное имъ роду человѣческому. Но упомянутое правило имѣетъ другой смыслъ относительно къ Греческой мифологіи. Тамъ всякое *преступленіе* съ одной стороны конечно есть дѣло Судьбы; но съ другой стороны опять всякой неумышленной и даже несвѣдомой грѣхъ есть *вина*, долженствующая быть удовлетворенною и пребывающая очищенія. Въ семъ смыслѣ Едипъ точно виновенъ: онъ умертвилъ отца и женился на своей матери. Бѣдствія, коимъ онъ подвергается, суть не *казнь*, но *удовлетвореніе*.

Предложенное выше правило подлежало бы собственно выразить такимъ образомъ: несчастіе внезапное, безъ надлежащей причины (*unmotivirtes, nicht eingeleitetes*) случившееся не есть трагическое, на примѣръ еслибъ кто нибудь былъ убитъ упавшимъ камнемъ. Вина собственно нравственная не нужна для трагедіи; доказательствомъ

тому служивъ могутъ многія сочиненія новыхъ прагиковъ. Чѣмъ, на примѣрѣ, виновны Максъ и Текла въ Валленштейнѣ? однакожъ судьба ихъ есть прагическая въ высочайшей степени.

3. Римляне, сравнившіеся въ прочихъ родахъ сочиненій съ Греками, опстали отъ нихъ только въ прагедіи; надобно знать, почему у Римлянъ небыло знаменитыхъ прагиковъ, равныхъ Греческимъ?

Первому положенію, мнѣ кажется, можно прошивурѣчь. Вся изящная словесность Римлянъ есть не что иное какъ подражательное продолженіе Греческой. У Римлянъ небыло своей собственной миеологіи, которую заняли они у Грековъ. А какъ они и въ прагедіи невознесли выше подражанія Грекамъ, заимствуя содержанія свои изъ миеологіи, уже и Греками испощенной; то и невозможно имъ было сравниться съ Греческими прагиками, а особливо писавши для такого народа, коимъ миеологію почипалъ, равно какъ и мы, сущимъ вымысломъ, и еша причина необходимо ослабить должна была ихъ стремленіе.

(Изъ Ztng. für Lit. u. Kunst.)

Московскія записки.

Въ засѣданіи Общества Истории и древностей Россійскихъ 1 го Іюня розданъ Членамъ еще одинъ оппечатанной листъ *Достопамятностей*. Въ немъ помѣщены слѣдующія статьи: 1. *Окончаніе книги Степенной*, взятое изъ рукописной, хранящейся въ Демидовской библіотекѣ при здѣшнемъ Университетѣ. покойный Миллеръ, издатель печатной Степенной книги, говоритъ въ предисловіи къ ней, что онъ не могъ отыскать въ спискахъ окончанія. Въ предувѣдомленіи къ сему опрывку, изъ немногихъ строкъ состоящемъ, упомянуто между прочимъ, что Степенная книга приписывается Митрополишамъ Кипріану и Макарію *несправедливо*. Многие пожелають узнать о сочинителѣ Степенной книги, и о томъ, почему недолжно приписывать ее упомянуымъ Священнымъ. Г. Издапель *Достопамятностей*, вѣроятно, объяснитъ намъ свое мнѣніе. 2. *Написаніе кратко о Царехъ Московскихъ, о образѣхъ ихъ и о возрастѣ и о нравѣхъ*, взятое изъ Хронографа также Демидовской библіотеки. Статья сія сколько любопытна для охотниковъ до Русской исторіи, столько же можетъ быть полезна особенно для историческихъ живописцовъ. На примѣръ вѣшній видъ и нравы Царя Іоанна Васильевича Грознаго описаны такъ: „Царь „Иванъ образомъ целѣнымъ очи имѣя сѣры и „усъ просягнуенъ, покланъ; возрастомъ баше „великъ, сухо шло имѣя, плечи имѣя высо- „ки, груди широки, мышцы толсты; мужъ „чуднаго разсужденія, въ наукѣ книжнаго „почитанія доволенъ и многорѣчивъ, зло ко „ополченію дерзостенъ, и за свое опечество

„стоятель на рабы, отъ Бога данныя ему,
 „жестосердѣ вельми на пролипіе крови и на
 „убіеніе дерзостенъ вельми и неумолимъ; мно-
 „жество народу отъ мала и до велика при
 „царствѣ своемъ погуби, и многія грады своя
 „попльни, и многія святишельскія чины за-
 „почи, и смертію немилостивною погуби, и
 „иная многая содѣявъ надъ рабы своими:
 „женъ и дочерей блудомъ оскверни. Той же
 „Царь Иванъ многая и благая сотвори; воин-
 „ство вельми любляше и пребующая имъ
 „отъ сокровища своего неоскудно подаваше:
 „шаковъ бо бѣ Царь Иванъ.“ Сверхъ того
 еще описаны Цари Теодоръ Іоанновичъ, Бо-
 рисъ Теодоровичъ съ дѣтьми, Ажедимитрій
 и Василій Іоанновичъ. Сочинитель Хронографа,
 Тобольскій Боярскій сынъ *Сергій Кубасовъ*,
 былъ современникъ упомянушихъ Государей.
 Онъ писалъ и списки, которыми заключается
 Хронографъ и портреты Государей; но къ
 сожалѣнію, списки Кубасова не лучше многихъ
 нынѣшнихъ, размѣренныхъ ямбами. Вотъ об-
 разчикъ:

Сему писанію конецъ предлагаемъ,
 А дѣла поликія вещи вѣвѣки забываемъ;
 А настоящаго изыскуемъ
 И въ пространную исторію написуемъ.
 Слова писанію переходятъ въ конецъ,
 А умъ человекъ ничто же можетъ испо-
 вѣдати.

Напоследокъ начинается статья о *хлѣбной
 жѣрѣ, четвертяхъ, осмицахъ и четвери-
 цахъ*, извлеченная изъ одного Хронографа.
 Сочинитель, описывая голодъ и дороговизну
 1601 года при Царѣ Борисѣ, говоритъ, что
 четверть ржи тогда покупали по три руб.

ля и выше, и что съ того времени въ Москвѣ и въ другихъ городахъ начали всякой хлѣбъ считать четвериками.

Театръ. Нѣсколько разъ уже представляли публикѣ два прекрасные балета *Зефиръ, или вѣтренникъ сдѣлавшійся постояннымъ*, и *Дафнисъ и Хлоя*, и публика, если только не ошибаемся судя по громкимъ рукоплесканіямъ, привыкаетъ думать, что можно обойтись и безъ Дюпора, которой, какъ извѣстно, слишкомъ дорого цѣнитъ чудесныя прыжки свои и несравненное проворство. Впрочемъ посѣщеніе Дюпора было не безполезно для нашихъ молодыхъ артистовъ. Г. Глушковскій, которой теперь лепаетъ *Зефиромъ*, конечно много обязанъ Французскому панцовщику: не можно дать себѣ легко ти, но можно перенять нѣкоторые приемы, шаги, выпутку, положеніе тѣла — и въ этомъ надобно отдать справедливость переимчивости г-на Глушковскаго. А вразсужденіи игры пантомимической онъ уже и теперь имѣетъ большое преимущество передъ Дюпоромъ, которой по лѣтамъ своимъ не способенъ къ усовершенію, между тѣмъ какъ нашъ юной ученикъ театральной школы даетъ о себѣ весьма приятную надежду. Новой балетъ *Дафнисъ и Хлоя* есть его собственное сочиненіе. Слѣдовательно молодой нашъ артистъ заслуживаетъ себѣ похвалу и признательность публики не только ногами, но еще и головою. Расположеніе балета конечно самое легкое и простое; чего же больше и требовать отъ пастуха и нимфы, а особливо когда все дѣло состоитъ въ торжественномъ празднествѣ, въ нечаянной услугѣ, оказанной *Дафнисомъ Хлоя*, ко-

шорую онѣ испоргѣ изѣ челюстей львиныхъ , и въ любовномѣ знакомствѣ сей нѣжной чести , которую Амурѣ напоследокѣ соединяетѣ неразрывнымѣ союзомѣ? Положимѣ , что пакія приключенія случались ежедневно въ счастливой Аркадіи ; но для насѣ они весьма любопытны по своей рѣдкости ; ибо гдѣ , кромѣ театра , увидите вы живыхъ малютокѣ лшающихъ по воздуху около Амурова храма ?

У. П О Л И Т И К А .

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Изъ Лиссабона, отъ 10 Апрѣля, н. ст.
Лордѣ Графѣ Веллингтонѣ , Перѣ Англійскій , Герцогѣ Ціудадѣ-Родригскій и Грандѣ Гишпанскій перваго класса , получилъ отѣ Принца Регента Португальскаго новый шишуль Маркиза де Торресѣ-Ведросѣ.

— Минувшаго мѣсяца 24 числа Маршалѣ Мармонтѣ отправилѣ изѣ Валладолида въ Парижѣ курьера , съ представлениемѣ Императору , что по недостатку сѣбствныхъ припасовѣ , Французская армія не можетѣ оставашься долѣе въ занимаемой ею позиціи .

— Каждый курьерѣ , отправляемый Французами изѣ Валладолида въ Баіонну , сопровож-

дается военнымъ опрядомъ изъ двухъ сотъ пятидесяти человекъ.

*

Изъ Лондона, отъ 30 Апрѣля, н. ст.
Вывозъ хлѣба и сарачинскаго пшена изъ Поршовъ Англійскихъ запрещенъ, и не смотря на запрудненія, представившіяся въ исполненіи шого, данное о семъ повелѣніе остается въ своей силѣ, хотя множество судовъ было уже нагружено сими произведеніями.

— Многочисленный транспортъ Французскій отправился недавно изъ Гішпаніи во Францію. Полагаютъ, что и Король Іосифъ послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени за онымъ.

— Изъ Кадикса пишутъ, что изъ гарнизона Валенці, взятаго Французами въ плѣнъ, ушли 4,000 человекъ и присоединились паки къ Гішпанскимъ войскамъ.

Отъ 2 Мая, н. ст. По извѣстіямъ изъ Готенбурга, отъ 25 числа минувшаго Апрѣля мѣсяца, въ Швеціи дано повелѣніе, чтобы Англійскимъ судамъ въ случаѣ нужды оказываемо было всякое вспоможеніе.

*

Изъ Парижа, отъ 11 Мая, н. ст.
Третьяго дня Императоръ отправился опсюда для обозрѣнія своихъ войскъ. Императрица будетъ сопровождать Его Величество до Дрездена, откуда по свиданіи съ родителемъ своимъ возвратится во Францію не позже Іюля мѣсяца. (Съв. П.)

*

Италія, отъ 8 Апрѣля, н. ст. По причинѣ наглостей, производимыхъ нарушителями общаго спокойствія въ окрестностяхъ *Фрузиноны*, у Неаполитанскихъ границъ въ *Веллетри*, по дорогѣ, ведущей къ *Неаполю*, и въ *Тиволи*, правительство вновь подтвердило прежнее свое повелѣніе, чтобы каждый житель опдалъ всякое, какое только у него находится, огнестрѣльное оружіе, кинжалы и проч. въ случаѣ жѣ ослушанія подвергнется жесточайшему наказанію. Равнымъ образомъ всѣмъ тѣмъ, кои торгуютъ порохомъ, предписано, чтобы они продавали оный только такимъ людямъ, кои имъ извѣстны и поведенія честнаго, и при томъ записывали бы имя покупателя и количество проданнаго ему пороха. Всѣ выданныя доселѣ нѣкоторымъ людямъ писменные позволѣнія носить оружіе уничтожаются; живущимъ же на мызахъ или въ другихъ опдаленныхъ загородныхъ домахъ тогда только можно давать позволѣніе имѣть оружіе, когда число оныхъ бываетъ достаточно къ сильной оборонѣ отъ нападенія злонамѣренныхъ людей. Всѣ сіи распоряженія наиболѣе служатъ къ тому, чтобы отнять у разбойниковъ всякое средство доставать оружіе и порохъ. Не взирая на сіи предосторожности 10 или 11 числа Марта одинъ чело-вѣкъ, родомъ изъ *Тиволи*, возвращавшійся шуда изъ *Рижя* съ нѣкоторою суммою денегъ, на дорогѣ раненъ пулею въ бѣдру, и на другой день умеръ. (С. Н. В.)

*

Изъ Вѣны, отъ 1 Мая, н. ст. Засѣданія Презбургскаго Сейма прекращены до возвращенія Императора нашего.

Отъ 14 Мая, н. ст. Отсутствіе Императора и Императрицы нашихъ продолжися не болѣе двухъ недѣль. (Съв. П.)

✱

Константинополь, отъ 26 Марта, н. ст. Въ ночи съ 23 на 24е число сего мѣсяца Великій Султанъ нашъ опять обрадованъ былъ рожденіемъ Принца, который названъ Баязешомъ. О семъ радостномъ происшествіи публика извѣщена была пушечною пальбою съ батарей Сераля и Тофаны, также съ военныхъ судовъ, и оное празднуемо будетъ нѣсколько дней сряду обыкновеннымъ при шаковымъ случаямъ образомъ.

✱

Изъ Берлина, отъ 9 Мая, н. ст. Его Величество Король нашъ соизволилъ управленіе и начальство надъ столичнымъ городомъ Берлиномъ поручить Императорскому Французскому дивизионному Генералу Дюрюшу. Такое согласно съ желаніемъ Французскаго Правительства сдѣланное распоряженіе клонится единственно къ вѣдшему соблюденію тишины и порядка въ такое время, въ которое Берлинъ занятъ почти одними Французскими войсками. (С. П. В.)

Отъ 21 Мая, н. ст. Сего мѣсяца 13 числа Вице-Король Италіанскій отправился изъ Глогау въ Герцогство Варшавское.

— Сего мѣсяца 18 числа по утру прибылъ сюда Король Неаполитанскій подъ именемъ Барона Дери (одного изъ своихъ Адъютантовъ). На другой день былъ онъ у Короля нашего въ Шарлоттенбургъ, и того же числа отправился далѣе чрезъ Кистринъ.

Отъ 26 Мая, 4. ст. Вчерашняго числа, въ 6 часовъ ушра Король нашъ отправился изъ Потсдама въ Дрезденъ.

Изъ Дрездена, отъ 18 Мая, 4. ст.
По полудни 15 числа сего мѣсяца Король и Королева наши отправились въ Фрейбергъ, для встрѣчи шамъ Императора Наполеона и его супруги. На другой день, 16 числа въ 8 часовъ вечера, разставлены были повсюду войска Саксонскія и Французская гвардія, и весь городъ былъ освѣщенъ. Около половины двенадцатаго часа Ихъ Величества прибыли въ городъ, при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ, въ двухъ каретахъ, изъ коихъ въ одной сидѣлъ Императоръ Наполеонъ съ Королемъ нашимъ, а въ другой Императрица съ Королевою. Королевскою фамиліею и придворнымъ штатомъ встрѣчены они были у дворцовой лѣспяницы, и препровождены въ назначенные для нихъ покои. На другой день по ушру весь дворъ собрался въ парадномъ одѣяніи, для представленія Императору и Императрицѣ Французскимъ. Впрочемъ никто изъ здѣшнихъ жителей, кромѣ самыхъ знаишнихъ особъ, не видалъ еще Ихъ Велиествъ. Ночью того же числа прибыла сюда и Королева Вестфальская.

— Сего дня, во ожиданіи прибытія сюда Императора и Императрицы Австрійскихъ, отправился на встрѣчу къ нимъ Принцъ Антонъ съ своею супругою. Ихъ Величества прибыли сюда въ часъ по полудни, также при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, въ сопровожденіи Великаго Герцога Вирцбургскаго. Королевская фамилія приняла ихъ въ

виду множества зрителей на дворцовой лѣстницѣ, на которую Императрица, по слабости здоровья, внесена была въ креслахъ. Того же числа ввечеру было собраніе и большой вечерній столъ въ комнашахъ у Императрицы Французской.

*

Изъ Познани, отъ 15 Мая, н. ст. Сего мѣсяца 13 числа прибылъ сюда Вице - Король Италіанскій, и того же вечера въ 9 часовъ отправился далѣе.

*

Изъ Стокгольма, отъ 21 Апрѣля, н. ст. Занятія собраннаго Государственнаго Сейма будутъ особенно состоятъ въ уравнишельнѣйшемъ распредѣленіи податей, отъ коего доходы государственные умножаются по крайней мѣрѣ однимъ милліономъ шалеровъ, и въ постановленіи новыхъ правилъ для набора рекрутъ. (Съв. П.)

Отъ 24 Апрѣля, н. ст. Всѣ находящіеся въ отпуску или живущіе на пенсіонѣ флорентинскіе офицеры должны, по повелѣнію правительства, прислать въ главное начальство надъ флоромъ извѣстіе о мѣстѣ своего пребыванія, дабы, въ случаѣ нужды, можно было безъ всякаго замедленія доставить имъ приказаніе о вступленіи въ службу Его Величества Короля нашего. (С. П. В.)

*

Изъ Готенбурга, отъ 8 Мая, н. ст. Здѣсь получены Англійскія извѣстія, что Англичане подъ предводительствомъ Лорда Веллингтона въ Гишпаніи взяли приступомъ *Бадаюзъ*, что осада *Кадикса* снята, и что

Баластеросъ съ Гишпанцами вошелъ въ Севилью; также ожидаютъ вскорѣ, что по прекращеніи споровъ между Англією и Соединенными Американскими Штатами возстановится прежнее между ими согласіе. (Със. II.)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 12. І Ю Н Ъ 1812.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Планъ счастливой жизни.

(П о в ѣ с т ь .)

Во время путешествія познакомился я съ однимъ молодымъ человекомъ, который рассказалъ мнѣ свою исторію; думаю, что она справедлива, ибо въ нашей бесѣдѣ не участвовали ни гордость, ни корыстолюбіе, двѣ главные причины ухищреній и прищворства.

Евгеній Крозероль, двадцатилѣтній юноша, отъ природы имѣлъ довольно ума и самое пылкое воображеніе. Ему досталось послѣ смерти родителей небольшое имѣніе. Живучи въ наслѣдіи своемъ близъ города Муленя, онъ строилъ на досугъ *воздушныя замки*: мечпы составляютъ все богатство бѣднаго, и оно имѣетъ также свою цѣну. Однажды, искавши дичи съ

ружьемъ въ рукахъ, онъ ходилъ вокругъ великолѣннаго замка, принадлежавшаго богатому опкупщику, жившему въ столицѣ; зависплыми окоми смотрѣлъ Евгеній на восхитительныя окрестности и на кудрявыя улицы, примыкающія къ выходамъ дома. „Какъ жаль,“ сказалъ онъ, „что я не имѣю пяти или шести сотъ тысячъ франковъ! Этой прекрасной замокъ продается; я теперь же купилъ бы его со всеми принадлежащими къ нему угодьями; и тогда. . . Посмотримъ однакожъ, что бы я началъ, еслибъ по какому нибудь чудесному дѣйствию съ нынѣшняго дня спалъ я получая тысячу прицѣпъ ливровъ годового дохода. Нешеря ни минуты прошу, чтобъ выдали за меня любезную и прекрасную Емилию Орфель. Уже два года мы любимъ другъ друга постоянно; одна только бѣдность препятствовала нашему соединенію. Но теперь уже нѣтъ болѣе препятствія; я богатъ! мы счастливо проживемъ вънѣ свой съ Емилиєю. Внезапная мысль! (продолжаетъ Евгеній, весело улыбаясь) прекрасно! я женюсь на Емилии, ничего не сказавши ей о своемъ великолѣнномъ замкѣ. Она почиаетъ меня все такимъ же бѣднымъ Евгениемъ, какимъ былъ я при первомъ съ нею знакомствѣ; нѣтъ нужды, тѣмъ лучше! Вечеркомъ, уже на сумеркахъ мы оба садимся въ про-

стую коляску и ъдемъ проселочными дорогами. Емилія думаетъ, что я везу ее въ свою бѣдную хижину. Вдругъ представляется нашимъ взорамъ замокъ великолѣпно освѣщенный; ворота и всѣ выходы украшены разноцвѣтными огнями. Какое изумленіе! Емилія въ восторгѣ; ей кажется все волшебнымъ привидѣніемъ; она предлагаетъ мнѣ тысячу вопросовъ; я молчу. Наконецъ коляска наша останавливается. Намъ принимаютъ два служителя, со вкусомъ одѣтые въ богатую ливрею; Емилія опять спрашиваетъ; я все молчу. Какъ это забавно! мы входимъ въ гостинную, убранную какъ возможно роскошнѣе, и оба садимся на пыльномъ опшоманѣ. Емилія смотритъ вокругъ себя съ неизъяснимымъ удивленіемъ. — „Куда мы приѣхали?“ — „Нѣ шебъ дома, милая подруга. — „Но мнѣ сты въ горячѣ, мой любезной Евгеній! Этошъ замокъ...“ — Онъ швой; прими отъ меня сей малой подарокъ въ знакъ безрѣдальной любви моей. — „Какая несносная шушка! Немучь меня, и сважи поскорѣе, што эдѣсь хозяинъ и хозяйка; намъ надобно сдѣлать имъ пристойное привѣтствіе.“ — Тутъ я беру за руку, вѣдущую свою Емилію; подвожу ее къ зеркалу; почтительно кланяюсь и говорю: вошъ хзяева. Въ это время дворецкой докладываешъ, что поставлено нушанье. Мы

идемъ въ столовую, съ вкусомъ украшенную живописью аль-фреско; шамъ ожидаетъ насъ лакомой ужиной. На столъ только два прибора. Емилія въ безпрерывномъ удивленіи; не смотря на то, искусство моего повара и усталость послѣ дороги возбуждаютъ въ ней аппетитъ, и она ужинаетъ съ удовольствіемъ. За десертомъ высылаю людей, и рассказываю милой подружѣ своей, по какому неожиданному случаю сдѣлался я владѣльцемъ сего прекраснаго помѣстья. Она думала, что выйдетъ за бѣднаго Евгенія, и вмѣсто того вдругъ видитъ себя госпожею великолѣпнаго замка. Какая радость! какія нѣжныя ласки! какія извѣщенія любви и признательности! Ахъ, какъ мы счастливы!“ Въ то самое время, какъ мечпатель нашъ договаривалъ послѣднія слова, собака его почувала дичину; Евгеній потчасъ приложился, выспрылилъ, бросилъ куропатку въ свою охотничью суму и спокойно отправился къ укромной своей жижи.

Скоро послѣ ужина подають ему письмо съ почповымъ клеймомъ изъ Париза. Евгеній, неимѣющій никакого сношенія съ жителями сей столицы, удивляется, распечатываетъ письмо и читаетъ слѣдующее:

„Долгое время отправлялъ я разныя дѣла по препорученіямъ господина Крозе-

роля, родственника вашего, жившаго на островѣ Марциниѣ. Сей человекъ почтенный, о которомъ вы можете быть все ничего не знали, давно уже имѣлъ намереніе превратить въ деньги все имѣніе свое и переселиться во Францію. Въ самомъ дѣлѣ онъ уже перевелъ ко мнѣ написанъ свой, и я со дня на день ожидалъ прибытія вашего родственника въ Парижъ, чтобы ему самому вручить ему принадлежащую; но не задолго передъ симъ узналъ я, что онъ на пуши скончался. Покойный не имѣлъ ни жены, ни дѣтей, и въ завѣщаніи отказалъ все имѣніе свое живущимъ въ Бурбонне родственникамъ, отъ которыхъ вы, если не ошибаюсь, остаетесь единственнымъ потомкомъ. Наслѣдство ваше простирается до семисотъ тысячъ франковъ, которые вы отъ меня получите, когда соизволите приѣхать сюда и привезти съ собою законныя доказательства. Прошу васъ незамедлить. Имѣю честь и проч.“ *Робертень, нотаріусъ.*

Незнаю, какой живописецъ могъ бы изобразить сумасбродной восторгъ Евгенія. Всѣ надежды его исполнятся въ самое короткое время; мечты воображенія возмогутъ превратиться въ существенность, и планы счастливой жизни не останутся тщетными. Отправляюсь поскорѣе, думалъ себѣ Евгеній;

надобно бы прежде всего обрадовать любезную Емилию . . . нѣтъ, ещо невозможно; она живеть въ Клермонѣ у своей шешки; два дня ѳзды и одинъ день пригошовленій . . . нѣтъ, ещо невозможно; я долженъ спѣшить въ Парижъ къ нотаріусу . . . напишу къ ней . . . нѣтъ, лучше доставлю ей приятнѣйшее удовольствіе нечаянности. Поспѣшу въ Парижъ, получу свои семьсотъ тысячъ франковъ, заплачу деньги богатому окупщику за прекрасную его землю, возвращусь домой, никому необъявляя о своемъ счастьи, побѣду женишься на Емилии, и послѣ свадьбы привезу ее прямо въ свой . . . въ ея замокъ. О блаженство! какъ мы будемъ любить другъ друга! Но наслаждаясь счастьемъ, надобно и другихъ дѣлать счастливыми. Ближнимъ оказывать благотѣнія! дѣлать счастливыми! какая сладость! а иначе, какая польза въ богатствѣ?

Евгеній во всю ночь не смыкалъ глазъ своихъ. Можеть бышь и всякой другой на его мѣстѣ также промучился бы приятною бессонницею. Счастье цѣлой жизни развѣ бездѣлица? Все бышїе челоѳка, всѣ склонности, всѣ привычки, по необходимости перемѣнились въ одну минуту. Евгеній думаетъ, съ какимъ уваженіемъ спануть съ нимъ обходишься всѣ его окружающіе; съ какимъ удивленіемъ, съ какою завистію будутъ на него смотрѣть богатые и бѣд-

ные собди. Онъ напередъ уже восхищался, рисуя прелесныя картины сѣи въ своемъ воображеніи. Мы не жалемъ о завистникахъ, потому что самолюбіе дѣйствуетъ въ насъ гораздо сильнѣе нежели жалость; вмѣняя себѣ въ славу неносную ихъ муку, мы забываемъ, чего она имъ стоить. Впрочемъ Евгенийъ сочинялъ планы, весьма благоразумные по своимъ дѣламъ; назначалъ годовыя издержки своего дома и выдумывалъ наилучшіе способы проживать свои доходы. Обществу мое, говорилъ онъ, состоятъ будущіе изъ людей любезныхъ и просвѣщенныхъ, которые, умѣя нравиться, умѣютъ и давать полезныя совѣты. Слѣдственно Евгенийъ, хотя было ему только двадцать лѣтъ отъ роду, вѣрилъ, что въ свѣтѣ есть люди и его умѣе — увѣренность рѣдкая въ молодомъ человѣкѣ. Онъ вознамѣрился провести весь годъ въ деревнѣ, заниматься землепашествомъ и упражняться въ словесныхъ наукахъ; ибо Евгенийъ былъ до нихъ превеликой охотникъ; онъ даже писалъ мѣлкія сочиненія, которыя не рѣдко съ воспортомъ читали знатоки въ городѣ Муленѣ и обыкновенно спызывались объ нихъ весьма выгодно. И такъ словесность, землепашество, прекрасная жена, милыя дѣти — плоды нѣжнаго союза, какое поприще жизни совершенно счастливой!

Рано поутру Евгеній беретъ почтовыхъ лошадей въ Муленъ и черезъ два дни прибѣгаетъ въ Парижъ, въ первой разѣ отъ роду. Трудно описать впечатлѣнiе, которое произвели въ юной душѣ его огромныя зданiя, непрерывной спукъ и шумъ на улицахъ, безконечныя ряды каретъ и колясокъ, безчисленная толпа людей праздныхъ и занятыхъ дѣломъ, движимыхъ во всѣ стороны корыстiю, удовольствiемъ, любопытствомъ. Евгенiй оспанавливается въ домъ ношарiуса Робертена, показываетъ ему свидѣтельство и права на имѣнiе господина Крозероля, получаетъ отъ него все богатство, оставшееся послѣ умершаго родственника, которой хлопотавши всю жизнь свою на здѣшнемъ свѣтѣ, заблагодарилъ оправившись въ другой мiръ, только для того чтобы надѣлать богатствомъ незнакомаго и вовсе даже неизвѣстнаго себѣ племянника.

Евгенiй готовъ былъ немедленно уѣхать; но бытъ въ Парижѣ и невидать того, за чѣмъ многiе нарочно изъ дальнихъ странъ прибѣгаютъ въ сiю столицу — эта мысль казалась несносною для молодого человека, имѣющаго умъ и воображенiе, для страстнаго любителя художествъ. Ему хотѣлось также познакомиться съ нѣкопными литераторами, показать имъ свои

сочиненія; онъ даже привезъ въ шкапулкѣ своей рукописную комедію въ пяти дѣйствіяхъ, на которой основывалъ будущую извѣстность свою въ ученѣ свѣтѣ. И такъ погубишь плоды трудовъ своихъ было бы то же, что учинишь умышленное убійство. Развѣ онъ писалъ только для лѣсовъ и полей, или для Муленьскихъ жителей? Къ кому же еще въ Парижѣ находились прежніе знакомцы его и поваричи школьные; нѣкоторые изъ нихъ жили въ кругу большаго свѣта и слѣдственно имѣли всѣ способы въ короткое время удовлетворить любопытству его пріятнѣйшимъ образомъ. Но какъ опложишь свиданіе съ прекрасною Емилиєю? Онъ пишетъ къ ней письмо, проситъ ее не беспокоиться, и уведомляетъ, что нѣкоторое весьма важное дѣло заставило его предпринять путешествіе въ Парижъ, и что онъ возвратится очень скоро; попомъ уврѣнія въ любви и обѣщаніе всегдашней вѣрности.

Осправивши письмо, Евгеній приказалъ везти себя къ Карлу Фувилю, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще съ младенчества. Фувиль имѣлъ весьма хорошій достатокъ, одѣвался по послѣдней модѣ, былъ весьма ловокъ въ обращеніи, ѣздилъ во многіе дома и являлся во всѣхъ многочислнѣйшихъ собраніяхъ. Онъ принимаетъ Евгенія съ живѣйшею радостію, и спра-

шиваетъ, какой счастливой случай завлекъ его въ столицу. Евгенийъ рассказываетъ ему исторію о богатомъ наследствѣ. Прекрасное, хотя и неожиданное приключеніе! восклицаетъ Карлъ съ веселою улыбкою: жаль, очень жаль было видѣть человека съ такими достоинствами безъ достатка. Судьба поправила свою ошибку. Будь признателенъ, любезной Евгенийъ, и умѣй воспользоваться даромъ щедрого Провидѣнія. Но я тебя знаю; ты не посрамишь своего характера.

Въ тотъ же день Фувиль давалъ у себя лакомой завтракъ; онъ приглашаетъ Евгения; черезъ нѣсколько минутъ начали сбѣжаться гости; всего на все было не болѣе двенадцати человекъ, молодыхъ, любезныхъ, ловкихъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ. Завтракъ былъ поданъ самой вкусной, вина самыя дорогія; осприя шутки сыпались въ приятныхъ разговорахъ; каждой старался занимать молодого приятеля Карлова, жаждой хотѣлъ быть пушеводителемъ его въ предпринимаемыхъ посѣщеніяхъ и прогулахъ. Евгенийъ внѣ себя отъ восхищенія; какой приемъ вѣжливой и дружелюбной! какія милыя угожденія! какія ласки! Онъ не можетъ нарадоваться всѣми приятностями столь блестящаго общества. Карлъ желаетъ знать, какимъ образомъ Евгенийъ намѣренъ проживать свои де-

жоды. Забзжій гость оббвввляешб почпещ-
нымб собесбдникамб о желанїи своемб ку-
пить землю, о намбренїи женипсья, о помб
прияпномб изумленїи, которое гоповищб
онб для своей Емилиї. Все общество гром-
во захохопцало. — По чеспи, милой другб,
у себя деревенскїи зашбї, сказалб Фувиль;
ты заслуживаешб, чшобы родспвенникб швой
ожилб и лишилб бы тебя наслбдства, изб
котораго хочешб ты сбдвать шакое смбщ-
ное употребленїе. Какб другб швой во вбди
ведопущу тебя до шакого дурачешва. Же-
нитпсья на ббданой двбушкб! не стыдно ли
тебб? не стыдно ли, шакому какб ты: че-
ловбуу, сб швоимб умомб, сб швоимб
пригожшвомб, сб швоими дарованїями за-
рыпсья вб деревнб? Кшати о дарованїяхб,
продолжаетб Фувиль; ты вб прежнїе годы
былб великой ошощникб до спшхошворшва;
помнипсья, вб коллегїи ты писывалб спшхи
прекрасные. — Евгенїй признаешся что
вб немб навсегда сохранилась склонносп
кб поезїи, и что она доставляла ему счас-
ливїшїе минуты вб жизни. Карлб проситб
его прочитать какое нибудь изб его спшхо-
шворенїй, и добродушный Евгенїй, напе-
редб нбсколькo поупрямившїсь, соглашаеш-
ся исполнить желанїе друга. Спшхи выслу-
шаны сб живїшшимб удовольствїемб и осы-
паны похвалами. Развб они вб самомб дблб
были шого достойны? Незнаю и нехочу

сказать ничего утвердительно, ибо я никогда не имѣлъ выгоднаго мнѣнiя объ успѣхѣ стиховъ, читаемыхъ въ приятельскомъ обществѣ. — Выкинь вздоръ свой изъ головы! началъ опять говорить Карлъ, дружески обнявши Евгенiя: ты останешься въ Парижѣ; такой человекъ какъ ты рожденъ для столицы; здѣсь средоточiе вкуса. Воображенiе слабѣе въ деревенскомъ уединенiи; напротивъ того здѣсь оно дѣлается неисчерпаемымъ источникомъ новыхъ сокровищъ. — Мы познакоимъ васъ со всѣми здѣшними литераторами, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ. — Если вы намѣрены, прибавилъ другой, напечатать свои сочиненiя, то я къ вашимъ услугамъ; я въ королѣвской связи со всѣми лучшими журналистами и критиками. — А вразсужденiи вашей комедii, подхватилъ претii, я беру на себя всѣ хлопоты; я знакомъ съ актерами и актрисами *Французскаго театра*; они все для меня сдѣлаютъ; судя по опыту, которой вы намъ прочитали, увѣряю, что ваше дарованiе всѣхъ удивитъ въ столицѣ. — Пикаръ мнѣ королѣвской приятель. — Съ Дювалемъ мы живемъ душа въ душу. — Андре ничего не отдастъ на театръ, не посоветовавшись напередъ со мною (*).

(*) Пикаръ, Дюваль, Андре нынѣ живущiе въ Парижѣ драматическiе писатели. *Перев.*

Послѣ завітрака всѣ молодые собесѣдники отправились верхами гулять въ Булоньскую рощу. Съ ними поѣхалъ и Евгеній, для котораго Фувиль велѣлъ осѣлать лучшаго иноходца изъ своей конюшни.

Веселое общество провело цѣлой день вмѣстѣ. Евгеній успѣлъ увидѣть нѣкоторыя любопытнѣйшія вещи въ Парижѣ; вечеръ просидѣлъ въ театрѣ; потомъ повезли его на балъ, гдѣ пробылъ онъ почти всю ночь. Тамъ съ жадностію смотрѣлъ онъ на красавицъ, которыя были гораздо развязнѣе и ловче Емилии, и которыя умѣли выказывать свои прелести съ несравненнымъ искусствомъ.

На другой день около полудня, лишь только Евгеній всмалъ съ поспели, входилъ къ нему Фувиль съ распростертыми объятіями. — „Полюбились ли тебѣ вчерашнія наши забавы?“ — Я отъ нихъ безъ ума! Райской день! — „Признайся же, милой другъ, что Парижъ городъ хорошій.“ — Несравненной! — „А ты хочешь черезъ недѣлю уѣхать отсюда?“ — Сохрани Боже! я рѣшился погостить у васъ два мѣсяца. — „Намѣреніе прекрасное. Да смотри, ты попадешь въ бѣду: Емилиа своя будетъ сердиться.“ — Я напишу къ ней. — „Она станетъ журишь тебя.“ — Мы помиримся. —

„А потомъ и въ церковь? Бѣдной Евгеній! я смѣялся бы надъ тобою, еслибъ ты не казался мнѣ жалокъ съ деревенскою своею любовью.“ — Съ деревенскою любовью? Любезный Карлъ! ахъ еслибъ ты зналъ Емилию! — „Знаю ее по воображенію, и знаю столько, что смѣло могу шутишь надъ своею простотою. Сравнися ли она съ госпожею Ремильи, которую вчера видѣлъ ты на балѣ?“ — Нѣтъ, однакожъ. . . — „Танцуетъ ли она подобно госпожѣ Эржевиль?“ — Не спорю, однакожъ. . . — „Съ такимъ ли вкусомъ одѣвается она, какъ госпожа Женисакъ?“ — Согласенъ, что нѣтъ, однакожъ. . . — „Поетъ ли она, какъ госпожа Ермини?“ — Боже мой, нѣтъ; но ея голосъ. . . — „Ея голосъ, ея голосъ! ребячество! перестанемъ говорить объ этомъ. Я понимаю все дѣло; ты былъ влюбленъ; живучи въ деревенской глуши, ты предался праздности, а праздность есть мать. . . самыхъ смѣшныхъ дурачествъ. Ставемъ лучше говорить о важнѣйшемъ дѣлѣ, а именно, какимъ образомъ выгоднѣе употребить твои деньги. Ты хочешь купить землю; намѣреніе самое пустое! Есть тысяча другихъ несравненно лучшихъ способовъ получить прибыль. Въ Парижѣ многіе надежные банкиры охотно берутъ наши капиталы, и платящъ намъ весьма хорошіе проценты. Ручаюсь тебѣ,

что отъ семи сотъ тысячъ франковъ будешь получать вѣрнаго дохода сорокъ тысячъ ливровъ. Чего лучше? Не знаешь никакихъ издержекъ, никакихъ налоговъ, ни хлопотъ, ни поправокъ! Пускай себѣ покупаетъ землю тотъ, кто намѣренъ похоронить себя заживо. Я познакомлю тебя съ моимъ банкиромъ г-мъ Корсанжемъ, человекомъ честнѣйшихъ правилъ; я отдавалъ ему большія суммы, и ни однажды не былъ обманутъ.“ — Евгенийъ согласился. — „Но путь еще не все, продолжаетъ Карлъ. Надобно, чтобы ты походилъ на богатаго человека. Богатство дается намъ для того, чтобы мы умѣли имъ пользоваться. Заведи у себя слугъ, купи карету послѣдней моды. Я думаю, что ты будешь въ Парижѣ долѣе нежели предполагаешь. Надобно тебѣ жить по своему состоянiю и имѣть въ домѣ хозяйство, приличное неженатому человеку. Это вѣрнѣйшее средство привлечь къ себѣ хорошее общество, войти въ кругъ большаго свѣта, и видѣть у себя литераторовъ и художниковъ. Я представлю тебя въ лучшихъ домахъ Парижскихъ; ты дашь нѣсколько обѣдовъ, ужиновъ, баловъ и вездѣ отворяйся для тебя двери. Вотъ какъ надобно поступать, чтобы наслаждаться всеми удовольствiями жизни.“

Евгеній ничего не могъ сказать прошивъ споль мудрыхъ совѣтовъ. Онъ совершенно положился на опытность своего друга, отдалъ всѣ деньги свои Корсанжу, купилъ прекрасную карешу. Новое сословіе понравилось ему чрезвычайно. Пуспавшись въ большой свѣтъ, онъ во всемъ слушался любезнаго Карла, который слылъ человекомъ отличнымъ по изяществу своего вкуса. По его руководству Евгеній давалъ обѣды и праздники, разорительные, но очаровательные своимъ великолѣпиемъ; приглашалъ къ себѣ лицеператоровъ, за десертомъ читалъ имъ стихи свои, которыми всѣ восхищались. Актеры также участвовали въ его пиршествахъ; онъ читалъ имъ свою комедію и несомнѣвался въ искренности похвалъ ихъ — онъ зналъ по словицу: *in vino veritas* (въ винѣ правда), а судьи его произносили приговоръ свой уже довольно подгулявши.

Евгеній на верху блаженства; всѣ хвалящъ его и превозносящъ до небесъ, всѣ ищущъ его знакомства. Ежедневно рождались въ немъ новыя; прежде неизвѣстныя склонности, и никогда не имѣлъ онъ недостатка въ способахъ удовлетворять онымъ. Ненасытная привязанность къ забавамъ и суешность, источникъ всѣхъ сумасбродныхъ поступковъ, влекли его къ разоренію.

Бѣдная Емилія забыла. И можно ли было помнить объ ней въ объятіяхъ прелестнѣйшей оперной танцовщицы? помнить объ Емиліи среди ожиданія блестящихъ успѣховъ, въ то самое время когда комедія должна привѣстна бытъ на театрѣ съ живѣйшими рукоплесканіями; когда стихотворныя бездѣлки, всѣми знающими людьми одобренныя, готовились выдти въ публику, заслужить лавровой вѣнчѣ своему творцу и включить имя его въ число припѣившихъ и любимыхъ поетовъ? Какіе виды для двадцатипятилѣтняго юноши, а особливо когда всѣ соблазны роскоши, успѣхъ и самолюбія представляются въ очаровательномъ явленіи новости!

Надобно признашья, что всѣ наслажденія очень дорого стоили Евгенію. Женщины и пиршества совсѣмъ разстроили дѣла его. Въ одинъ годъ онъ лишился бы значительной части своего имѣнія, когда бы игра не поддержала колеблющагося его состоянія. Онъ выигрывалъ большія суммы, и радовался открывши сей новой источникъ богатства. Но всегда ли счастье бываетъ постояннымъ? Человѣческая жизнь есть игра; все подвержено переменамъ въ здѣшнемъ мѣрѣ, все зависитъ отъ жребія.

Въ одну злосчастную ночь пресподушый Евгеній проигралъ гораздо болѣе, нежели

ли сколько выигралъ въ прежніе шесть мѣсяцовъ. Форшуна обратила къ нему хребтъ свой. Въ двѣ недѣли онъ лишился болѣе ста тысячъ ефимковъ. Сія потеря открыла ему глаза; онъ опамятовался и началъ укорять себя въ безразсудствѣ. Съ оспальными деньгами онъ могъ бы еще слыть богачемъ въ провинціи, хотя уже и не въ состояніи былъ купить шой прекрасной земли, на которую съ самаго начала обратилъ свое вниманіе; но какимъ образомъ распался съ прелестною панцовщицею, любящею его до безумія? какъ уѣхалъ изъ Парижа въ такое время, когда всѣ ищутъ его знакомства, и когда комедію его уже выучили актеры Французскаго театра? Трудно отказался отъ любимыхъ своихъ склонностей, отъ забавъ и наслажденій суешности, а особливо отъ посуловъ надежды.

Наконецъ объявлено въ газетахъ, что стихотворныя Бездѣлки напечатаны и продаются. Евгеній былъ у всѣхъ извѣстнѣйшихъ крипиновъ, и у себя угощалъ ихъ самымъ роскошнымъ обѣдомъ; съдѣшвенно взяты были всѣ нужныя предосторожности, и Бездѣлки явились въ свѣтъ съ наилучшимъ одобреніемъ: но неблагодарные журналисты, по своему несчастному шупоумію, не находили въ Бездѣлкахъ ниже признановъ

дарованія; ихъ грубыя уши нечувствовали доброгласія стиховъ; они дерзнули даже написать (о варвары!), будто Евгеніевы стихи суть не что иное какъ проза въ рифмахъ, и проза самая посредственная! Правда что все это было сказано весьма вѣжливо и скромно; кришники неоприцали остроумія въ сочинителѣ, и жаловались даже, что онъ поберегъ его для другаго случая. Евгеній разрывался отъ досады. Впрочемъ онъ былъ увѣренъ, что успѣхъ комедіи посярамитъ сихъ дерзновенныхъ порицателей.

Наспалъ желанный день, въ которой Евгеній надѣялся утвердить навсегда авторскую свою славу. Объявлено въ газетахъ, что будетъ играна сочиненная имъ комедія; друзья его условились поддерживать ее громкими рукоплесканіями. Евгеній употребилъ съ своей стороны всѣ возможные способы къ тому, чтобы при первомъ представленіи блеснуть и очаровать публику своимъ талантомъ; ибо двадцать разъ угощалъ онъ всѣхъ друзей своихъ дорогими обѣдами. Въ аншерахъ примѣрно было самое лучшее расположеніе, и громкіе плески раздавались по театру еще до поднятія занавѣса. Все предвѣщало блистательнѣйшій успѣхъ Евгенію, и столь счастливыя предзнаменованія сбылись бы конечно, еслибъ на второмъ актѣ какой то враждебный духъ не

овладѣлъ публикою, и несоставилъ бы прошивъ новой комедіи. спрашнаго заговора. Епошъ неприязненный Евгенію духъ, причинившій ему несносную обиду и враждующій почти со всѣми нынѣшними прагивами и комиками, собснвенно называется *скужою*. Съ первыхъ явленій онъ оказался въ партерѣ; началось званьемъ; попомъ раздался повсюду ропшъ неперпбвій и свиспъ вмѣспъ съ хохомъ, ужаснымъ для комедіи. Евгеніевы друзья принуждены были замолчать; смущенные акшеры оспанавливались на каждомъ словѣ; надлежало опустить занавѣсъ прежде окончанія комедіи.

Нѣшъ нужды описывать, что происходило въ душѣ бѣднаго Евгенія. Всѣ сладкія мечшы его самолюбія разрушены, всѣ надежны исчезли. Богиня славы и Фортуна какъ будто сговорились прошившись его желаніямъ. Къ довершенію несчастія, на другой день во всѣхъ журналахъ напечатаны весьма невыгодныя описанія о предсшавленной комедіи провинціального спихшворца.

Евгеній послѣ столь жестокой неудачи рѣшилсѣ уѣхать изъ Парижа, неспшившись съ многочисленными своими друзьями, съ кошорыми боялся даже повспрѣчатсѣ, а всего болѣе спрашилсѣ онъ ихъ ушѣ-

шеній. Онъ твердо вознамѣрился собрать оставшіяся деньги и удалиться въ какую нибудь провинцію, гдѣ имя его было неизвѣстно. Бѣдѣ къ банкиру для полученія своихъ денегъ. Но шамъ ожидаетъ его несчастіе, горшее прежняго. Ему сказываютъ, что почтенный господинъ Корсанжъ ночью отправился куда-то безвѣстно, и что имѣвши въ рукахъ своихъ большія суммы, принадлежація многимъ фамиліямъ, онъ объявилъ себя банкротомъ.

Вѣсть сія была громовымъ ударомъ для Евгенія. Онъ едва могъ опамятоваться и сказать, чтобы отвезли его домой обратно. Тутъ всѣ муки опчаянія овладѣли его душою: домашнихъ приборовъ и уголка земли, которою онъ владѣлъ въ Бурбонне, едва доставало на заплашу долговъ. Нѣтъ ни откуда помощи и даже надежды; оставалось ожидать всего отъ соспраданія людей, привыкши къ похваламъ и ласкашествамъ! Въ изступленіи бѣшенства лешимъ онъ къ Фувилю, другу своему и изспавнику; хочетъ осыпать его жестокими укоризнами и попомъ размозжитъ ему голову. Но Карлъ и самъ былъ въ опчаяніи. Ешотъ шалунъ, жертва безразсудности и легкомыслія, также отдалъ почти всѣ деньги свои Корсанжу. Фувилево несчастіе обезоружило Евгенія.

Оттуда побжалъ Евгеній прямо къ одному чиновнику, весьма богатому, опирающему важную должность. Этотъ человекъ былъ въ числѣ друзей Евгенія, которому не одинъ разъ предлагалъ свои услуги, Евгеній рассказываетъ ему о своемъ несчастномъ положеніи, и проситъ чтобы не оставилъ его безъ пропитанія., О! а вамъ дасть могу хорошее мѣсто — сказалъ сей другъ великодушный — мѣсто для васъ и для меня полезное; мнѣ надобенъ писецъ; я помѣщу васъ, только съ условіемъ: появлянешься ничего неписать стихами.“ Неясное ругательство!

Евгеній лѣпиль къ Жюльеттѣ, прелестной танцовщицѣ, которая съ неутомимою ревностію помогала ему веселиться и разоряться. Она покоилась, небрежно раскинувшись на великолѣпномъ опіоманѣ, Евгеній говоритъ ей о своемъ несчастіи, Жюльетта безмолствуетъ. „У меня теперь ничего неосталось, продолжаетъ Евгеній: я неимѣю ничего, совсѣмъ ничего, милая Жюльетта; но величайшимъ несчастіемъ своимъ почитаю горестную необходимость разспаться съ тобою. Ты неопычаешь; печаль смыкаетъ уста твои... понимаю сіе выразительное молчаніе. О безцѣнная Жюльетта! недолжно изнемогать подъ тяжестію рода; надобно подкрѣплять

себя утѣшеніемъ. . . .“ — И я по же думаю, опавчала Жюльетта. Успокойсь, Евгенийъ. Епшѣ господинъ принимаетъ на себя должность и званіе моего утѣшителя. — Изумленный Евгенийъ поворачивается и видитъ въ самомъ дѣлѣ спорняго человека, котораго сперва онъ совсѣмъ непримѣтилъ. Тамъ сидѣлъ подслѣпой и хромоу старикъ, наружностію своего очень похожій на изображеніе *Плулуса*.

Евгенийъ возвращается домой, перзаемый месною горестію. Въ его власти было сдѣлаться богатымъ, счастливымъ и уважаемымъ; теперь онъ разоренъ, осмѣянъ, освиснанъ, поруганъ — и все ешо Евгенийъ чувствовалъ какъ не лзя болѣе. Чшо дѣлать? къ кому прибѣгнушь? Внезапно образъ Емилии представился мысленнымъ его взорамъ, и къ большему несчастію первая любовь къ сей достойной дѣвицѣ возобновившись въ его сердцѣ, начала дѣйствовать несравненно сильнѣе прежняго. „Емилиа! любезная Емилиа! воскликнулъ Евгенийъ: для чего неслѣдовалъ я первымъ движеніямъ своего сердца, когда оно влекло меня къ блаженству! Пагубныя спраспи омрачили мой разумъ. Съ какимъ лицемъ явлюся предъ тобою, существо небесное! какія уворизны заслужилъ я своимъ поведеніемъ! какое право имѣешь ты презирать меня! . . . Нѣтъ,

я неперенесу епой мучительной мысли; не могу жить, лишась твоей любви, твоего почтенія, моихъ надеждъ, моя чести. Осталось одно средство... Не уже ли надобно съ духомъ спокойнымъ взирать на свое безславіе и нищету, поминуться подъ бременемъ раскаянія?...“ Въспомни съ этими словами онъ открываетъ шкапулку, беретъ заряженный пистолетъ и хочетъ разозлить себя голову; вдругъ отворяется дверь; Евгеній слышитъ крикъ, и видитъ нѣжную свою Емилію. Она вырвала пистолетъ изъ рукъ его, и лишенная чувствъ упала въ его объятія.

Не буду описывать Евгеніевой радости и удивленія. Емилія открываетъ глаза, усматриваетъ взоръ на своего любезнаго и говоритъ съ нѣжною улыбкою: „ты раскайся; все прощаю.“ Евгеній, стоя на колѣняхъ, цѣлуетъ руки ея и орошаетъ ихъ горячими слезами; рассказываетъ ей свои приключенія, начиная съ воздушныхъ замковъ, вѣпорыя онъ спряталъ ходивши стѣблять дичину; признается во всѣхъ своихъ шалостяхъ, и проситъ великодушнаго прощенія.

Снисходительная Емилія знала обо всѣхъ дурачествахъ своего непопышнаго друга. Одна корошная прищельница, живущая

въ Парижѣ, исправно увѣдомляла ее о всѣхъ поступкахъ молодаго сумазброда. — „Я безпрестанно о тебѣ думала, сказала Емилія, и надѣялась, что ты когда нибудь образумишься. Пока дѣла твои были не въ разстройкѣ, я не хотѣла разрушать твоихъ удовольствій и блестящихъ призраковъ; мое присутствіе, или даже мои письма, были бы для тебя чувствительною укоризною; а спроси не любятъ упрековъ. Но когда я узнала, что ты лишился большей части своего имѣнія, что сочиненія твои разруганы въ журналахъ, а комедія освислана на театрѣ; тогда сказала сама себѣ: онъ несчастенъ; поспѣшимъ къ нему на помощь. Господинъ С** , дядя мой, готовился къ отъѣзду въ столицу; онъ предлагаетъ мнѣ мѣсто въ своей коляскѣ; я оспанавливаюсь у своей приятельницы, и обѣ мы переѣзжаемъ жить въ эту улицу. Сего дня поутру, узнавши о банкротствѣ Корсанжа, мы рѣшились ѣхать къ тебѣ; не застаемъ тебя дома и дождаемся въ этомъ кабинетѣ. Я все видѣла. Почитаю себя счастливою, испоргнувши тебѣ изъ челюстей ужаснаго опечаленія. Но я хотѣла бы сдѣлать еще болѣе. Ты знаешь, Евгеній, что я небогата; однакожь послѣ твоего отъѣзда состояніе мое нѣсколько поправилось. Одна родственница умирая, оставила мнѣ небольшую наследство. Раздѣлимъ его, если поль-

мо сердце мое можешь вознаградить тебя за то, чего ты лишился.“

Лишь только успѣлъ Евгений, бросившись на колѣни передъ Емилією, произнеси нѣсколько словъ нѣжнѣйшей любви и благодарности, какъ вдругъ является господинъ С**, которой дожидался въ ближнемъ кабинетѣ, не желая нарушить воспорга любовниковъ. Онъ отвезъ ихъ къ Емиліимой припешельницѣ. Черезъ нѣсколько времени совершенъ священный обрядъ союза брачнаго безъ всякой пышности, и на другой же день молодые супруги отправились изъ Парижа.

Не добравши нѣсколько миль до Муленя, надлежало остановишься для ночлега. Темная ночь заслигла ихъ на дорогѣ. Емилія сказала, что боится ѣхать далѣе и желала ночевать въ первомъ крестьянскомъ домѣ. Кучеръ повернулъ въ сторону, и черезъ нѣсколько минутъ колеска остановилась подлѣ большой мызы. Евгений и Емилія просятъ ужина и ночлега. Госпепримные хозяева принимаютъ ихъ со всевозможнымъ усердіемъ и показываютъ опрятную комнату съ мягкой постелью. Проспившись съ хозяевами, супруги наши съ удовольствіемъ говорили объ ихъ добродушіи. „Ахъ, любезная Емилія! сказалъ Ев-

геній: какъ люблю я жизнь простую и сповойную! Смотри, какъ счастливы сіи добрые люди! Они не богаты, но имѣють нужное и могутъ еще одолжать ласковымъ гостепрїимствомъ. И я буду шрудиться; живучи съ побюю и довольствуясь малымъ, я буду спокрапно счастливейе, нежели среди избытка и пресыщенїя.“

Проснувшись поутру, наши супруги вышли на свѣжій воздухъ. Емилїя объявила, что она хочетъ прогуляться по окрестностямъ мызы. Вышедши изъ крестьянскаго двора они очутились на прекрасномъ мѣстѣ, обсаженномъ вокругъ большими кудрявыми деревьями. Евгенийъ по обѣимъ сторонамъ видитъ широкїя аллеи и вдали господской домъ весьма красивой архитектуры. „Епошь сельской видѣ, сказалъ онъ, мнѣ чрезвычайно нравится.“ — Да, мѣстоположенїе рѣдкое! — „Несравненное! густыя высокія дерева, изобилїе воды, угодыя . . . . волшебное обиталище! Ахъ, Емилїя! мы жили бы въ подобномъ раю, еслибъ . . .“ — Не говори о прошедшемъ; мы другъ друга любимъ; судьба наша сопряжена теперь на вѣки; кто можетъ быть насъ счастливейе? — Евгенийъ хочетъ осмотрѣть внутренность дома. Онъ спрашиваетъ идущаго на встрѣчу слугу, у себя ли хозяева. — Мы ожидаемъ ихъ каждую

минушу, опвѣчаетъ служитель; вы можете войти, если угодно.

Ихъ провели въ гостинную, богато и со вкусомъ убранную. Емилія посадила супруга своего на диванъ; Евгеній съ удивленіемъ смотритъ на уборы и нѣсколько разъ спрашиваетъ: какому счастливцу принадлежитъ этотъ прекрасный замокъ? — „Ну, ежели тебѣ?“ — Я весьма желалъ бы узнать его имя, продолжаетъ Евгеній, не вслушавшись? — Евгеній Крозероль, опвѣчаетъ Емилія, смотря на него пристально, и желая замѣчать внутренняго его движенія: Евгеній Крозероль. — Евгеній въ свою очередь усpreмляетъ взоры на Емилію. „Можно ли спастись, думаетъ онъ, чѣмъ этотъ домъ, садъ, рощи, луга принадлежали мнѣ или женѣ моей? Шутка слишкомъ досадная! Я безъ сомнѣнія виноватъ; однакожъ я совсѣмъ не ожидалъ отъ ея великодушія столь несносныхъ упрековъ.“ Слезы свергнули на глазахъ его. Емилія примѣшивши ихъ, бросилась къ нему на шею и сказала: „Точно такъ, любезный Евгеній! все еще тебѣ принадлежитъ, потому что любовь моя дѣлаетъ тебя обладателемъ всего моего имѣнія. Я изъясню тебѣ все дѣло двумя словами, и ты перестанешь удивляться. Тебѣ извѣстно, что до отъѣзда моего въ Парижъ я должна была

сбѣздишь къ пешкѣ своей госпожѣ Орбанъ, по неопспупной ея просьбѣ. Единственнаа дочь ея спрадала жестокою болѣзнію, и неушѣшная машь опчаявалась въ ея выздоровленіи. Вопреки всѣмъ попеченіямъ нашимъ сесприца моя скончалась. Бѣдная шешушка, которая жила и дышала только ею, изнемогши опѣ долговременныхъ заботъ и бессонницы, неперенесла своей пошери. Передъ смершью своею она опказала мнѣ по духовному завѣщанію все свое имѣніе въ награду за мои опѣ нихъ попеченія и за мою къ нимъ привязанность. Я продала ея землю, для которой надлежало бы мнѣ удалиться опѣ своей родины и опѣ того мѣста, гдѣ я себя полюбила. Возвратившись домой, купила ешу мызу, имянно съ шѣмъ намѣреніемъ чшобы дославить шѣбъ удовольствіе нечаянности. Проси мнѣ мою невинную шешу. . .“ Бога ради не говори о прщеніи, прервалъ Евгеній. Я увѣренъ, чшо ты не желала оскорблять меня. Не ты, мой нѣжной другъ, виновата, если нечаянность сія нанесла мнѣ досаду. Ешо ли я заслужилъ своимъ безразсудствомъ? . . . Дай Боже, чшобы впредь никогда уже неподвергъ я себя подобному наказанію, если опяшь вздумаю удивить шѣбя нечаяностшю. . . — Тумъ чело его покрылось облакомъ смущенія; но черезъ минушу оно опяшь прояснилось, и

Евгеній сказалъ съ видомъ живѣйшаго чистосердочія : я тебѣ завидую , любезная Емилія ; побѣда сія тебѣ принадлежитъ по всей справедливости ; ты одна имѣешь право исполнить предназначанный мною планъ , котораго недозволили мнѣ произвести въ дѣйствіе неожиданностьъ счастья и буря спраспей. Какой примѣръ любви , великодушія , нѣжности ! и я могъ !.. — „Полно , полно ! прервала Емилія : многіе другіе на швоемъ мѣстѣ вѣрно поступили бы не благоразуміе. Я часно слышала , что богалой никогда не исполняютъ плановъ , сдѣланныхъ имъ во время своей бѣдности.“ — А я съ своей стороны живо чувствую , сказалъ Евгеній , и твердо увѣренъ , что истинное и прочное счастье никогда не достается намъ случайно , и что оно всегда бываетъ слѣдствіемъ добродѣтели.

(Изъ *Mercy de France*.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Двѣ Трости.

(Басня.)

Двѣ Тросточки росли близъ лѣсу, на долинѣ.
Одна между своихъ въ семействѣ жизнь вела;
Другая же была.

(Что въ дѣйствіяхъ людей мы часто видимъ
нымъ)

Честнолюбива и горда;

Желала, чтобъ всегда

Она прочіхъ бытъ отличной;

И для того она приличной

Родъ жизни избрала: близъ дуба поселилась,
Жила и веселилась. —

Дубъ крѣпостью своей Тростинку защищалъ,
Ни бури, ни грозы онъ къ ней недопускалъ,
И словомъ, онъ ее, подобно шѣмъ бояромъ,
Что любящъ шалуновъ, считалъ небеснымъ
даромъ.

Извѣженная Трость лелѣяньемъ его

Забыла наконецъ блаженства своего

Счешъ, мѣру, всѣхъ,

И, по примѣру всѣхъ повѣсь,

Своихъ собратій презирала;

И вопъ что въ гордости она другой сказала:

„Ахъ какъ жалка ты мнѣ, и весь твой бѣд-
ной родъ!“

„Но чести, вы ни что, какъ сборище сиротъ,

„Забытыхъ Провидѣнемъ! —

„Мнѣ, право, мудрено,

(Такъ продолжала рѣчь свою она съ презрѣн-
емъ)

„Что вы себѣ давно

„Подобной, какъ мой дубъ, защиты не найдете

„И добровольно жизнь поносную ведете.“ —

Съ симъ словомъ спрашной вѣспрѣ откуда ни
взялся,

Взвился,

Ударилъ въ гордый дубъ, земля задрепетала —

Подъ тяжестью его и Трость не устояла.

Тростинка! еслибъ ты росла между своихъ,

Незналабъ, сколько бышь опасно близъ боль-
шихъ!

Изъ Иркутска.

Къ Музамъ.

Какъ счастливъ смертный топъ, кто
вами вдохновенный

Бряцаетъ перстами на лиръ золотой :

Превыше всѣхъ суетъ онъ мыслію внесенный

Вступаетъ въ новый міръ воспорженной душой.

Ни злато, ни чины его не обольщаютъ,
Кумиры жалкаго тщеславія людей ;

Природы красота его обогащаютъ. . . .

Величьемъ души — восходишь до чешей.

Спокойство, чуждое порочнымъ и въ пор-
фирѣ,
Не чаще ли живетъ въ душѣ питомца Музъ?
И онъ о счастья, о другѣ, о Темирѣ
Поетъ, не вѣдая порока шажкихъ узъ.

Ни злоба зависти, ни лютость огорченій
Не властны духъ его опчаянъ емъ перзатъ;
Пусть жизни для него — путь райскихъ на-
слажденій;
Превратности судьбы не могутъ ихъ прервать.

Слезу несчастія онъ опираетъ вами
И вами въ горести онъ услаждаетъ духъ.
Кто въ мирѣ съ ближними, собою, небесами;
Тотъ лиры звуками и въ скорби нѣжитъ служъ.

Когда же на него блаженство льетъ ще-
дрошы
И сладостныхъ утѣхъ дарами наградишь,
Поетъ онъ, удаливъ печали и заботы;
Какъ новый Амфіонъ, и камень оживишь.

Д. Г. . . . въ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О календарѣ и о раздѣленіи времени.

(Окончаніе.)

О мѣсяцахъ. Луна съ достопримѣчательными своими перемѣнами, начиная отъ серебряной едва примѣтной полоски до свѣтлаго полнолунія, по всей вѣроятности была первымъ предметомъ астрономическихъ наблюденій. Переходъ ея отъ одной звѣзды къ другой совершается такъ послѣдно, ея утреннее или вечернее появленіе было въ древнія времена столь важнымъ обстоятельствомъ для разныхъ упражненій и для путешествій народовъ, пастушескую жизнь провождавшихъ, что печеніе, луны по необходимости должно было быть имъ извѣстно гораздо прежде, нежели вздумали опредѣлить періодъ солнца, коего путь не примѣненъ между невидимыми при его сіяніи звѣздами, и о движеніи коего надлежало вывести заключенія умозрительныя. Хранившіе чистоту нравовъ своихъ люди съ чувствомъ благоговѣнія и признаваемо-

они собирались привѣтствовать благошворную богиню ночи, послѣ того какъ она, бывши нѣскольцо дней сокрытою отъ взоровъ человеческихъ, въ первой разѣ являлась мѣру. Новомѣсячїе было у нихъ священнѣйшимъ празднествомъ, а синодическій мѣсяцъ, или время отъ одного новомѣсячїя до другаго, былъ первымъ астрономическимъ періодомъ, опредѣленнымъ съ нѣкоторою точностію. Время сіе хотя и нѣ всегда продолженіемъ своимъ бываешь одинаково по причинѣ неравнаго движенія луны и солнца; однакожъ, полагая среднимъ числомъ, оно состоятъ изъ 29 дн. 12 ч. 44 м. 3 с. Годъ лунной; изъ двенадцати такихъ мѣсяцовъ состоящій и заключающій въ себѣ 354 или 355 дней, давно оставленъ; но удержано раздѣленіе года на двенадцать мѣсяцовъ; которые стали уже не лунными, но солнечными, изъ 30 и 31 дн. состоящими: «Одинъ Февраль обижень, противу прочихъ своихъ товарищѣй; ему дано только 28 дней, и это сдѣлалось по слѣдующему случаю.

При Ромуль, основатель Римскаго государства, за 750 лѣтъ до Рождества Христова; у Римлянъ было только десять мѣсяцовъ; по 30 и по 31 дн., и годъ ихъ состоялъ изъ 304 дней. Преемникъ его Нума отнялъ у каждаго изъ 6 мѣсяцовъ, изъ 30 дней состоявшихъ, по одному дню; такъ

кимъ образомъ въ 6 мѣсяцахъ было по 29 дней, а въ 4 по 31 дню, слѣдственно всего считалось 298 дней. А чтобы ешомъ годъ согласить съ луннымъ, имѣвшимъ 354 или 355 дней, надлежало прибавить къ нему 56 или 57 дней; что Нума и сдѣлалъ, включивши еще два мѣсяца и приложивши одинъ къ началу, а другой къ концу года, то есть Январь изъ 29 и Февраль изъ 28 дней составленные. Наконецъ чтобы согласить сей годъ лунный, по которому расположены были праздники, съ годомъ солнечнымъ, по которому надлежало располагать сельскія работы и коего истинное продолженіе Римлянамъ было не извѣстно, Нума повелѣлъ въ каждомъ второмъ году прибавлять еще одинъ мѣсяцъ изъ 22 дней соспоаяцій, и къ каждому четвертому году мѣсяцъ же изъ 23 дней, и дѣлалъ сію вставку обыкновенно между 23 и 24 числами Февраля. Около 450 лѣтъ до Рож. Хрїстова тогдашніе Децемвиры, чтобы начальство свое продлить однимъ мѣсяцомъ, опредѣлили почиать Февраль не послѣднимъ но вторымъ мѣсяцомъ въ годъ. Съ того времени продолжается нынѣшній порядокъ въ мѣсяцахъ. Юлій Цезарь удержалъ его, оставивъ въ Февралѣ 28 дней по прежнему, а прочимъ мѣсяцамъ далъ то число, которое они и теперь имѣють.

Касапельно же названій мѣсяцовъ, безъ всякаго полкованія видѣшь можно, что *Сентябрь* (Септемврій), *Октябрь* (Октоврій), *Ноябрь* (Ноемврій) *Декабрь* (Декемврій), какъ и самое значеніе ихъ показываешъ (*), дѣйствительны были *седьмымъ*, *осмымъ*, *девятымъ* и *десятымъ* мѣсяцами въ годъ, которой начинался тогда съ Марша. По той же самой причинѣ *Іюль* и *Августъ* назывались тогда *Квинтилисомъ* и *Секстилисомъ*, или *пятымъ* и *шестымъ* по порядку (**). Послѣ смерти Дикшатора Квинтилисъ получилъ названіе *Іюля* (Іулія), потому что въ етомъ мѣсяцѣ родился Юлій Цезарь; равнымъ образомъ и Секстилисъ названъ *Августомъ* въ почестъ преемнику Цезареву, которой въ семъ мѣсяцѣ одержалъ *Акційскую* побѣду. Названіе прочихъ мѣсяцовъ извяснишь пруднѣе. Первой мѣсяцъ года *Январь* (Іаннуарій) происходитъ отъ имени Януса, можетъ быть потому что память его, какъ перваго учредителя жешвоприношеній и храмовъ, въ *Италіи* празднуема была въ етомъ мѣсяцѣ, или же потому что сей мѣсяцъ, подобно *двуличному* Янусу, смотрѣлъ на обѣ стороны, на старой годъ и на новой. *Февраль*

(*) Отъ septem, octo, novem, decem.

(**) Отъ quinque, sex.

(Февруарій) получилъ названіе свое отъ Латинскаго имени februaire, ш. е. обряда очищенія или умилоствленія, которой совершаемъ былъ во время Люцеркалій, а Люцеркаліи обыкновенно празднуемы были въ семь послѣднемъ мѣсяцѣ года. *Мартъ*, по тогдашнему первый мѣсяцъ, отъ Ромула посвященъ былъ отцу его Марсу. Названіе *Апрѣля* происходитъ отъ Латинскаго слова aperiere открывать, открывающъ, потому что весенняя теплота открываетъ земное нѣдро; или можетъ быть отъ Греческаго названія Венеры; ибо Афродитѣ посвященъ былъ сей мѣсяцъ, и ей приносима была жертва въ первой день *Апрѣля*. *Маіѣ* происходитъ или отъ *Majores* предки (ибо первой день *Маія* былъ посвященъ богамъ домашнимъ *Lares*), или отъ *Май*, матери Меркурія, покровителя купцовъ, которые въ епомъ мѣсяцѣ приносили ему жертву. *Іюнь* ведетъ начало свое или отъ *juniores* младшіе, равно какъ *Маіѣ* отъ *majores*, или въроятнѣе отъ *Юноны*, которой приносима была жертва въ первой день сего мѣсяца, или же еще отъ *Юнія Бруца*, которой изгналъ изъ Рима Тарквинія Суперба.

Римскія имена мѣсяцовъ вмѣстѣ съ календаремъ Юліанскимъ приняты почти во всѣхъ языкахъ Европейскихъ. Нѣмцы

однакожь имѣющѣ и старинныя названія, весьма удачно, по свидѣтельству Егингарда, выдуманныя Карломъ Великимъ; Wintermonat (зимній мѣсяцъ), Hornung (грязный, отъ стариннаго Horn грязь, потому что въ Февралѣ земля начинаешъ паять), Lenzmonat (весенній мѣсяцъ), Ostermond (мѣсяцъ пасхи), Wonnemond (мѣсяцъ веселія), Brachmonat (мѣсяцъ оранія), Heumonat (мѣсяцъ сѣна) Erndtemonat (мѣсяцъ жатвы), Herbstmonat (осенній мѣсяцъ) Weinmonat (мѣсяцъ вина), Windmonat (мѣсяцъ вѣтровъ), Heilmonat (Спасовъ мѣсяцъ).

О недѣлѣ. Человѣкъ неможеть снести работъ безперерывныхъ, особливо же ручныхъ и такихъ кои сами по себѣ несоставляютъ удовольствія, — неможеть снести не по недостатку въ силахъ, которыя ночнымъ отдыхомъ довольно подкрѣпляющя, но когда онъ не имѣеть въ виду награды, которая одна придаетъ бодрость и охоту работать, а именно свободы послѣ трудовъ провести день отдыха спокойно и весело. Мѣсто бодрости и охоты заступаетъ лѣность, унылость и отвращеніе, какъ видимъ въ галерныхъ невольникахъ. Напротивъ того приятное ожиданіе дня недѣльнаго заставляетъ работать съ скорбею и лучше. По сей причинѣ замѣчаемъ;

что всѣ древніе народы раздѣляли годъ на опредѣленное число дней рабочихъ, перерываемыхъ днями отдыха. Тридцатидневная работа безъ отдыха показалась слишкомъ продолжительною. Надлежало мѣсяцъ раздѣлить на недѣли, которыя состояли изъ 10, пошомъ изъ 9, изъ 8 дней; наконецъ установлены семидневныя. День отдыха, какъ плодъ работы, посвященъ Тому Кто благословляетъ работу — мысль, дѣлающая честь уму человеческому; но только не совсѣмъ удачно выдуманно, что со дня отдыха начинается у нѣкоторыхъ недѣля. Отдыхать не работавши значитъ лѣниться, а начинать недѣлю лѣнностью не есть вѣрное средство заслужить благословеніе Неба. Гораздо справедливѣе отдыхать послѣ работы, и не начинать, но оканчивать недѣлю днемъ праздничнымъ, какъ то въ обыкновеніи у Хрістіянъ Греческаго исповѣданія, у Магомешанъ и Евреевъ. У Хрістіянъ днемъ молитвы, отдыха и веселія бываетъ Воскресенье, у Евреевъ суббота, у Магомешанъ пятница.

Когда почтено за нужное раздѣлить мѣсяцъ на извѣстныя части; то найденъ въ тому способъ въ главныхъ переменахъ луны, какъ то въ новомѣсячїи, первой четверти, полномѣсячїи, послѣдней четверти. Такимъ образомъ составила недѣ-

ля избъ 7 дней, которая въ употребленіи у всѣхъ народовъ. Хотя и видно, что у древнихъ Грековъ недѣли или декады состояли избъ 10 дней, и что у Римлянъ были undinae избъ 8 или 9 дней; однакожъ самымъ названіемъ седмицы (hebdomas, settimana, semaine и проч.) доказываея, что послѣ того вездѣ принято было раздѣленіе времени на 7 дней.

Во всѣхъ языкахъ Германскаго происхожденія названіе недѣли woche, week, wik, и проч. сходно съ древнимъ гошическимъ wiko, которое значить *послѣдствен-
ное продолженіе* и вѣроятно имѣетъ родственную связь съ Латинскимъ vices *перемѣны* или съ Славянскимъ *вѣкъ*, спольшіе.

Римскія названія дней седмичныхъ и употребляемая въ календарѣ нашемъ знаки оныхъ, какъ то *день солнца* ☉, *день луны* ☾, *день Марса* ♂, *день Меркурия* ♀, *день Юпитера* ♃, *день Венеры* ♀ и *день Сатурна* ♄ суть остатки астрологіи. Египетскіе астрологи расположили планеты по разстоянію отъ земли слѣдующимъ порядкомъ: ♄, ♃, ♂, ☉, ♀, ♀, ☾; они думали что планеты попеременно господствуютъ надъ каждымъ избъ 24 часовъ въ суткахъ, и для того положили,

чтобы та планета, подъ вліянїемъ коея находящійся часъ начинается сунки, дала и цѣлому дню свое названіе. И шакъ день, въ которомъ первой часъ принадлежалъ солнцу, спалъ назывался днемъ солнца. Но какъ планетъ было 7, то 8й, 15й и 22 часъ дня состояли подъ управленїемъ солнца же; 23 принадлежалъ Венерѣ, 24 Меркурію, а первой часъ другаго дня Лунѣ, отъ которой и весь день получилъ свое названіе. По той же причинѣ и такимъ же порядкомъ названы и прочіе дни именами планетъ. Во Французскомъ языкѣ до нынѣ удержаны сіи названія Lundi, Mardi, Mercredi, Jeudi, Vendredi; только суббота и Воскресенью Французы побоялись дать имена явыческія: Samedi вброшно происходитъ отъ Іудейской субботы, а Dimanche, какъ видно, есть испорченное слово, происходящее отъ Латинскаго dominica, т. е. день господскій.

Русское названіе недѣли означаетъ *недѣланіе* или отдыхъ; слѣдующій за нею день называется понедѣльникомъ, потому что наступаетъ послѣ недѣли. Вторникъ, четвертокъ, пятокъ, то же что вшорой, четвертый, пятой день недѣли. Середа значитъ средній день, а суббота одно съ Еврейскимъ словомъ.

Нѣмецкія имена Sonntag (воскресенье), Montag (понедѣльникъ, на Англійскомъ оба Sunday, Monday) и другіе соснавлены, какъ видно, по Латинскимъ. Dienstag (вторникъ (поголланд. Dinsday, поангл. Tuesday) вѣроятно есть день Марса, который на Англо-Саксонскомъ языкѣ назывался Тич. Donnerstag (четвертокъ поангл. Thursday) или день *Тора*, бога грома, сѣвернаго Юпитера. Freytag (пятокъ, поангл. Friday) происходитъ вѣроятно отъ *Фригы*, Венеры сѣверныхъ народовъ. Англійское названіе среды Wednesday означаетъ день, который посвященъ былъ богу или герою *Водину*, иначе *Одину*.

О часахъ. Раздѣленіе гражданскаго дня, состоящаго изъ собственно шакъ называемыхъ дня и ночи, на 24 часа, равно какъ и на четыре главныя поры сутокъ, то есть на утро, полдень, вечеръ, полночь, есть весьма древнее. Одною порою изъ упомянутыхъ начинается гражданскій день, но различнымъ образомъ у разныхъ народовъ. Греки, Кипайцы, Арабы, Турки, Евреи начинаютъ сутки вмѣстѣ съ захожденіемъ солнца; таковъ обычай недавно еще былъ и въ Италіи. Всѣ Европейцы, слѣдуя Египтянамъ и Римлянамъ, начинаютъ день свой съ полуночи; Вавилоняне, Персы, Сиріане и другіе воспочные народы начинали оной

св восхожденіемъ солнца; астрономы св полудня, времени денныхъ наблюденій. Начало дня св полуночи естъ самое удобнѣйшее; по причинѣ окончанія всѣхъ работъ, и по тому что продолженіемъ сна естествененно раздѣляется время нашей жизни.

Поелику часъ состоитъ изъ 60 минутъ, а минута изъ 60 секундъ, то день гражданскій или сутки заключающъ въ себѣ 1440 минутъ, а секундъ 86,400. Иудеи копя, по примѣру Халдеевъ, и дѣлящъ сутки свои на 24 часа, но каждой часъ ихъ состоитъ изъ 1080 гелакимовъ, копорыхъ въ цѣломъ днѣ считается 25,920. Г.

О минералогіи.

Въ обыкновенномъ разговорѣ привыкли мы понимать подъ именемъ Натуральной Исторіи науку о живопныхъ, растеніяхъ и камняхъ. Мы въ то же время воображаемъ себѣ науку сію чрезвычайно приятною, занимательною, легкою, и спавимъ ее въ совершенную прошивуположность св сухою и ушомительною машемашикой. Для свѣтскихъ людей, которые по большей части такимъ образомъ судящъ, можетъ ешашься, любопышно будещъ узнать слож-

ность сей приятной и легкой науки. Здѣсь въ примѣрѣ приведемъ только та часть ея, которая описываетъ претье царство нашуры, то есть Минералогія.

Минералогія есть наука объ ископаемыхъ; слѣдовательно все, что ихъ касается, составляяетъ предметъ Минералогіи; а касающія ископаемыхъ слѣдующія познанія: *первое* о происхожденіи ископаемыхъ; *второе* о мѣсторожденіи и пребываніи ихъ; *третье* о наружной ихъ различности между собою; *четвертое* о ихъ составныхъ частяхъ; *пятое* о ихъ свойствахъ; *шестое* о пользѣ ихъ и употребленіи; *седьмое* о добываніи ихъ; *осьмое* о ихъ обработываніи, то есть объ извлеченіи изъ первобытнаго состоянія въ ближайшее къ употребленію; *десятое* о различныхъ эпохахъ, въ кои они были постепенно открываемы и переименованы въ названіяхъ, почитаемы полезными для человѣческаго общества и опять опровергаемы и проч.; *десятое* о извѣстныхъ сочиненіяхъ объ ископаемыхъ; *одиннадцатое* о расположеніи ихъ въ правильныя собранія или кабинеты, и наконецъ *двенадцатое* о способахъ преподавать Минералогію.

Сии двенадцать опредѣленій Минералогіи составляютъ каждое особую науку, а иное

содержитъ въ себѣ двѣ и три. Такъ на примѣръ познаніе о происхожденіи ископаемыхъ заключаетъ въ себѣ геологію или науку о землѣ вообще; геогенію или науку о происхожденіи земли, и геогнозію или науку о горахъ, которая содержитъ еще науку объ окаменѣлостяхъ (*). Познаніе о мѣсторожденіи и пребываніи ископаемыхъ зависитъ, какъ всякой догадается, отъ минералогической географіи; познаніе о наружныхъ признакахъ ископаемыхъ подаетъ ориентогнозія, которая содержитъ въ себѣ кристаллографію или ориентометрію, то есть науку о правильныхъ ископаемыхъ тѣлахъ. Познаніе о составныхъ частяхъ ископаемыхъ есть минералогическая химія; о свойствахъ ихъ минералогическая физика; о употребленіи ихъ и пользѣ въ обществѣ; художествахъ и ремеслахъ преподаетъ экономическая минералогія. Способы добычѣ ископаемыхъ содержатся въ горномъ искусствѣ, соединенномъ съ подземною геометрією или марншейдерскою наукой. Познаніе о извлеченіи ископаемыхъ изъ первобытнаго ихъ вида, или обработываніе ихъ, имѣетъ свое пространное поле; за-

---

(*) Къ геогнозіи принадлежитъ также искусство составлять петро-графическія карты.

ключающее въ себѣ *металлургію*, или науку о добываніи металловъ со всеми ея частями; *пиритологію* или науку о извлеченіи горючей сѣры, и *науку о приготвленіи солей*. Познаніе о различныхъ эпохахъ ископаемыхъ составляетъ *ихъ исторію*; познаніе всѣхъ сочиненій о ископаемыхъ есть наука *ихъ минералурги*, которая еще имѣетъ свою собственную *исторію*. Расположеніе ископаемыхъ въ правильныя собранія заключается въ *минералогической музеологіи*. Наконецъ *дидактика* рассуждаетъ о способахъ преподавать Минералогію.

Сверхъ того кристаллографія въ тѣсномъ союзѣ съ высшей математикой; металлургія не можетъ жить безъ механики и архитектуры; горное искусство требуетъ гидравлики, а геогнозія атмосферологіи и астронومیи, неговоря уже, что геологъ, больше нежели всякой другой натуралистъ, обязанъ быть хорошей метафизикъ.

И такъ минералогію которая объемлетъ въ одно и то же время высоты воздушныя и земныя бездны, сравнить можно съ большимъ мудрымъ деревомъ, которое, по словамъ спихопворцевъ, вершинами касается неба, а корнемъ Плутонова владычества, съ деревомъ котораго каждая

вѣшвъ или опрасль даешъ свою особенную
тѣнь; ее можно сравнить съ рѣкою, кото-
рая мала въ глазахъ того, кто смотришь
на ея начало, но которая дѣлается боль-
шою и величественною отъ многихъ дру-
гихъ водъ, въ нее текущихъ. — Что же
будетъ тогда вся Натуральная Исторія? —
Огромный безпредѣльный лѣсъ такихъ де-
реьевъ; океанъ поглощающій множество
такихъ рѣкъ; ибо нѣтъ ни одного знанія
человѣческаго, ни одного искусства, копо-
рыя не служили бы великой наукѣ природы.

Златоустовской заводъ.

Ө. Г.

Жизнь Улриха Цвинглія, Рефор- матора Швейцаріи (*).

Реформація шестаго-надесять вѣ-
ка, не малую часть Хрістіанъ отдѣлив-
шая отъ Римской церкви, есть одно изъ
любопытнѣйшихъ происшествій исторіи
новѣйшей какъ по своимъ причинамъ, такъ
и по слѣдствіямъ. Преніе, сперва зани-

(*) Такъ называется книга, г-мъ Гессомъ со-
чиненная на Французскомъ языкѣ и недавно
напечатанная въ Парижѣ. Читатели най-
дутъ много любопытнаго въ предлагаемомъ
здѣсь извѣстіи объ оной. *Изд.*

мавшее только умы богослововъ, на послѣдокъ производить новой порядокъ во мнѣніяхъ, вліяніе коего простирается даже на мужей просвѣщенныхъ. Такимъ образомъ г. Гессъ разсуждаетъ о сей достопамятной эпохѣ; онъ думаетъ, и конечно не безъ причины, что при терпимости вѣрѣ, повсемѣстно царствующей, позволено изображать начальниковъ сей великой перемены такими, каковы они были въ самомъ дѣлѣ. Законоучитель, о которомъ нынѣ г. Гессъ даетъ намъ свѣдѣніе, не столь славенъ, какъ Лутеръ и Калвинъ, потому что ученики его не назывались его именемъ; не смотря на то, онъ не уступалъ имъ ни въ дарованіяхъ, ни въ познаніяхъ; особливо когда разсудишь, что Цвинглій, будучи современникомъ перваго и предшественникомъ послѣдняго; собственнымъ усиленіемъ вознесся выше своего вѣка независимо естію мнѣній.

Улрихъ Цвинглій родился перваго Января 1484 года въ Вилдгаузѣ, деревнѣ Токенбургскаго Графства; въ Швейцаріи. Отецъ его, простой крестьянинъ, не поощрилъ никакимъ усиленіемъ основательному наученію своего сына. Молодой Улрихъ отправленъ былъ въ Базель, а потомъ въ Бернъ, гдѣ открылось училище Словесныхъ наукъ. Оказанные имъ успѣхи за-

служили вниманіе Доминиканцевъ, спаравшихся включить его въ сочлены своего ордена. Отецъ, узнавши о семъ, немедленно послалъ Улриха въ Вѣнскаго Университетъ, кою погда очень славился. Цвинглій такъ ознакомился съ Греческими и Латинскими авторами классическими, что на 18 году занялъ кафедру въ Базельскомъ Коллегіумъ, гдѣ онъ много способствовалъ къ облегченію средствъ упражнясь въ древнихъ языкахъ, изученіемъ коихъ, по замѣчанію біографа, предуготовилось возобновленіе наукъ въ пятнадцатомъ столѣтіи, и которые всегда будутъ надежнѣйшимъ основаніемъ просвѣщенія и учености.

Среди важнѣйшихъ занятій Цвинглій не переставалъ упражняться въ музыкѣ. Сіе искусство тогда составляло главную часть воспитанія молодыхъ людей, посвящавшихъ себя духовному чину; Цвинглій почиталъ музыку послѣ утомительнаго труда истинною отрадою духа, подкрѣпленіемъ умственныхъ силъ и вмѣстѣ лучшимъ средствомъ къ умягченію нравовъ.

Цвинглій, будучи избранъ во священника въ Гларисъ, селѣ Кантона погожѣ имени, призналъ за необходимое приобрести обширнѣйшія свѣдѣнія. Онъ рѣшился, по начертанному имъ же самимъ плану, снова

принятыя за богословскія науки. Приблизно чпеніе Новаго Завѣша предшествовало его неупомимымъ изысканіямъ. Для лучшаго познанія Посланій Св. Апостола Павла списалъ онъ Греческій оныхъ текстъ собственною рукою, и прибавилъ на поляхъ кромѣ примѣчаній, почерпнутыхъ изъ Св. Ошцевъ, много своихъ собственныхъ. Сія любопытная рукопись еще хранился и до сихъ поръ въ Цирихеной библіотекѣ.

Желая подробнѣе узнать постепенный ходъ Хрістіанства; Цвинглій не устращился варварскаго слога и нелѣпоши мнѣній въ писателяхъ средняго вѣка. Съ тѣмъ же намбреніемъ онъ читалъ безъ всякаго предубѣжденія многихъ писателей даже обвиненныхъ въ ересь. Между прочимъ взялъ на замѣчаніе Рапрамна, монаха IX вѣка, коего мнѣнія о таинствѣ причащенія хотя и сходствовали съ мнѣніями послѣдующихъ вѣковъ, однако осуждены были въ Римѣ; также Англичанина Виклефа, опвергавшаго монашество, на послѣдокъ Ивана Гусса, сожженного по опредѣленію Констанцискаго собора за то, что дерзнулъ возстать противу свѣтской власти Папской. — Столь обширная ученость ощутишельнымъ образомъ была въ прошиву положеніи съ постыднымъ невѣжествомъ большей части тогдашняго духовенства:

Одинъ изъ современныхъ писателей повѣствуетъ, что въ Синодѣ сельскихъ Денавовъ Гельвешической церкви нашлось не болѣе трехъ, которые читали Библію: другіе чистосердечно признавались, что имъ едва извѣстенъ Новый Заветъ. Проповѣди ихъ были не иное что какъ жалоспи достойное пуспословіе.

Однако въ сіе самое время Теобалдъ, баронъ Геролдзекской, настоятель славнаго Ейнзидленскаго Аббатства въ Швицскомъ Кантонѣ, возвѣмъль благородное намѣреніе открытъ въ монастырѣ своемъ убѣжище такимъ людямъ, которые, по своему просвѣщенію и соревнованію, могли бы способствовать распространенію познаній, соотечественникамъ его полезныхъ. Желая присоединить Цвинглія къ сему ученому обществу, Теобалдъ предложилъ ему мѣсто проповѣдника въ Аббатствѣ. Цвинглій извѣявилъ свое оогласіе; онъ чувствовалъ, что подъ покровительствомъ настоятеля можно будетъ свободнѣе открытъ мнѣнія свои, о которыхъ долго размышлялъ, живучи въ уединеніи. Цвинглій не обманулся, ибо нашелъ въ Ейнзидленѣ многихъ людей съ истиннымъ знаніемъ, людей которые послѣ помогали ему ввести преобразование въры въ Швейцаріи. Они вмѣстѣ читали св. Отцевъ, коихъ шворенія

Еразмъ издалъ въ Базель; чинали также сочиненія самаго Еразма и знаменипаго Геллениспа Капніона (Рейхлина) — возобновишелей наукъ въ Германіи.

Цвинглій, видя что умы довольно уже приуготовлены частными наставленіями, наконецъ рѣшился приступить къ дѣлу. Для сего онъ избралъ день торжественнаго праздника, когда въ Ейвзидленѣ собралось великое множество народа. Слѣдующій опрыворъ изъ рѣчи, говореной имъ предъ собраніемъ, въ кошоромъ находились отличнѣйшія духовныя и свѣпскія особы, ясно показываетъ чувство, одушевлявшее оратора.

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
„Я знаю, что мы сами — служители олпашей, мы, кошорые должны быть *солью земли* — мы сами завели въ лавиринѣ заблужденій несмысленную и легковѣрную толпу черни. Дабы удовольствоваться нашею корысполубіею и дабы умножить сокровища наши, мы сопричислили къ благимъ дѣламъ пущые обряды и ничпожныя пошпановленія. Нынѣшніе Хрїстіане, будучи послу-

„ины гласу шоль блгхъ пастырей, какъ
 „мы, старающа шоль покупаш опущен-
 „нїе грѣховъ и нимало не помышляющъ отъ
 „нихъ отвыкнушь. Спанемъ жить, какъ гово-
 „рящъ они, по своей волѣ; спанемъ лучше
 „обогащаться на счетъ другаго: намъ ли
 „спрацишьсѣ обогрять руки въ крови и убій-
 „ствахъ, когда имѣемъ такой легкой спо-
 „собъ получишь опущенїе грѣховъ нашихъ.“

Цвинглїева проповѣдь сдѣлала впечат-
 лѣнїе въ нѣкоторыхъ слушателяхъ — по-
 клонники опнесли назадъ свои приношенїя.
 Общественство сїе вооружило противъ
 него Ензидленскихъ монаховъ; ибо они
 опасались, чшобы доходы ихъ не умалились.
 Собднїе монаспыри пакже почувствовали
 сїе опасенїе и не преминули разсѣять мно-
 жества оскорбительныхъ слуховъ на счетъ
 реформатора. Однако, по видимому, проповѣдь
 нимало не возбуждала негодованїя въ на-
 чальникахъ монаспырскихъ. Замѣчательно
 пакже, чшо въ епо самое время Папа Левъ
 X пожаловалъ Цвинглїю дипломъ на званїе
 свѣщеносца при свяшомъ пресполѣ. Цвин-
 глїй не заботился о семъ опличїи, коимъ
 обязанъ былъ своей славѣ, начинавшей рас-
 проспраняться.

Мѣсто проповѣданїя Цирихской кате-
 дральной церкви равно предложено ему было

по славѣ; онъ принялъ его, въ надеждѣ бытъ шамъ болѣе полезнымъ нежели въ монастырѣ. По своей обыкновенной рѣшимости онъ преслѣдовалъ съ каедръ пороки во всѣхъ состоянїяхъ; въ особенноти же устремлялъ свое краснорѣчіе противъ неустройствъ каплицеской церкви. Въ сей достопамятный годъ (1518) Левъ X отправилъ въ Швейцарїю Францисканца Бернарда Самсона, котораго снабдилъ властію разрѣшать всякіе грѣхи Христїанъ, благочестивымъ даянїемъ способствовавшихъ привести къ окончанїю храмъ Св. Петра, начатый Папою Юліемъ. Безспядсво, съ какимъ сей монахъ исполнялъ свое препорученїе, изображается въ слѣдующемъ поступкѣ: чптобы опдалить толпу бѣдныхъ, которые всякой разъ собирались вокругъ него, онъ приказывалъ возглашать діакону: „дайте сперва подойти богатымъ, которые могутъ купить опущенїе грѣховъ; удовольствовивъ ихъ, мы и васъ выслушаемъ.“ Ноконецъ ещѣ Францисканецъ осмѣлился на каедрѣ сказать, что грѣшникъ съ того часа приобщается благодати Божїей, какъ положитъ сребро въ кружку. Сїю чудесную нравственноти апостольскїй посланникъ проповѣдывалъ въ Бернѣ; потомъ онъ направилъ стопы свои въ Цирихъ. Цвинглїй ждалъ его; онъ уже приготовилъ умы слушателей своихъ мно-

рими рѣнами, исполненными силы и разума. И шакъ неувидительно, что когда Самсонъ явился въ Цюрихъ, то сеймъ повелѣлъ ему немедленно выѣхать изъ Гальвещическихъ владѣній.

Многіе писали, и самый Вольшаръ, котораго не лзя подозрѣвать въ приспираспій въ Папамъ, почитали распрю объ индульгенціяхъ главною причиною переменъ; попому что она Цвинглію и Луперу дала поводъ явно вооружиться противъ Римскаго престола. Г. Гессъ отвергаетъ всеобщее мнѣніе въ разсужденіи сего предмета болѣе историческими доказательствами, нежели умозрищельными заключеніями.

Цвинглію, говоритъ онъ, еще прежде Самсонова прибытія въ Швейцарію, чувствовалъ необходимость преобразовать богослуженіе, благочиніе и догматы церкви; и когда разсмотрѣвъ всю вообще сію исторію, по сопровиженіе, извѣщенное имъ Самсону, оцѣнешся дѣломъ особеннымъ, которое не имѣло непосредственнаго вліянія въ послѣдующія происшествія. Луперу и Цвинглію не было нужды въ какомъ либо частномъ побужденіи; чтобы дойти до начала ихъ мнѣній, надобно обратиться гораздо далѣе. . . Вліяніе новой системы, которую сознавалъ реформаторъ,

извѣстно было задолго еще прежде обнаруженія славныхъ тезисовъ, преподанныхъ въ Виштембергскомъ Университетѣ. Продажа индульгенцій только подала ему случай начать явную войну; но уже естественное направленіе его понятии вмѣшало его въ ссору съ папистами, особливо въ то время когда Тешцель возбудилъ въ немъ негодованіе (*). Революція, открывшаяся въ 16 вѣкѣ, не могла бы произойти отъ одного происшествія, ниже зависѣть отъ одного человека; она требовала спеченія множества обстоятельствъ, которыя дѣйствовали долгое время скрытно и приготовили умы къ важнымъ переменамъ. Прежде Лутера и Цвинглія многіе богословы покушались произвести реформу, но никому изъ нихъ не удалось; ибо они принимались лечитъ болѣзнь прежде ея перелома.“ — Сей

(*) Иоаннъ Тешцель, монахъ Доминиканскій, отправленъ былъ Папою въ Германію съ такимъ же препорученіемъ, какъ и Самсонъ въ Швейцарію. Римской дворъ не могъ сдѣлать лучшаго выбора. Тешцель продавалъ индульгенціи въ корчмѣ; онъ то однажды осмѣлился сказать для лучшаго ободренія покупателей: „Хотя бы вы оказали законопреступнѣйшее неуваженіе къ особѣ Пресвятой Дѣвы — съ моими индульгенціями вамъ нечего страшиться.“ *Прижъч. Франц. Журн.* — Нечестливое безстыдство Тешцеля изображено въ подлинникѣ еще явственнѣе.

способъ дѣлать заключенія конечно правиленъ и почтенъ; онъ доказываеиъ, что не гнусное желаніе корысти, ниже то, что вообще называютъ соперничествомъ, заставили Цвинглія показать рѣшимость въ спеченіи споль важныхъ обшпоятельствъ. Вскорѣ ему надобно было подумать о собственнѣйшей защитѣ. Левъ X въ 1520 предалъ Лупера анаемъ — и враги Цвингліевы, почти всѣ монахи, чтобы посрамить своего прошивника, незамедлили назвать его *Лютераниномъ*, хотя до сихъ поръ между Швейцарскимъ реформаторомъ и Саксонскимъ не было никакихъ сношеній. Цвинглій не отвѣчалъ на сіи хитрыя обвиненія. Онъ только исходатайствовалъ дозволеніе имѣть двукрашную разговоръ для показанія своихъ мнѣній, и тогда-то одержалъ совершенную побѣду. Враги реформатора вздумали сильно поразить его, устремивши свое гоненіе на одного изъ ревностнѣйшихъ его послѣдователей, уѣзднаго судью Вирша; обвиненнаго въ томъ будто онъ сжегъ или позволилъ сжечь изображение Св. Анны, почитаемое въ кантонѣ. Къ несчастію онъ не принадлежалъ къ вѣдомству Цирихскаго сенапа; а то бы конечно Цвинглій защитилъ его отъ гибели. Почтенный спарикъ судимъ былъ въ трибуналѣ, гдѣ президентъ отвѣчалъ родственникамъ и друзьямъ подсудимаго си-

ми словами, изображающими духъ изувр-
ства, прошивъ кошорого реформаторъ во-
оружался: „Какое Вирше, другаго человека
лучше и справедливее я не знаю! Еслибъ
онъ кого ограбилъ, еслибъ онъ уличенъ
былъ въ кражу, и хотя бы учинилъ даже
убийство, я и тогда смелъ бы говорить въ
его пользу. Но онъ дерзнулъ предать сож-
женію образъ святыя Анны; этого никакъ
нельзя простить ему (*).“

Цвинглій, будучи непоколебимъ въ
своихъ правилахъ, не остановился въ ис-
полненіи своихъ намбреній. Въ день Св.
Пасхи 1525 года онъ представилъ Цирих-
скимъ жишелямъ первое зрѣлище богослу-
жебнаго обряда, копорой долженствовалъ
впредь совершаемъ бытъ вмѣсто прежней
Римско-наполической обѣдни. Новыя мнѣнія
разлились на всѣ состоянія, даже и на шѣ,
копорыя находили для себя выгоды въ зло-
употребленіяхъ. Цирихской капишуль пре-
доставилъ сенату всѣ свои права полити-
ческія и распоряженіе доходами; сему сла-
вному примѣру послѣдовало Фрауминспер-

(*) Исторія временъ грубаго невѣжества пред-
ставляетъ множество такихъ примѣровъ.
Глупость не стыдилась тогда злость серд-
ца прикрывать набожностію. Тупыя головы
невѣдають, что истинная набожность и
злота несовмѣстны одна съ другою.

ское Аббатство. Одна только нищенствующая братія монаховъ сопротивлялась реформѣ. Свѣтская власть произнесла приговоръ объ уничтоженіи духовныхъ орденовъ; однакожъ корысполубіе совсѣмъ неимѣло участія въ сихъ спасительныхъ мѣрахъ; церковныя имущества не расхищены частными людьми, ниже конфискованы; имъ только дано назначеніе лучшее и подлинно благочестивое, какъ то: продовольствіе больницъ и содержаніе народныхъ училищъ, которыя обязаны Цвинглію новымъ своимъ преобразованиемъ. Онъ основалъ катедры Еврейскаго и Греческаго языковъ, въ намѣреніи доставить случай сравнивать текстъ Ветхаго и Новаго Завета съ переводами, принятыми Римскою церковію (*).

(*) Незвѣжество католическаго духовенства было таково, что одинъ монахъ жестоко нападая съ катедры на Цвинглія и Лупера, между прочимъ сказалъ: „Они изобрѣли, назадъ тому нѣсколько времени, новый языкъ, корень всѣхъ ересей — *Греческой*. На семъ языкѣ они уже и напечатали книгу, называемую *Новый Заветъ*, которой содержитъ въ себѣ премного опаснаго. Теперь еще составляется ими другой языкъ — *Еврейскій*. Кто будетъ ему учиться, тотъ сдѣлается предателемъ Христа — *Жидомъ*.“ См. Z. Müller *Geschicht. von Schweiz*, t. IV. p. 455.
Прим. Фр. Журн.

Реформація приобрѣшала день ото дня новыхъ послѣдователей. Большой Совѣдъ Бернскій созвалъ въ 1527 году всѣхъ духовныхъ особъ Гельветическаго союза. Цвинглій явился на епомъ собраніи, гдѣ краснорѣчіе его и глубокая ученость вскорѣ овладѣли умами. Сей соборъ торжественно принялъ преобразование богослуженія — и въ печеніи чешырехъ мѣсяцовъ всѣ приходы кантона торжественно послѣдовали сему примѣру. Цвинглій, какъ мы уже замѣтили, обязанъ самому себѣ торжествомъ своимъ надъ сопротивниками. Онъ не только не пользовался никакими наставленіями отъ Лутера, но даже перваго свиданія его съ реформаторомъ Саксонскимъ причиною была ссора. Лутеръ съ обыкновенною пылкостью возсталъ противъ ученія своего собрата, относительно до прешворенія хлѣба и вина въ шайнствѣ причащенія. Ландграфъ Гессенскій, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ Князей своего времени, будучи озабоченъ симъ несогласіемъ, происшедшимъ между двумя мужами, на коихъ вся Европа обратила вниманіе, пригласилъ ихъ для свиданія въ одинъ городъ изъ находящихся въ его владѣніяхъ. И шавъ въ 1529 году Лутеръ и Цвинглій видѣлись въ Марбургѣ; съ ними были знаменитые богословы Меланхтонъ, Буолампадъ и проч. Они согласились между

собою во всѣхъ пунктахъ; кромѣ таинства причащенія.

Среди швейцарскихъ трудовъ и безпокойствъ Цвинглій издалъ множество сочиненій, въ коихъ онъ рассуждалъ о важнѣйшихъ вопросахъ, касающихся до нравственности и богословія; сокращеніе его ученія, приписанное имъ Франциску I, заслуживаетъ въ особеннсти бытъ упомянуто (*). Въ немъ находилса любопытное мѣсто относительно до мнѣній богослововъ, которые думали, что добродѣтели язычниковъ не что сущь иное, какъ блестящіе пороки (*splendida peccata*): — „За чѣмъ намъ полагать предѣлы Божескому милосердію? говоришь Цвинглій: я увѣренъ, что „Аристидъ, Сократъ и всѣ добрые люди, „исполнявшіе законы, начертанные въ ихъ „совѣсти, въ какомъ бы вѣкѣ или странѣ „ни жили, войдутъ въ вѣчное блаженство.“ Это было послѣднимъ сочиненіемъ; спустя нѣсколько времени, гибельный ударъ окончилъ его жизнь среди многотруднаго поприща.

Не смотря на всѣ его усилія, чтобы учредить порядокъ, или по крайней мѣрѣ

(*) Всѣ его сочиненія составляютъ IV Тома въ листъ, кромѣ множества рукописныхъ.

совершенную терпимость между двумя кан-
тонами, протестантскимъ и католиче-
скимъ, жестокая война возгорѣлась между
ими 1531 года. Цирихской сенатъ, вооруживъ
войско, желалъ, чтобы Цвинглій сопро-
вождалъ начальствующаго надъ онымъ. Тѣ,
которые въ немъ были привязаны, дума-
ли, что его присутствіе ободритъ сол-
датъ; но тайные враги, зная его хра-
брость, надѣялись, что онъ не избѣгнетъ
смерти. Войско выступило въ походъ; вы-
стрѣлъ изъ пушки, раздавшійся вдаль,
возвѣстилъ, что двѣ арміи уже сражались.
„Поспѣшимъ, вскричалъ Цвинглій; я иду
къ моимъ собратіямъ — спасать ихъ,
помогать имъ, или вмѣстѣ съ ними по-
гибнуть.“ Почти въ то же самое время,
какъ онъ на полѣ битвы ободрялъ своихъ,
смертельный ударъ поразилъ его. Католи-
ческіе солдаты, не узнавъ его, предлагали
ему духовника. Онъ отвергнулъ сіе движе-
ніемъ головы: „Такъ умри же, упорный
еретикъ!“ вскричалъ одинъ изъ нихъ, и
прокололъ его дротикомъ.

Уже на другой день найдено тѣло ре-
форматора и выщавлено было передъ вой-
скомъ. Своевольные солдаты схватили без-
душной шрупъ, сожгли его, и прахъ раз-
вѣяли.

Такимъ образомъ на 47 году окончилъ жизнь свою Цвинглій. Въ одиннадцать лѣтъ онъ успѣлъ переменить нравы, повящія о вѣрѣ и полипическія основанія своего отечества. „Любовь къ ближнему, простота, достойная временъ патрїаршескихъ, мудрые законы, нравы, сильнѣйшіе самихъ законовъ — вотъ благородное достояніе, ославленное Цвинглїемъ отечеству!“

Жизнь Швейцарскаго Реформатора писана шамъ, гдѣ онъ трудился для распространенія своего ученія среди народа, кошорой съ благоговїемъ чтимъ его память. Къ чести г-на Гесса надобно замѣтить, что его положеніе и обстоятельство послужили ему для соблюденія достовѣрности, и не вывели его изъ предѣловъ строгаго безприсраспїя, которое непременно должно быть всегдашнимъ руководителемъ историка. Философія его просвѣщенная, челоѣколюбивая, исполненная терпимости. Происшествія предлагаетъ онъ скромно; иногда подвергаетъ оныя благоразумному изслѣдованію, иногда выводитъ изъ нихъ полезныя размышленія.

(Изъ *Mercure de France*.)

Ив. Снеговъ.

ІІІ. С М Ъ С Ъ.

Московскія записки.

Здѣшнее Общество Любителей Россійской Словесности 7го числа Іюня праздновало день своего учрежденія торжественнымъ собраніемъ, описаніе коего по обыкновенію должно быть помѣщено въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Членъ Общества А. Ѡ. Воейковъ, нынѣ въ первый разъ присутствовавшій, по полученіи диплома на свое званіе, произнесъ благодарственную рѣчь, въ которой говорилъ о пользѣ и цѣли ученыхъ Обществъ. Въшъ собственныя слова его: „Ученія Общества выбираютъ себѣ цѣль, для частнаго человѣка почти недостижимую, пребующую необыкновенныхъ трудовъ, свѣдѣній и талантовъ разнообразныхъ. Какой писатель одинъ могъ бы подвѣявъ пруды Лондонскимъ Историческимъ Обществомъ славно совершенные? Достанетъ ли силъ и познаній самаго неупомимаго автора, составивъ Енциклопедію, или Полный словарь языка, опредѣлишь вѣрный кругъ значенію, каждаго слова и покажетъ тѣни между синонимами? Кто осмѣлится сказать о себѣ, что онъ познакомитъ насъ со всѣми Греческими и Латинскими писателями, даже только съ поешами, даже съ однимъ Виргилиемъ? и проч.“ Г. Предсѣдатель А. А. Проколовичъ-Аншонскій въ рѣчи своей предложилъ между прочимъ объ упражненіяхъ сего Общества и о цѣли, которую

оно въ виду имѣеть. О необходимости знанія
 языка отечественный сказано слѣдующее :
 „Изученіе языка — дѣло великое. Слово есть
 „главное достоинство и отличіе человека. По
 „успѣхамъ слова мы обыкновенно судимъ о
 „преимуществахъ каждаго члена общества и
 „дѣлаго народа. Языкъ есть знаменіе народ-
 „ной образованности. Нѣтъ состоянія въ го-
 „сударствѣ, для котораго тщательное ученіе
 „языка было бы не нужно. Судья изрекаетъ
 „судъ и правду съ большею точностію ;
 „полководецъ возбуждаетъ воиновъ къ пре-
 „одоленію непріятели съ большею силою; уче-
 „ные мужи изображаютъ истину явственнѣе
 „и съ большею выразительностію, если обла-
 „даютъ совершенно языкомъ народа.“ Пиша-
 емъ себя надеждою, что вниманіе читателей
 нашихъ неупомянется, когда предложимъ здѣсь
 окончаніе сей рѣчи : „Можетъ быть нѣкто-
 „рымъ самой планъ выдаваемыхъ нами сочи-
 „неній кажется не привлекательнымъ. Можетъ
 „быть нѣкоторымъ хотѣлось бы, чтобы мы из-
 „давали отрывки легкія, пріятныя и забавныя.
 „Конечно; по причинамъ выше мною предло-
 „женнымъ труды наши еще не совершенны ;
 „но отъ Общества, избравшаго цѣлью основа-
 „тельное познаніе языка, требовать един-
 „ственно забавныхъ сочиненій несправедливо.
 „Легкими отрывками и мѣлочами всякаго рода
 „мы и безъ того слишкомъ богаты. Онѣ рожда-
 „ются безъ цѣли и исчезаютъ мгновенно. Сія
 „забавныя и мѣлчныя исчадія походять на
 „ночные призраки, коихъ ложнымъ блескомъ
 „обольщаются только неопытные взоры.“ Для
 „образования Русской словесности потребна
 „твердая основа и незыблемыя правила. —
 „Общество наше должно болѣе заниматьсь

такими предметами, кои если невозведутъ
нашего языка на степень совершенства, то
по крайней мѣрѣ проложатъ путь другимъ
къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, — такими пред-
метами, которые способствуя усовершенію
языка, могутъ назидать умъ и сердце. Мы
предприняли трудиться не изъ тщеславія и
корысти, не въ угожденіе зашѣливой празд-
ности, но единственно изъ усердія къ об-
щему благу, въ удовольствіе просвѣщенныхъ
любителей словесности, въ пользу Отечества,
во славу Августѣйшаго Просвѣтителя Россіи.
Вотъ цѣль, къ которой мы должны стре-
миться! вотъ планъ трудовъ нашихъ! Да
поможетъ Благій Промыслъ совершить его съ
желаемымъ успѣхомъ! Изъ числа задачъ,
присланныхъ отъ нѣкоторыхъ Членовъ, въ семъ
Собраніи предложены были на разсмотрѣніе при-
сѣдающія:

1 я. Определить характеръ древней поэ-
зіи Сѣверныхъ народовъ и показать особен-
ныя, отличительныя свойства; принадлежащія
поэзіи Скандинавской (куда отнести должно
Шотландскую и Исландскую), Польской и
Русской.

2 я. Начертать ходъ Россійскаго стихо-
творства; по естъ мѣрнаго споспосложенія,
не касаясь піишической прозы; показать эпо-
хи онаго отъ первыхъ опытовъ до принятія
въ употребленіе хореевъ и ямбовъ; опреде-
лить древность старинныхъ пѣсень народ-
ныхъ и сдѣлать имъ приличное раздѣленіе; и
вообще показать происхожденіе и всѣ перемѣ-
ны стихосложенія до временъ Тредіаковскаго
и Ломоносова.

3 я. Показать причины измѣненія Русска-
го языка, вліяніе полученное имъ отъ ино-

странныхъ языковъ, какъ шо Польскаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго, также выгоды и невыгоды отъ сего происходящія.

Послѣдняя задача большинствомъ голосовъ избрана и будетъ объявлена чрезъ газетны. За лучшее разсужденіе объ оной и удовлетворишельнѣйшее рѣшеніе опредѣлено дать сочинителю медаль въ придцать червонцевъ. Но поелику въ Русскомъ языкѣ произошли очевидныя перемѣны отъ Греческаго и Татарскаго, шо Общество пребуешъ, чшобы включены были и сіи въ число вышеупомянуемыхъ языковъ, имѣвшихъ вліяніе на Русской.

Прилагается видъ Римской крѣпости Св. Ангела (Il castello Sant'Angelo), выгравированный по рисунку, находящемуся при одномъ Нѣмецкомъ журналѣ (*) Сей величественный памятникъ воздвигнутъ Императоромъ Адрианомъ, которой назначилъ для него мѣсто подлѣ Августовой гробницы и желалъ чтобы въ немъ хранились ошатики праха его послѣ смерти. Стѣны вшорога яруса выложены были Паросскимъ мраморомъ; весь памятникъ украшенъ былъ высокими колоннами и дорогими статуями. Нѣкоторые говорятъ, что на вершинѣ зданія прежде находилась Адрианова статуя. Другіе напротивъ того свидѣтельствуютъ, что на ней былъ утвержденъ шаръ, въ которомъ хранился прахъ сего Императора. Послѣ разрушенія Имперіи Римской гробница превратилась въ крѣпость, и на мѣстѣ Адриановой статуи воздвигнуто изваянное изображение Св. Архангела Михаила, отъ котораго она получила свое

(*) Zeitung für die elegante Welt.

название. Папы старались укрѣплять сей замокъ. Онъ соединяется съ Вапиканскимъ Дворцомъ длиною галереєю, которая сдѣлана была по приказанію Александра VI, для того чтобы въ случаѣ опасности удобно было можно уйти изъ дворца въ крѣпость.

Вилиски, извѣстія, замѣчанія.

Въ одной книжкѣ, на Французскомъ языкѣ изданной въ С. Петербургѣ прошлаго года и сочиненной по видимому какимъ-то иностранцемъ (*), между прочимъ написано слѣдующее :

,Замѣчено, что молодые Россіяне, путешествующіе по чужимъ государствамъ, стараются подражать Французамъ въ ухваткахъ и даже въ выговорѣ. Но всего удивительнѣе, что путешествуя по Россіи, всегда и вездѣ находишь людей, которые, бывъ рождены и воспитаны въ Россіи, кажутся Французами. Явленіе сіе шѣмъ изъясняется, что молодые Россіяне знатнаго рода и дѣти хорошихъ домовъ воспитываются Французскими наставниками; посредствомъ чужеспаннаго языка развиваются въ нихъ понятія и образуются мысли, которыя получаютъ чрезъ то неизгладимое впечатлѣніе. Словесность и исторія Франціи, описаніе нравовъ и обычаевъ сей земли суть первые предметы, коими напечатываются младыя души. Молодой Россіянинъ знатнаго рода говоритъ о Парижѣ, какъ

(*) Promenades d'un Desoeuvré dans la ville de S. Petersburg. Tom I et. II.

будто бы родился въ епомѣ городѣ, хотя въ самомъ дѣлѣ онѣ никогда въ немѣ не былъ; онѣ рассказываетъ объ улицахъ о площадяхъ, о рѣдкостяхъ Парижскихъ, какъ будто бы самѣ видѣлъ ихъ своими глазами; анекдоты его и шулки обыкновенно относятся къ Парижу; въ разговоръ своему онѣ придушеваетъ стихи изъ Боало и Вольтера; ссылается всегда на что нибудь Французское, дѣлаетъ сравненія всегда Французскія: словомъ онѣ Французъ, хотя родился миль за тысячу отъ Парижа, имѣетъ отца и мать Русскихъ и принадлежитъ къ церкви Греческаго исповѣданія. “Какая честь! какая слава! Сочинителю надлежало бы еще къ великимъ и полезнымъ достоинствамъ сихъ почтенныхъ господъ полуфранцузовъ прибавить, что они съ презрительною жалостію смотрятъ на шѣхъ невоспитанныхъ глупцовъ, кои приобретение основательныхъ знаній, необходимо нужныхъ для сына Отечества, предпочитаютъ болтанью о Парижскихъ улицахъ.

✱

Левекъ, извѣстный сочинитель Русской исторіи, недавно умеръ. Во Французскихъ спискахъ пишутъ, что его Исторія уважается даже и въ самой Россіи. Правда что она достойна уваженія по тому только, что Левекъ не распочалъ въ ней ядовитыхъ клеветъ и ругательствъ, которыми прочіе земляки его призывали свое невѣжество въ историческихъ сочиненіяхъ о Россіи. Нынѣ печатается въ Парижѣ новое изданіе съ прибавленіями и поправками, сдѣланными Левекомъ. Еще два какіе-то ученые прибавляютъ къ нему свои замѣчанія, извѣченныя изъ новѣйшихъ изслѣдованій о Россійской исторіи. Все это весьма

хорошо; только надобно знать, что Левкову историю читать приятно, не раскрывая Русскихъ липописей; иначе же почти на каждой страницѣ находить можно величайшія неисторическія и пропуски. Сверхъ того Левекъ, какъ Французъ, почиталъ излишнимъ упоминашь о мѣстахъ, бывшихъ позорищемъ важныхъ происшествій; говоря на примѣръ о сраженіи, онъ необъясняетъ гдѣ именно происходило оное. Нѣкоторой Князь, нѣкоторой игуменъ — такъ нѣрѣдко говоритъ онъ объ историческихъ лицахъ весьма важныхъ, но которыхъ онъ недостоиваетъ называть по имени.

*

Пишутъ во Французскихъ листкахъ, что Мунго Паркъ, не хотѣвшій подвергнуть себя обрѣзанію, дѣйствительно погибъ въ Африкѣ. Онъ лишился всѣхъ своихъ товарищей, и плывалъ въ лодкѣ по Нигеру только съ однимъ Африканцемъ. Досадивши, безъ намѣренія, какому то малому владѣльцу, онъ былъ захваченъ симъ варваромъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Нигеръ течетъ весьма нешироко; хотѣлъ было переплыть на другой берегъ, и упонуть.

*

Слава Парижская день и ночь трубитъ нынѣ о новой Деллиевой поэмѣ въ трехъ пѣсняхъ подъ названіемъ: *Бесѣда* (*La Conversation*). Сіе стихотвореніе напечатано вдругъ на семи или восьми разныхъ форматахъ, на бумагѣ разнаго сорта и доброты, большими, средними и малыми буквами, съ картинками и безъ картинокъ. Парижскіе журналы наполнены разборами *Бесѣды*. Вообще говорятъ объ ней очень много хорошаго. Между тѣмъ критики, и конечно безъ намѣренія оскорбить старшаго и можетъ быть лучшаго изъ жи-

выхъ своихъ поешовъ, съ благородною смѣло-
 стію замѣчаютъ и ошибки въ выхваляемомъ
 сочиненіи. На примѣрѣ Делиль написалъ въ
 предисловіи: „въ вѣкѣ Теофрастовъ Греція
 „не имѣла еще той вѣжливости и совершен-
 „ства въ общежитіи, которое было при
 „Периклѣ.“ Делилю тотчасъ напоминаютъ,
 что Теофрастъ жилъ послѣ Перикла, а не
 прежде, и проч. и проч. Делиль, какъ чело-
 вѣкъ съ давняго времени лишенный зрѣнія,
 могъ легко ошибиться. Онъ вѣрно поправитъ
 сдѣланныя погрѣшности и нестанетъ сердить-
 ся на людей, которые оказываютъ ему и чина-
 шелямъ услугу. Будучи богатъ и природными
 способностями и приобретенными знаніями,
 онъ конечно не ударитъ въ набатъ и незакри-
 читъ: „зависть! клевета! не должно говорить
 о погрѣшностяхъ! епо обидно!“

IV. П О Л И Т И К А.

Обозрѣніе заграничныхъ проис- шествій.

Изъ Гншлянги, отъ 15 Мая, н. ст.
 Изъ Валенціи увѣдомляютъ, что Французскій
 гарнизонъ рылъ тамъ укрѣпленія городскія,
 и снялъ всю почти артиллерію съ оныхъ;
 изъ чего заключають, что непріятель намѣ-
 ренъ въ скоромъ времени выдти опшуда.

— По извѣстіямъ изъ Мурціи, Гвериласы распроспранили нынѣ дѣйствія свои повсюду, и не задолго предъ симъ забрали и увели лошаковъ, принадлежащихъ министру внутреннихъ дѣлъ Короля Іосифа, подъ самымъ Мадридомъ.

— По полученнымъ 8 числа Мая отъ Лорда Веллингтона депешамъ, изъ Ниццы отъ 11 Апрѣля, отправился онъ съ частію арміи своей къ сѣвернымъ провинціямъ Португалліи, оставивъ у Гвадіаны Генерала Гилля съ его дивизіею для наблюденія дѣйствій Маршала Сульша.

✱

Изъ Парижа, отъ 20 Мая, н. ст. Г. Персеваль застрѣленъ 11 числа сего мѣсяца. Убийца его, Джонъ Джемсъ Беллинггамъ, былъ прежде Ливерпульскимъ негоціантомъ, и лишился нѣскольکو лѣтъ назадъ всего своего имущества.

✱

Изъ Вѣны, отъ 20 Мая, н. ст. Ерцгерцогъ Антонъ отправился въ Презбургъ для закрытія отъ имени Императора памошняго Сейма.

Отъ 23 Мая, н. ст. Бывшій въ Парижѣ Посоль нашъ, Князь Шварценбергъ, отправился вчерашняго числа въ Галицію. (Съв. П.)

✱

Константинополь, отъ 10 Апрѣля, н. ст. На сихъ дняхъ прибыли сюда Депутаты отъ жителей полуострова Мореи, и въ то время, какъ Султанъ бжалъ въ мечеть, подали ему жалобу отъ всѣхъ жителей сей Области на памошняго Намѣстника *Вели-Пашу*, и на Албанскихъ чиновниковъ, которые именемъ сего Намѣстника, находящагося нынѣ

въ арміи Великаго Визиря, дѣлаютъ имъ величайшія притѣсненія и разоряютъ Морею. Султанъ отослалъ просителей къ Каймакану Пашѣ. Въ слѣдствіе сей жалобы, какъ слышно, *Вли Паша* переведенъ будетъ въ Ниссу на мѣсто тамошняго главнаго Начальника Хоршида Паша, а сей отправится въ Морею.

Новый Дамаскій Намѣстникъ и Емиръ-Уль-Гадшѣ (начальникъ путешествующихъ въ Мекку каравановъ) Силигдаръ Сулеймаръ Паша прешлаго дня отправился отсюда въ Дамаскъ, и Порта надѣется, что до его туда прибытія дѣла въ Аравіи получатъ лучший оборотъ, и что Вехабиты, храбростію Египетскаго Намѣстника и его сына Юссума-Паша выгнаны будутъ изъ Мекки и Медины.
(С. П. В.)

✱

Изъ Турціи, отъ 5 Мая, н. ст. Предпринятое Турками нападеніе на Медину было неудачно. Юсуфъ Паша, встрѣтившій великія въ томъ затрудненія отъ непокорливости и склонности къ грабежу собственныя войска своихъ, принужденъ былъ отложить сіе нападеніе, и оставаться покомъ въ оборонительномъ положеніи, въ ожиданіи прибытія помощи изъ Египта. (Съв. П.)

✱

Лондонъ, отъ 28 Апрѣля, н. ст. Вчера въ обоихъ Парламеншахъ всѣми единодушно опредѣлено засвидѣтельствовать благодарность Лорду Веллингтону и всѣмъ офицерамъ его арміи за взятіе Бадаіоза. Графъ Ливерпуль, который первый сдѣлалъ о семъ предложеніе въ Нижнемъ Парламентѣ, сказалъ между прочимъ, что Бадаіозъ всегда былъ главнѣйшимъ предметомъ непріятельскихъ во-

енныхъ дѣйствій; что Маршалъ Султъ въ прошедшемъ году не прежде, какъ по 36 днѣвной осадѣ и послѣ того, какъ Англійской Коммендантъ умеръ, овладѣлъ сею крѣпостію, которая нынѣ принуждена была сдаться Англійской арміи чрезъ 12 днѣй по окрестности апрошей. Въ Нижнемъ Парламентѣ говорилъ Ген. Тарletonъ, что Англійская армія и великій ея предводитель приобрѣли равную честь, и что нѣтъ никого въ свѣтѣ, кто бы при сихъ обширнѣйшихъ отважилъ предпринять осаду Бадаюза и овладѣлъ бы въ столь короткое время сею крѣпостію. Ген. Маттее сказалъ, что Лордъ Веллингтонъ, подобно Марлбургу, никогда непобѣдимъ.

Отъ 9 Мая, н. ст. Сего Мая 3 числа, имѣлъ Лордъ Веллингтонъ главную свою квартиру въ Фуенте - Гуинальдо. Маршалъ Мармонъ, который, можно сказать, на одно только мгновеніе показался въ Португаліи, спустился до Саламанки. Кортесы опредѣлили извѣстить Лорду Веллингтону благодарность, а Регентство сдѣлало его Кавалеромъ Ордена Св. Фердинанда большаго креста.

Отъ 18 Мая, н. ст. Убийца Персеваля допрашиваемъ былъ 15 числа сего мѣсяца въ судѣ (Old - Valley). Адвокатъ его показалъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣшанъ былъ въ умѣ. Сіе подтвердили и бывшіе на лицо свидѣтели съ его стороны. По выслушаніи всѣхъ обвиненій и доводовъ къ оправданію избранные для сужденія его присяжные (jury) удалились, и чрезъ 10 минутъ возвращаясь объявили его виновнымъ въ умышенномъ смертоубійствѣ. Судъ приговорилъ его по сему потчасъ къ висѣлицѣ, каковая казнь и совершена была надъ нимъ сегодня.

— Шведскій Дворъ, по увѣренію прибывшихъ недавно изъ Стокгольма, намѣренъ торжественно признанъ Г. Торнтонъ Полномочнымъ Министромъ Великобританіи, какъ скоро представитъ онъ въ семъ качествѣ кредитивныя свои граматы,

Отъ 19 Мая, н. ст. Прибывшіе сюда 11 числа Апрѣля мѣсяца изъ Стокгольма утверждаютъ, что переговоры между Торнтономъ и Шведскимъ правительствомъ продолжаются съ успѣхомъ, и что можетъ быть слѣдствія оныхъ въ непродолжительномъ времени сдѣдаются вообще извѣстны.

Отъ 21 Мая, н. ст. При взятіи Бадаюза найдено было въ ономъ болѣе 170 разныхъ артиллерійскихъ орудій, 5,480 ружей, множество пороху и другихъ военныхъ припасовъ.

— Генералъ Балластеросъ наименованъ Генералъ-Капитаномъ четырехъ Королевствъ Андалузій, и Главнокомандующимъ четвертою арміею.

*

Изъ Дрездена, отъ 27 Мая, н. ст. Король Прусскій прибылъ въ здѣшнюю Столицу вчерашняго числа поутру. У дворцоваго подъѣзда Его Величество встрѣченъ былъ всѣмъ здѣшнимъ придворнымъ штатомъ, а въ покояхъ привѣтствуемъ Королемъ нашимъ и пономъ Императоромъ Наполеономъ. Послѣ чего былъ онъ равнымъ образомъ у обоихъ Императоровъ и обѣихъ Императрицъ.

Отъ 4 Іюня, н. ст. По возвращеніи изъ Кенигщпейна Императрица Французская оставила сего числа въ 5 часовъ по полудни здѣшнюю Столицу при звонѣ колоколовъ и пучечной пальбѣ, и отправилась въ Богемію.

Изъ Берлина, отъ 28 Мая, н. ст. Въ слѣдствіе изданнаго 24 числа сего мѣсяца Королемъ нашимъ манифеста, собрано будетъ вновь подаши съ цѣны всѣхъ частныхъ имуществъ въ Государствѣ по три процента; съ доходовъ, какогобы рода они ни были, проспирающихся въ годъ отъ трехъ сотъ шалеровъ и выше, по пяти, а мѣнѣ сей суммы до ста шалеровъ, по одному проценту. Оныя сборовъ, назначенныхъ съ имуществъ; не освобождаются и недвижимыя имущества иностранцевъ.

Отъ 2 Іюня, н. ст. Минувшаго Мая 29 числа по утру Императоръ Наполеонъ отправился изъ Дрездена въ Глогау; а около полудня выѣхалъ и Императоръ Австрійскій съ своею Супругою, въ сопровожденіи Принца Антона, супруги его и Великаго Герцога Вирцбургскаго, въ намѣреніи отправиться чрезъ Тейлицъ въ Прагу.

— Его Величество Король нашъ, на другой день по отбѣздѣ изъ Дрездена обоихъ Императоровъ, осмотрѣвъ Пильницъ и Кенигштейнъ, отправился также отсюда обратно въ Потсдамъ.

— Минувшаго мѣсяца 30 числа Императоръ Наполеонъ прибылъ въ Глогау, и пробывъ тамъ токмо нѣсколько часовъ, продолжалъ путь свой въ Познань.

Отъ 4 Іюня, н. ст. Сего мѣсяца 2 числа, по полудни, Король нашъ прибылъ обратно изъ Дрездена въ Потсдамъ. Того же числа въ ночи возвратился отсюда и Наслѣдный Принцъ нашъ въ здѣшнюю столицу.

Отъ 9 Іюня, н. ст. Для скорѣйшаго сбора учрежденныхъ вновь подашей съ имуществъ и для наблюденія, чтобы подаши сіи взима-

лись по справедливости, и употреблены были для настоящей их цѣли, Король нашъ учредилъ здѣсь особенную комиссію:

Съ береговъ рѣки Вислы, отъ 20 Мая, н. ст. Бывшій при Россійскомъ Дворѣ Саксонскій Посланникъ, Генераль Вапцдорфъ, проѣхалъ на сихъ дняхъ со всею евишою своею чрезъ Кенигсбергъ:

Изъ Познанн, отъ 1 Іюня, н. ст. Минувшаго мѣсяца 30 числа Императоръ Неполеонъ прибылъ чрезъ Глогау въ здѣшній городъ:

Изъ Еребро, отъ 19 Мая, н. ст. Предложеніе Короля нашего о новомъ образѣ набора рекрутъ принято было чинами Королевства всѣхъ четырехъ состояній. По оному обязанность вступать въ военную службу начинается для каждого, исключая обязанныхъ уже государственною службою, съ двадцатаго года, а кончится съ двадцать пятымъ. Всѣхъ считающихся такимъ образомъ въ военной службѣ Король, въ случаѣ нужды, можетъ созывать по классамъ, на которые они будутъ раздѣлены; для обученія ихъ военнымъ дѣйствіямъ, и наполнять ими флотъ или армію. Въ продолженіи службы освобождаются они отъ всѣхъ прочихъ работъ, исключая полевыхъ; а по окончаніи оной представляется имъ право на пенсіи и казенное содержаніе наравнѣ съ прочими солдатами и мапросами.

(Съв. II.)

КОНЕЦЪ LXIII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

Страны

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Краткая исторія и разныя методы споровъ. - - -	82
Рѣчь, говоренная Маріемъ, когда Римской народъ далъ ему начальство надъ войскомъ въ Нумидіи, и поручилъ вести войну противъ Югурты. -	161
Планъ счастливой жизни. -	249
СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Къ Калліопъ. - - -	3
Идиллія. - - -	96
Отрывокъ изъ Делилевой поемы: Сады, или искусство украшать сельскіе виды. -	172
На пляску Д. въ одномъ превосходномъ балетъ. - -	176
На смерть ея же. - -	177
Двѣ Тросіпи. (Басня.) -	279
Къ Музамъ. - - -	280

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О Кишайскихъ законахъ уголовныхъ. - - -	7
Объ изобрѣженіи живописнаго и ваятельнаго художествъ. -	98
О календарѣ и о раздѣленіи времени. - - -	178 и 282

О похвалныхъ словахъ Ломоно-	
сова. - - - -	201
О минералогіи. - - - -	292
Жизнь Улриха Цвинглая, Рефор-	
матора Швейцаріи. - - - -	296

III. К Р И Т И К А.

Отвѣщъ на замѣчанія о Новго-	
родскихъ граматахъ. - - - -	21
На новыя догадки о старинной	
монетѣ. - - - -	126
О древней Русской монетѣ. - -	223

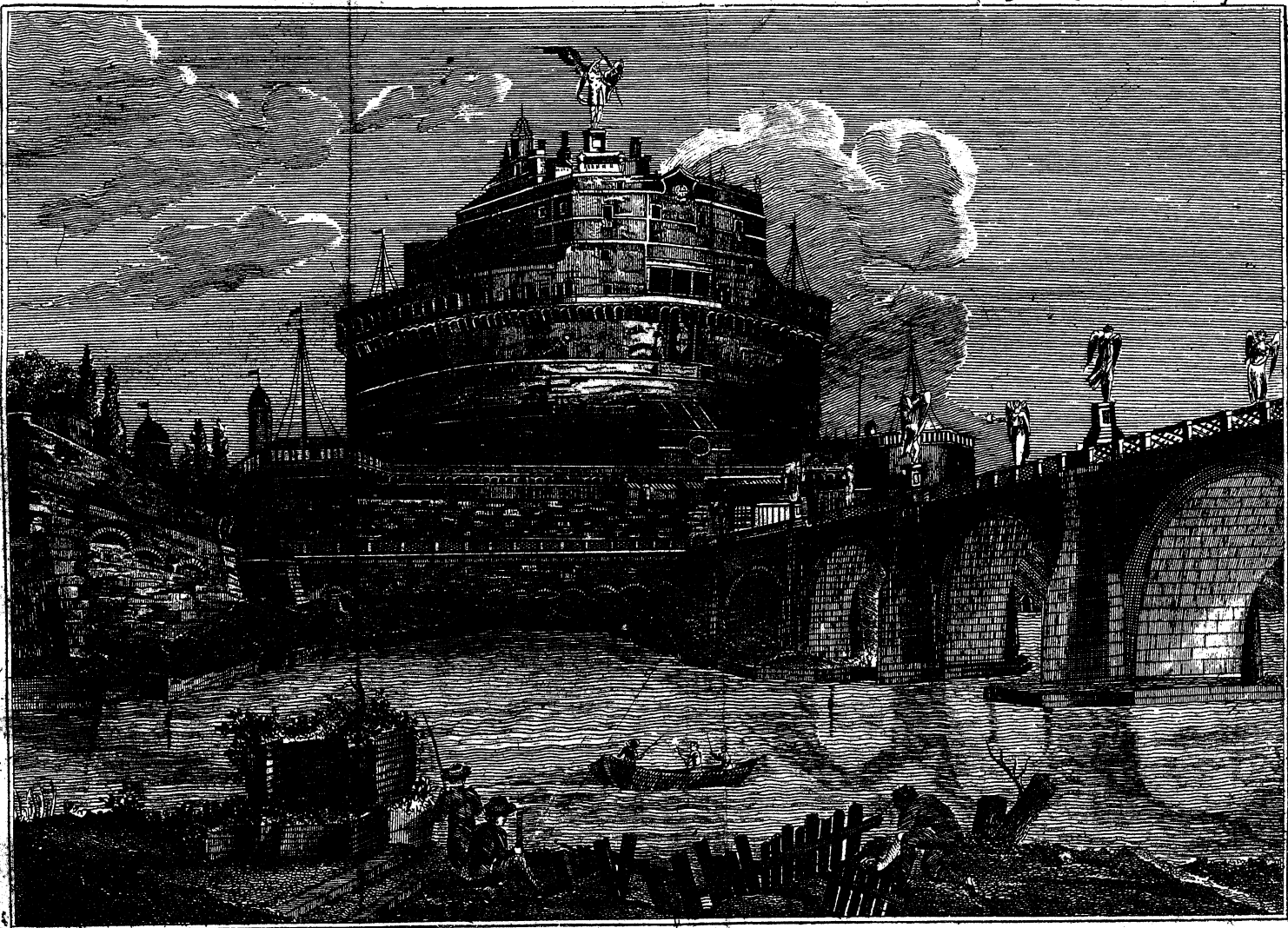
IV. С М Ъ С Ъ.

О нѣкоторыхъ обыкновеніяхъ	
Португальцевъ. - - - -	49
Нравы въ десятомъ и одиннад-	
цатомъ столѣтіяхъ. - - - -	54
Достопамятный случай изъ дре-	
вней исторіи. - - - -	57
О женщинахъ. - - - -	129
Задача для рѣшенія. - - - -	136
Отвѣпы на предложенные во-	
просы. - - - -	232
Московскія записки. 59, 141, 239 и 313	
Разныя извѣстія и замѣчанія. 64	
Выписки, извѣст., замѣч. 150 и 317	

V. П О Л И Т И К А.

О состояніи Ирландскихъ Капо-	
ликовъ. - - - -	69
Обозрѣніе заграничныхъ проис-	
шествій. - 74; 155; 242 и 320	
Увѣдомленіе. - - - -	79

Видъ Пулковской Обсерваторіи въ Петербургѣ.